

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций
(ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ**

Главный редактор

А.Ю. Внутских, профессор, докт. филос. наук

Заместитель главного редактора

А.Ю. Бергфельд, канд. психол. наук

Редакционный совет:

В.Н. Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *В.В. Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *М.И. Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *В.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *С.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *А.В. Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Д.И. Широканов* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси Минск), *В.Д. Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *А.Г. Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Е.В. Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Н.А. Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *И.А. Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Л.А. Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *А.О. Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Е.Е. Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *А.Г. Антипов* (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *В.Б. Житенев* (докт. филос. наук, профессор, Екатеринбург), *Е.А. Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Г.И. Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *В.Г. Попов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Т.Н. Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. (342) 2396-617, (342) 239-834E-mail:
abergfeld@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: [http:// www.psu.ru/](http://www.psu.ru/)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Общественно-экономические формации: сущность, структура, закономерности развития <i>В.В. Корякин</i>	4	Social and economic structures: essence, pattern, appropriatenesses of development <i>V.V. Koryakin</i>
Н. Дайер-Визефорд «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высокотехнологичном капитализме» <i>В.С. Грищенко</i>	21	Dyer-Witheford N. «Cyber-Marx: cycles and circuits of struggle in high technology capitalism» <i>V.S. Gritsenko</i>
Интерпретируя Плотина: от фрагмента к целому <i>А.А. Тютюнников</i>	49	To Interpret Plotinus: from a Fragment to the Whole <i>A.A. Tyutyunnikov</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Особенности познания индивидуальности психологом <i>С.Ю. Жданова</i>	62	Features of the cognition of individual by psychologist <i>S.U. Zhdanova</i>
Учебная успеваемость как фактор знаний в области культуры и склонностей к типу профессии <i>Е.В. Дудорова</i>	73	Academic performance as factor of knowledge in cultural domains and inclinations in type of vocation <i>C.V. Dudorova</i>
Психологическая репрезентация города перми у иностранцев <i>О.И. Кильченко</i>	84	Psychological representation of the city of Perm from foreigners <i>O.I. Kilchenko</i>
Виды и механизмы функциональной алекситимии <i>Д.Г. Трунов</i>	91	The types and mechanisms of functional alexitymia <i>D.G. Trunov</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Социальные проблемы управления рождаемостью в современной России <i>Е.В. Демидова</i>	98	Social problems of the state interference in fertility in modern Russia <i>E.V. Demidova</i>
Гендерные различия в отношении к здоровью: социологический аспект <i>С.С. Гордеева</i>	110	Gender differences in treatment of health: sociological aspect <i>S. S.Gordeyeva</i>

Тема частно-государственного партнерства в печатных СМИ: опыт контент-анализа <i>А.В. Сюлина, Е.Б. Плотникова</i>	118	The topic of public-private partnerships in print media: experience of content-analysis <i>A. Syulina, E. Plotnikova</i>
Состояние местного самоуправления как института гражданского общества в России <i>К.А. Антипов</i>	124	The state of self-government as institution of civil society in Russia <i>K.A. Antipiev</i>
Городской социум в условиях социально-экономического кризиса <i>Г.В. Разинский, О.А. Чибисова</i>	134	The city community in the social and economic crisis <i>G. Razinsky, O. Chibisova</i>
Конкурентноспособность будущего специалиста в условиях рынка труда <i>В.Я. Звездин</i>	142	Competitiveness of the future expert in the conditions of the labour market <i>V. Zvezdin</i>
Национальные культурные характеристики работника и проблемы управления персоналом <i>О.К. Яковлева</i>	152	National and cultural characteristics of an employee and problems of personal management <i>O.K. Jakovleva</i>
С.Н. Южаков и субъективный метод в русской социологии <i>В.Г. Попов</i>	164	S.N. Yuzhakov and subjective method in russian sociology <i>V.G. Popov</i>
Проблемы формирования актива первичных профсоюзных организаций <i>И.А. Германов, Е.Б. Плотникова</i>	171	The problem of formation of trade union activists in primary organizations <i>I. Germanov, E. Plotnikova</i>

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.323:1

**ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ:
СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ*****В.В. Корякин***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru

На основе конкретно-всеобщего понимания человеческой сущности уточняется понятие формации и ее структура. Обсуждаются основные закономерности смены и соотношения формаций. Исследуется ряд социально-философских категорий: формационного центра, формационной периферии, общественно-экономического уклада, формационного перехода.

Ключевые слова: формация; закономерность исторического процесса; сущность человека; труд; базис; надстройка.

Люди как социальные материальные существа, производящие собственную сущность во всем многообразии ее проявлений посредством преобразования природы, являются субстанцией исторического процесса. История — это процесс саморазвития и взаимного развития людей. Концентрированным образом человеческая сущность производится в труде. Все многообразие изменений общественной жизни и отношений, в которые в ходе этих изменений вступают люди, является сторонами трудового процесса. Стороны эти относительно самостоятельны. Они могут реализовываться как в процессе самого труда, так и наряду с ним, они могут оказывать обратное действие на труд как таковой, но вместе с тем как выражение труда всегда зависят от него. Конкретно-всеобщее понимание труда как процесса производства

социальной, материальной, родовой и индивидуальной человеческой сущности, реализующейся в системе сущностных свойств человека [1], позволяет подойти к построению соответствующей по уровню теоретической сложности конкретно-всеобщей теории исторического процесса.

Целостная конкретно-всеобщая теория исторического процесса, описывающая и объясняющая как общее, так и в сжатом обобщенном виде все многообразие особенного в общественном развитии, на сегодняшний день отсутствует. Однако справедливости ради стоит отметить, что существенные ее фрагменты, в разной мере схватывающие сущность общественных изменений, все же имеются в мировой и отечественной науке. Фундамент этой теории был заложен еще К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Впервые в общих чертах материалистическое видение исторического процесса, его направленности, объективного, закономерного и поступательного характера было обозначено К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Немецкой идеологии». Родоначальники современного материализма исходили из положения, что история — это процесс жизнедеятельности действительных человеческих индивидов. Люди, преобразуя природу, развиваются сами. Они выступают в качестве важнейшей производительной силы общества. Сам процесс производства собственной жизни посредством преобразования природы выражается в трудовой деятельности людей. Производительные силы общества развиваются. Появление новой производительной силы (в первую очередь новых трудовых навыков) влечет за собой усложнение разделения труда, а с усложнением и разделением труда меняются отношения собственности (производственные отношения). С усложнением труда и собственности меняются социальная и политическая организация общества, осознание человеком собственной жизни [2].

В «Немецкой идеологии» была выражена суть материалистического понимания общества и исторического процесса, которая в последующих работах К. Маркса и Ф. Энгельса с разных сторон и в разных аспектах прояснялась и конкретизировалась. К примеру, в работе «Наемный труд и капитал» К. Маркс дал анализ общественного развития сквозь призму эволюции производственных отношений [3. С.442], в «Нищете философии» он особое внимание уделил эволюции орудий труда как неотъемлемой составляющей производительных сил, которые вкуче с трудом, порождением которого эти орудия являются, в существенной мере определяют характер производственных, социальных,

политических и духовных отношений [4. С.133].

К сожалению, многие последователи К. Маркса, обращаясь к анализу общественного развития, ссылались не столько на «Немецкую идеологию» или «Капитал», существенно конкретизировавший ее положения, сколько на промежуточные работы, в которых давалось самое беглое или фрагментарное изложение материалистического понимания истории. Следствием такого обращения к Марксовому наследию нередко становится упрощенное толкование сути исторического материализма и весьма одностороннее, а порою и ошибочное его применение в процессе исторических исследований. К примеру, типичным для подавляющего большинства советских историков было стремление анализировать общественный процесс сквозь призму производственных отношений (т.н. базиса), реже — производственных отношений и средств производства без учета эволюции труда, который данные средства и отношения порождает. Весьма распространенным среди отечественных социальных философов-марксистов стало сведение общественной жизни людей к совокупности общественных (базисных и надстроечных) отношений.

Примечательно, что уже в «Немецкой идеологии» родоначальники исторического материализма при анализе общества и истории исходили в первую очередь из состояния материальной жизни индивидов и способа, каким эту жизнь индивиды производят, т.е. труда. Это же понимание истории было продемонстрировано К. Марксом и в предисловии «К критике политической экономии» — наиболее цитируемой материалистами-историками, философами истории и социальными философами работе. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их

воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [5. С.6-7]. «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации... Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [Там же. С.7].

Понятия способа производства и формации являются центральными при анализе периодизации общественного развития в историческом материализме. Понятие способа производства было введено Марксом и Энгельсом еще в «Немецкой идеологии», понятие формации — Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Оба понятия существенно конкретизируют центральные понятия научной социальной философии — общественного бытия и общественного сознания, позволяя кон-

кретно-всеобщим образом подходить к рассмотрению человека, общества и истории. Понятия способа производства и формации, если их не трактовать упрощенно и односторонне, являются конкретно-всеобщими понятиями, схватывающими в социальной действительности и ее развитии как общее, так и в сжатом, обобщенном виде все многообразие особенного. Они являются тем самым «синтезом многочисленных определений», к которому должно прийти всякое исследование социальной действительности при логическом восхождении от конкретного к абстрактному и далее от абстрактного к конкретному. Имея в начале рассуждения общественное бытие и общественное сознание, используя данную логическую процедуру, мы приходим к способу производства общественной жизни в целом, материальной и духовной жизни в частности, а затем к формации — единству базиса и надстройки.

Общественное бытие — это материальная жизнь индивидов, это сами люди как социальные материальные интегральные существа, производящие свою универсальную, родовую и индивидуальную сущность посредством преобразования природы. При конкретном рассмотрении общественное бытие выступает в виде иерархии своих форм. Оно включает в себя, в частности, семейное и этническое материальное бытие индивидов. Поскольку материальная жизнь индивидов имеет природное и техническое выражение, общественное бытие включает в себя все многообразие уровней материальной организации людей (собственно социальный, биологический, химический, физический и т.д.), а также так называемые средства производства (предметы и средства труда), преобразованную человеком природу. Общественное бытие как единство людей и средств производ-

ства фиксируется в материализме понятием производительные силы общества.

Единство людей как особого рода материальных существ внешне выражается в отношениях, которые складываются между ними, а также между ними и природой в процессе производства собственной жизни. Данные отношения поэтому носят характер материальных производственных отношений. Общественное бытие с учетом того, что оно есть бытие людей и преобразуемой ими природы (средств производства), а также материальных отношений выступает в качестве единства производительных сил и производственных отношений.

Сущность людей, общественного бытия в целом имеет производящий характер, она производится, в процессе производства раскрывается и только в нем может быть схвачена. Общественное развитие есть общественное производство в широком смысле, развитие общественного бытия есть общественное материальное производство в широком смысле. Материальное производство в широком смысле включает материальное производство как таковое, или труд, семейное и этническое производство. При этом труд является сущностью и концентрированным выражением материального производства вообще. Поскольку развитие есть движение от простого к сложному, общественное бытие реализуется в многообразии последовательно сменяющих друг друга исторических форм или этапов. Каждой исторической форме общественного бытия присущ свой определенный способ производства людьми собственной жизни. Понятие способа производства фиксирует особенности развития общественного бытия (производительных сил и производственных отношений) на определенном этапе его становления и одновременно то общее, что присуще эволюции общества на любом его эта-

пе. В определенном смысле способ производства — это единство производительных сил и производственных отношений, взятых в аспекте их исторической определенности и развития. Это определенная историческая форма, этап развития производительных сил и производственных отношений.

При этом важно учитывать, что люди, производящие свою жизнь в труде, одновременно являются субъектами и других качественно определенных форм материального производства — семейного и этнического [6]. Производительные силы общества, таким образом, можно трактовать в узком и широком смысле. В узком смысле производительные силы — это осуществляющие трудовую деятельность индивиды, в широком смысле они есть люди, занятые не только трудовой деятельностью, но и деятельностью, производящей их собственную семейную и этническую жизнь. Производство осуществляется индивидами посредством средств производства, которые сообразно самим производительным силам также можно трактовать в узком и широком смысле. В узком смысле средства производства есть предметы и средства труда, в широком смысле они есть также особым образом преобразованные и используемые природные объекты, выступающие в качестве средства производства семейной и этнической жизни.

Производственные отношения также могут быть поняты в двух смыслах. В широком смысле они есть трудовые отношения — отношения производства, потребления, распределения и обмена, управления как единства отношений распределения и обмена, а в принципиальном виде — это отношения собственности, стоимости, власти. В широком смысле они есть также семейные и этнические материальные отношения. Способ производства материальной жизни

как единство производительных сил и производственных отношений, таким образом, также может быть различным образом интерпретирован.

Общественное бытие реализуется также в своей акциденции — общественном сознании. Общественное сознание есть отражение общественного бытия. Общественное сознание развивается сообразно общественному бытию и как таковое имеет отраженный производящий характер. Духовное производство отражает материальное производство, хотя в силу своей определенности как идеальное в точности с ним не совпадает, обладает относительной самостоятельностью и оказывает обратное воздействие на него. Духовное производство имеет общественный характер, реализуется в особой форме — духовных отношениях. Описывая общественное сознание как отраженное общественное бытие, правомерно говорить о духовных производительных силах общества, духовных производственных отношениях и способе духовного производства.

Духовные производительные силы общества — это люди, осознающие собственную жизнь, производящие идеальным образом свое бытие существа и средства, необходимые для данного производства. В качестве средств производства общественного сознания, или идеального общественного бытия, выступают различного рода преобразованные природные объекты: язык и средства реализации и развития языка (языковые средства), предметы искусства и средства, необходимые для их создания, насильственные действия и средства насилия, объекты религиозного культа и т.д. Как субъекты духовного производства люди вступают в особого рода отношения — духовные производственные отношения, которые в силу идеальной и субъективной природы сознания реа-

лизируются лишь посредством особого рода материальных средств (языка и невербальных знаковых систем). Отражая общественное бытие, общественное сознание развивается, имеет исторический характер. На каждом этапе общественного развития люди определенным образом производят свою духовную жизнь, создают исторически определенное мировоззрение. Единство духовных производительных сил и духовных производственных отношений, взятое в их исторической определенности, есть способ производства духовной жизни общества.

Производительные силы общества, или люди, осуществляющие материальную деятельность, и средства их материальной деятельности являются содержанием производственных отношений. Эти отношения (как в узком, так и в широком смысле) являются базисом общества. Другими словами, базис — это форма общественного бытия, если это бытие трактовать непосредственно как бытие людей — социальных материальных индивидов. Духовные производительные силы общества, или люди, осуществляющие духовную деятельность, являются содержанием духовных отношений. Эти духовные производственные отношения есть надстройка. Надстройка по сути есть форма общественного сознания.

В современной материалистической литературе (большей частью исторической, экономической, социологической и политической и меньшей частью социально-философской) уже давно утвердилось упрощенное толкование общественной формации. Она трактуется как единство базиса и надстройки, т.е., по сути, понимается как многообразие общественных (материальных и духовных) отношений. Такое понимание формации, безусловно, можно приписать К. Марксу, поскольку ему периодически (в

зависимости от цели и задач исследования) было присуще рассматривать исторический процесс как эволюцию общественных отношений. Но тот же К. Маркс продемонстрировал и более глубокое понимание истории как процесса развертывания социальной материальной (производящей) сущности человека, сущностных сил человека (в первую очередь труда). Даже в предисловии «К критике политической экономии», на которую так любят ссылаться все материалисты-философы и методологи истории, К.Маркс дал описание общественного развития как эволюции производительных сил и производственных отношений в их диалектическом единстве, обозначив при этом, что именно в производительных силах общества, в самих людях как производящих свое бытие существах стоит искать в конечном счете ключ ко всякому общественному изменению.

Сведение формации к совокупности общественных отношений, ставшее отчасти следствием приверженности многих советских исследователей к буквоедству и цитатничеству, породило немало трудностей в исследовании исторического процесса. Растворяя формацию в общественных отношениях, нетрудно было выпустить из поля зрения подлинную основу истории — живых человеческих индивидов, производящих собственную жизнь. К примеру, в советской исторической науке мы можем встретить колоссальное количество (безусловно, важных) исследований производственных и классовых, политических и духовных отношений, быта, средств производства, но не найдем ни одной монографии, которая специально рассматривала бы эволюцию человеческого труда. Даже для советской философской науки проблема труда и его эволюции — тема, хотя и заметная, но редко встречающаяся. Это редуцирование человеческой жизни к человеческим

отношениям существенно удаляло советских обществоведов от субстанциального описания и объяснения истории, что в итоге и породило теоретические трудности, как только в гуманитарных исследованиях обнаружилась проблема конкретно-всеобщего.

Общественная формация, безусловно, включает в себя базис и надстройку, но базис и надстройка — это всего лишь формы общественного бытия и общественного сознания соответственно. Удаление из формации ее содержания — производящих и мыслящих людей — глубоко чуждо диалектике, оно отбрасывает всякое исследование по его теоретическим основаниям на тысячелетия назад. Оно неизбежно рождает абстракции, которые сродни представлениям первых древнегреческих философов. Древние, к примеру, полагая в качестве основы мира некое первовещество, приходили к выводу об изменяющемся мире, который внутренне остается всегда неизменным. Понимание формации как совокупности общественных отношений, которые исторически изменчивы, имплицитно содержит в себе возможность толкования человеческой сущности как внутренне неизменной. Люди не меняются, меняются лишь отношения между людьми. Ничего подобного у К. Маркса в рассуждениях об обществе и истории, безусловно, не было, чем он и велик как исследователь.

Формацию, стало быть, если следовать духу исторического материализма, стоит трактовать как исторически определенный этап развития общества (людей в их отношениях друг к другу), исторически определенный этап развития общественного бытия и общественного сознания, которые являются содержанием базиса и надстройки соответственно. Во всяком случае только такое, максимально охватывающее все многообразие сторон и проявлений обществен-

ной жизни, понимание формации максимально приближает его к человеку как единственному реальному творцу истории. Формация — это люди, исторически определенным образом материально и духовно производящие собственную жизнь, это люди, достигшие определенного исторического этапа собственного развития. При такой антропологической интерпретации категория формации выступает в виде синтеза многочисленных определений общества, в виде конкретно-всеобщего понятия, являющегося итогом длительного логического восхождения от абстрактного к конкретному при анализе общественной жизни.

Формация как люди на определенном этапе их исторического развития является выражением определенного тождества универсальной, родовой и индивидуальной социальной материальной сущности людей, определенного исторического тождества конечного и бесконечного в общественной жизни людей. Такое понимание формации позволяет раскрыть исторический процесс как движение от простых формаций к сложным и выявить при анализе соотношения данных этапов целый ряд закономерностей общественного развития, ранее большей частью не замеченных наукой. Закономерности эти в сообразно сущности человека виде, по сути, повторяют закономерности мирового процесса, открытые конкретно-всеобщим материализмом, являются их модификацией. Они являются закономерностями движения к тождеству конечного и бесконечного в человеке, а конкретнее — закономерностями движения к тождеству универсального, родового и индивидуального в людях.

Базовой закономерностью, которая, по мнению Т.С. Васильевой, представляет собой по сути всеобщий исторический закон, является последовательное движение общества (челове-

чества в целом) от простых формаций к сложным [7]. Число формаций бесконечно, поскольку бесконечна сама история, сама жизнь человечества, которая создается людьми посредством преобразования бесконечного материального мира. История в принципе не может завершиться, завершаются лишь ее определенные этапы, да и те не бесследно. Впрочем, современное человечество прожило лишь часть этапов своего развития. И эти этапы требуют своего конкретно-исторического определения.

К. Маркс, как известно, предлагал в разных работах две периодизации истории. Одна из них, более общая, ставшая, по сути, данью гегельянству и его абстрактно-всеобщей диалектике, заключала движение истории в три этапа. К. Маркс, не мудрствуя лукаво, попросту определял эти формации как первичную, вторичную и третичную, или как первобытное коммунистическое общество, антагонистическое общество и подлинный коммунизм. Наметки данной периодизации были изложены автором еще в «Философско-экономических рукописях 1844 г.» в процессе анализа движения труда от его первоначальной внутренне нерасчлененной формы к отчужденному труду и затем снятию этого отчуждения. Впоследствии эта периодизация истории в более выверенном виде использовалась К. Марксом во многих работах, проследить ее можно и в «Капитале».

Другая, более дробная периодизация, вчерне была изложена впервые в «Немецкой идеологии» и повторена Марксом и Энгельсом во многих последующих работах, представлена она была и в предисловии «К критике политической экономии». Она, по сути, выстраивалась на основе качественно новой формы диалектики — конкретно-всеобщей и для построения целостной конкретно-всеобщей материалистической теории общества имеет принципиальное

значение. К. Маркс, в частности, предлагал выделять пять-шесть формаций в истории. Пятичленное деление общественного развития включало в себя первобытную, рабовладельческую (античную), феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации. Шестичленное деление предполагало выделение еще одной формации — «азиатской», которую Маркс помещал между первобытностью и рабовладением. В некоторых работах немецкий классик рассматривал первобытность и общество с «азиатским» способом производства как один и тот же этап общественного развития. Подобные нестыковки в периодизации и терминологические расхождения неоднократно порождали споры среди историков-марксистов как в зарубежной, так и в отечественной науке, однако сути материалистического представления об истории как последовательном бесконечном восхождении от простых формаций к сложным эти нестыковки в принципе не меняют.

История согласно основоположникам научного материализма — бесконечный процесс. В данной связи лишней раз придется возразить оппонентам Маркса, обвиняющим до сих пор сторонников формационной теории в финализме, поскольку с позиций исторического материализма общественное развитие якобы завершается коммунизмом. В очередной раз придется привести вывод Маркса о том, что капитализмом завершается лишь предыстория человечества, а коммунистическая формация открывает начало подлинной истории свободных творческих индивидов [5. С.8]. Дальнейшее развитие, по мысли Маркса, должно происходить в рамках коммунистического общества, другими словами, должно представлять собой последовательную закономерную смену бесконечного ряда коммунистических формаций.

Каждая формация — это определенный конкретно-исторический тип общества, тип единства универсальной, родовой и индивидуальной сущности человека, тождества индивидуального и общественного, конечного и бесконечного в человеке. Будучи исторически определенной, каждая формация конечна. Однако в ней как конечном образовании заложены потенции ее бесконечного развития, которые, реализуясь, порождают качественно более сложную формацию. На данный момент в истории можно выделить несколько последовательно сменяющихся друг друга этапов общественного развития, вычленение которых, впрочем, требует дополнительного обоснования. Поэтому пока что весьма предварительно представляется возможным выделить следующие формации: первобытно-общинную с «присваивающим» способом производства, первобытно-общинную с производящим способом производства (неолитическую), формацию с «азиатским» способом производства, рабовладельческую (античную), феодальную, капиталистическую и коммунистическую (если в качестве первого ее этапа рассматривать социализм, начало которому было положено в 1917 г.).

В истории отдельных народов, как показывает опыт современной исторической науки, можно наблюдать частый феномен перескакивания в развитии через целые формации. Адекватность подобного вывода исторической действительности, впрочем, еще следует досконально проверить и проанализировать. Вполне может статься, что он является следствием несовершенства методологии абстрактно-всеобщей материалистической теории и ее неклассического ответвления. Однако бесспорным является тот факт, что во всемирно-исторических масштабах все перечисленные

формации имели место быть, и сменяли они друг друга последовательно.

Движение общественного бытия и общественного сознания, человеческой сущности от простого к сложному выражается в движении от простых формаций к сложным. При этом простые формации никуда не исчезают. Они сохраняются в качестве уклада в сложной формации, т.е. во включенном в нее состоянии, и в качестве так называемой формационной периферии, т.е. наряду с ней, в не включенном в нее виде. При этом ни уклад, ни формационная периферия не являются в точности воспроизводством старой формации. Обладая архаической формационной определенностью, они трансформируются сообразно господствующему сложному типу общественного устройства.

Понятие общественно-экономический уклад впервые было введено в гуманитарной науке В.И. Лениным при анализе общественного развития России начала XX в. Наряду с исчезающими старыми феодальными и капиталистическими формами хозяйства он выделял нарождающиеся новые формы социалистического производства. Всего в развитии России первых лет советской власти В.И. Ленин выделил пять таких укладов [8. С.174-181]. Впоследствии проблема многоукладности общественного развития привлекала внимание многих отечественных ученых-историков. Уклады, впрочем, рассматривались отечественными исследователями исключительно с абстрактно-всеобщих материалистических позиций. В советской литературе четко прослеживается абстрактное представление об истории как о последовательной смене формаций. В данной связи архаические уклады воспринимались как временные общественные образования, которые разрушаются под действием нарождающейся формации и при утверждении новых производи-

тельных сил и производственных отношений должны бесследно исчезать. Вместе с тем в советской исторической литературе можно обнаружить мнение, отличное от устоявшегося. Б.Ф. Поршнев еще в 1975 г. высказал замечание, что в развитии периферии капитализма в так называемых развивающихся странах многоукладность присутствует как непреходящее явление [9. С.38-39].

Многоукладность — это продукт постоянного воспроизводства старых производительных сил и соответствующих им производственных отношений, которые реализуются также в исторически определенном типе мировоззрения и определенных социальных, политических и духовных отношениях. Учитывая диалектику производства и воспроизводства, стоит отметить, что воспроизводство старых форм общественной жизни всегда происходит в связи с производством, т.е. становлением и развитием качественно нового типа общественного устройства, сообразно ему. Уклад, по сути, это «включенное низшее» формации, качественно определенный уровень организации общества. Наличие укладов позволяет взглянуть на формацию как на интегрированное единство различных по уровню сложности типов общественного бытия и общественного сознания, типов тождества универсальной, родовой и индивидуальной сущности человека. Каждый человек может осуществлять деятельность разного уровня сложности как одновременно, так и попеременно. Уклады общественной жизни, таким образом, в рамках формации интегрированы как внутренним, так и внешним образом соответственно.

Многоукладность общественной жизни можно конкретизировать, учитывая то, что материальное производство многоаспектно. Оно реализуется как в собственно производстве

(труде), так и в этническом и семейном производстве. Человек не только осуществляет различную по уровню сложности трудовую деятельность, он на различных уровнях сложности производит также свою этническую и семейную жизнь как одновременно, так и попеременно. Этнос и семья, являясь относительно самостоятельными формами общественного бытия людей, также имеют интегральный характер. Какого бы уровня сложности не достигала, к примеру, семейная жизнь человека, в ней в обобщенном виде воспроизводятся архаические типы семьи со всеми присущими им внутрисемейными и межсемейными отношениями. Такой же вывод можно сделать и относительно этнического бытия человека.

Сообразно материальной жизни людей интегральную структуру приобретают общественное сознание и общественные (материальные и духовные, социальные и политические) отношения. Человеческое мировоззрение, к примеру, содержит в себе различные по уровню сложности картины действительности. Наряду со сложными формами логического и чувственного сознания, бессознательного в нем присутствуют и их архаические формы, которые люди приобретали начиная с первобытности. Миф, к примеру, хотя и давно утратившее свое приоритетное значение для человека явление, но все же современное. Он трансформировался в современном сознании сообразно более сложным формам интеллекта. В соответствии с уровнями сложности мышления реализуются и знаковые средства духовного общения. Современные языки, например, в превращенном виде содержат в себе всю историю языка.

Рассматривая человека в общепhilosophическом аспекте, как социальное материальное интегральное существо, в котором представлены в соподчиненном виде все уровни материальной

организации, можно констатировать, что каждая формация имеет определенные природные основания и связана с определенными средовыми природными условиями. Каждый общественный уклад, стало быть, также имеет определенные природные основания и существует в определенном природном окружении.

Идея о том, что каждая формация связана с определенной географической средой, влияющей на характер технологических способов производства, развитие общественного разделения труда, социально-экономический строй, была высказана еще родоначальниками исторического материализма [10. С.30; 11. С.552]. История человечества — это вершина и одновременно продолжение материальной эволюции в целом. В общественном развитии реализуется единство истории человечества и природы. Данная мысль получила свое развитие в советской науке. Например, А.М. Ковалев пришел к выводу, что между производительными силами, производственными отношениями, базисом и надстройкой, народонаселением, географической средой существует соответствие, они находятся в единстве, представляют собой единый, целостный социальный и природный комплекс [12. С.48]. По мнению многих авторов, всемирно-исторический процесс (как общее, так и особенное в нем) имеет свою географическую направленность [13. С.34; 14. С.54-55 и др.].

Однако формация как исторический тип общества существует не только в определенных природных географических условиях, она имеет и определенные природные основания. Социальный субстрат включает в себя помимо собственно социального биологического, химического, физического уровни организации. В отечественной науке особенно пристальному изучению был подвергнут характер изменений

человеческой биологии в процессе общественного развития [15]. В процессе дискуссий о соотношении социального и биологического в человеке В.В. Орлов пришел к выводу, что вовлеченная в исторический процесс общественной жизни биология человека принимает исторические формы, определяемые историческими ступенями развития общества [16], что позволило Н.Б. Оконской высказать и обосновать идею о наличии так называемых социально-биологических формаций [17. С.129-140].

На проблему развития природных оснований исторического процесса можно взглянуть шире, тем более что конкретно-всеобщая общеполитическая концепция человека как социального материального интегрального существа это позволяет сделать. В ходе общественного развития эволюционные изменения происходят не только в человеческой биологии, но и на химическом и физическом уровнях организации индивидов. Социальная химия и социальная физика, к сожалению, как науки существуют сегодня лишь в заявочной форме, поскольку крайне сложным является предмет их изучения. Многие выводы по данным областям знания носят гипотетический и большей частью отрывочный характер. Однако, исходя из общих теоретических посылок, можно предположить, что химия и физика человека развиваются в соответствии с его собственно социальной сущностью. В данной связи можно выделять не только социально-биологические формации, но и формации социально-химические и социально-физические. А если брать все уровни материальной организации человека вкуче, можно вполне говорить и о социально-природных формациях.

Общественный уклад также имеет определенную природную локацию и определенные природные основания. Если рассматривать

конкретнее, то можно предположить, что каждый человек, осуществляя тот или иной вид деятельности, вступает в отношения с определенными природными объектами и реализует определенные свои биологические, химические и физические силы. Причем как сами виды деятельности, так и природные условия и основания их реализации различны по уровню сложности. Человек, к примеру, может по-разному расходовать свою биологию, он может ее усложнять, приобретая новые трудовые навыки, а может возвращаться к простым видам собственной биологической активности, осуществляя примитивную трудовую деятельность.

Каждая формация как общество на определенном этапе развития, как определенное общество, имеет свои пространственно-временные границы существования. Пространственно формация связана не только с вполне конкретными природными условиями, но и с конкретными общественными условиями, группами людей. Формация имеет свою локацию в обществе, т.е. с человечеством в целом не совпадает. По мере исторического развития простые формации сохраняются не только в сложной формации в качестве ее укладов, но и наряду с нею, т.е. в не включенном в нее виде, в качестве своего рода формационной периферии.

Данный феномен давно зафиксирован в научной литературе и традиционно рассматривается в контексте проблемы неравномерности исторического процесса. Закон неравномерного развития обществ был впервые раскрыт В.И. Лениным при анализе современной ему системы капитализма [18. С.308], а впоследствии обнаружен советскими авторами и в предыдущих исторических эпохах [19]. Однако анализ данного закона в отечественной литературе осуществлялся главным образом с абст-

рактно-всеобщих позиций, в результате чего утвердилось мнение, что все народы проходят в своем развитии одни и те же этапы, особенности же исторического пути каждого народа сводятся лишь к формальным различиям — темпам его прохождения. Как следствие, неравномерность общественного развития стала трактоваться как явление преходящее: рано или поздно все общества должны прийти к одному и тому же типу общественной жизни.

Однако эмпирические данные показывают, что отставание целого ряда народов в своем развитии было характерно для всех исторических эпох. Многие общества вообще не знали некоторых этапов формационного развития. Отстающие народы в своем становлении обнаруживают как архаические формы общественной жизни, так и передовые, зачастую идентичные тем формам, которые присущи наиболее развитым народам. Данный факт свидетельствует, во-первых, о том, что в этапах исторической эволюции отдельные народы не тождественны друг другу, а во-вторых, что темпы их развития существенно синхронизированы. Какой бы специфической формой общественной организации отдельные народы не обладали, все они живут в одном и том же историческом времени. И как живущие в одном историческом времени, они не только отличны друг от друга, но и, стало быть, тождественны друг другу.

Проблема тождества и различия как в сути, так и в темпах развития отдельных обществ особенно явно проявилась в целом ряде дискуссий о формационной принадлежности тех или иных обществ. Наиболее результативными, как представляется, оказались споры об «азиатском» способе производства, о формационной принадлежности средневековых Италии, Греции, стран, расположенных восточнее Эльбы,

Древней Руси, о природе так называемого II издания крепостничества, о характере Ноябрьской революции в Германии и т.д. В ходе этих дискуссий был установлен двойственный характер развития отстающих народов, где наряду, например, с самыми передовыми экономическими формами сохранялся целый ряд архаических форм. Однако эта двойственность общественной жизни отстающих обществ оказалась понята с абстрактно-всеобщих позиций, вследствие чего неизбежным стало сведение природы данных обществ либо к передовым, либо к архаическим формациям, поскольку развитие понималось как смена общественных формаций, а не как их необходимое сохранение и дальнейшая взаимная эволюция.

Конкретно-всеобщий подход к истории позволяет снять подобного рода редуccionистские трактовки. Невключенное низшее, среда высшего, или так называемая формационная периферия, сохраняет свою формационную определенность, но при этом продолжает развитие в рамках данной определенности сообразно с новой формацией. Простые формации, выступая в качестве формационной периферии, оказываются внешним образом интегрированы с передовыми обществами, необходимым образом сопричастны их развитию и в этом смысле принадлежащими новой формации.

Воздействие передовых обществ на отстающие стало предметом пристального изучения историков-марксистов во второй половине XX в. Накоплен существенный эмпирический материал по взаимодействию так называемых формационных, или всемирно-исторических, центров развития и их периферии [20]. Впрочем, характер этого взаимодействия подвергся анализу преимущественно также с абстрактно-всеобщих материалистических позиций. Полагая, что передовое общество должно своим

воздействием рано или поздно перестроить на свой лад отстающие общества и тем самым выровнять взаимодействующие общества в их развитии, историки упустили из виду, что отстающие общества также существенно влияют на передовые и полностью своей прежней формационной природы не утрачивают.

Отношение ведущей формации и ее укладов, т.е. внутренне интегрированных в нее старых формаций, отношение ведущей формации и ее периферии, т.е. внешне интегрированных с ней старых формаций, представляет собой диалектическое отношение высшего и низшего. Высшее зависит от низшего как своего основания и среды, но при этом обладает собственным содержанием, существует и развивается согласно собственной сущности и, более того, оказывает обратное определяющее воздействие на развитие низшего. Низшее (уклад, периферия) обладает лишь относительной самостоятельностью, вне единства с высшим (передовой формацией) оно ни существовать, ни развиваться далее в рамках собственной определенности не может.

Процесс смены основных формаций, отношение формации и ее укладов, периферии, демонстрирует одну из фундаментальных закономерностей исторического процесса — интеграции общественной жизни. Процесс интеграции выступает в двух планах — внутреннем и внешнем. Внутренняя интеграция реализуется в соподчинении укладов, в связи с чем можно говорить о формации как об интегральном образовании. Внешняя интеграция реализуется в соподчинении обществ, находящихся на разных стадиях развития, в связи с чем можно говорить о формации как комплексном интегральном образовании.

Понятие комплексной формации необходимо ввести для того, чтобы подчеркнуть нераз-

рывное единство передового общества и его периферии. Данное понятие аналогично понятию комплексной формы материи, используемому в концепции единого закономерного мирового процесса наряду с понятием основной формы материи. История — это не только последовательный процесс смены основных формаций (первобытной, «азиатской», рабовладельческой, феодальной и т.д.), но и процесс последовательной смены комплексных формаций. Понимание общественного развития как смены основных формаций позволяет вскрыть суть исторического процесса в принципиальном и наиболее общем виде. Смена основных формаций — это своего рода магистраль общественного развития, которая в концентрированном виде реализуется всегда в локальных исторических условиях. При таком лишь подходе качественное своеобразие развития прочих обществ, которые остались вне фарватера мировой истории, может быть представлено лишь односторонне, абстрактно и достаточно бедно. Понимание же истории как смены комплексных формаций позволяет учесть не только развитие общества на магистрали, но и его развитие во всем многообразии отступлений от магистрального пути (но все же в связи с магистралью).

Если в качестве основных формаций выделять первобытно-общинную с «присваивающим» способом производства, неолитическую, «азиатскую», рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую, то в качестве комплексных формаций можно назвать неолитическо-«присваивающую» первобытную, «азиатско»-первобытную, рабовладельческо-«азиатскую», феодально-рабовладельческую, буржуазно-феодальную и коммунистическо-буржуазную. Терминологическое обозначение данных комплексных фор-

маций весьма условное, что называется рабоче. Оно должно подчеркнуть связь передовых по своей формационной принадлежности обществ с отстающими в рамках человечества в целом и зафиксировать определяющее воздействие сложного типа общественной жизни на простые.

В процессе интеграции общественной жизни можно выделить еще одну закономерность. История — это аккумулятивный процесс, в сложных этапах в обобщенном виде накапливается все положительное, т.е. обеспечивающее дальнейшее развитие, содержание предыдущих ступеней социальной эволюции. Данная закономерность была обнаружена еще Г.В.Ф. Гегелем, а на материалистических основаниях подтверждена К. Марксом. Аккумулятивный характер истории не стоит толковать буквально как процесс, на котором все старые формы общественной жизни попросту накапливаются без всяких изменений. Простое в сложном хотя и не лишается собственной определенности, все же воспроизводится в нем в некоем превращенном сообразно сложному виде, т.е. оно не является в точности таким, каким оно было до появления новой сложности.

Общественное развитие обнаруживает также конвергентный характер. Новая формация первоначально складывается не во всех обществах предыдущей формации, а только в одном из них. Эмпирически данный феномен давно зафиксирован в исторической литературе. Терминологически многие историки определяют общество, в котором первоначально складывается новая формация как «формационный центр» или «всемирно-исторический центр». Впрочем, стоит отметить, что еще задолго до появления исторического материализма тот же по сути исторический феномен был зафиксирован в представлении о так называемых истори-

ческих народах. Многие сторонники неклассической философии истории также фиксируют данное явление, говоря, например, о центрах цивилизации.

Если обратиться к фактам, то обнаружится, что переход к неолиту (IX-XI тыс. до н.э.) начался не во всех обществах первобытно-присваивающего способа производства, а лишь в очень небольшой их части (в зоне т.н. Аридного полумесяца). Переход к «азиатскому» способу производства начался по одной версии в Южном Двуречии, по другой — также и в долине Нила, т.е. не затронул сразу всех неолитических племен. Переход к рабовладению начался в Греции, которая была лишь отдаленным уголком «азиатской» цивилизации. Переход к феодализму начался в Северо-Восточной Галлии — провинции Римской империи. Многие рабовладельческие общества еще длительный период времени оставались вне поля воздействия феодального способа производства. Капитализм как система первоначально сложился в Англии — одном из феодальных обществ. Переход к социализму начался в России — на окраине капиталистического мира. Появление новой формации, таким образом, не затрагивает сразу всех обществ, что и позволяет заключить о конвергентном характере исторического процесса.

Процесс интеграции различных по уровню сложности форм и способов производства общественной жизни, в результате которого простые формы и способы производства, сохраняя свою определенность, тем не менее изменяются сообразно новому типу человеческого существования, позволяет сделать вывод о том, что новая формация является результатом синтеза предыдущих формаций. Проблема формационного синтеза была намечена еще родоначальниками исторического материализма, однако

стала широко обсуждаться лишь с середины XX в. Б.Ф. Поршневу, к примеру, высказал предположение, что формационный синтез осуществляется при переходе к любой формации [9]. Однако на конкретном эмпирическом материале эта закономерность исторического процесса в отечественной, а затем и западной марксистской литературе была раскрыта лишь при анализе перехода европейского общества к феодализму. Причем формационный синтез был истолкован с абстрактно-всеобщих позиций как процесс сочетания элементов одной и той же формации (феодализма), вызревавших в различных обществах. В данной связи генезис самих этих элементов в их своеобразной форме оказывался, по сути, вне поля исследования. Более того, как показал ход дискуссий о феодальном синтезе, отдельные общества, пусть и с опозданием, могут достичь феодализма и вне рамок синтеза (т.н. «бессинтезный» путь развития) [21]. Подобный вывод ставил под сомнение понимание синтеза как необходимого условия появления новой формации и как закономерности общественного развития.

Ограниченность абстрактно-всеобщего понимания формационного синтеза может быть снята лишь при условии, что данный синтез рассматривается не как продукт сочетания элементов одной и той же формации, а как процесс взаимного преобразования различных по уровню сложности формаций, представленных во взаимодействующих обществах, и укладов, представленных в каждом из взаимодействующих обществ, одновременно. Другими словами, формационный синтез может быть раскрыт как закономерность общественного развития лишь с позиций конкретно-всеобщей материалистической теории.

Появление новой формации в локальных исторических условиях как следствие взаимно-

го превращения предыдущих по уровню сложности формаций позволяет выделить еще одну любопытную закономерность социального процесса. Новая формация первоначально вызревает в неопределенно максимально развитом обществе предыдущей формации, а в оптимально развитом обществе старой формации. Формационный синтез предполагает, что в обществе присутствуют различные по уровню сложности уклады, которые интегрируются при становлении формации нового типа.

В Южном Двуречии, в котором, судя по всему, впервые сложилось общество «азиатского» типа, в неолитический период можно зафиксировать как формы общественной жизни, присущие собственно неолиту, так и более архаические формы, характерные для первобытного общества с присваивающим типом хозяйства. По сравнению с зоной «Аридного полумесяца» Южная Месопотамия явно отставала в развитии. Переход к рабовладению начался в Греции, которая в Крито-Микенский период представляла собой общество с неразвитым «азиатским» способом производства и существенными пережитками первобытности. Родиной феодализма стала Северо-Восточная Галлия — провинция Римской империи, в которой наряду с рабовладельческими формами общественной жизни сохранялись и трансформированные первобытные формы. Англия — первая страна, в которой капитализм сложился как система, в период Средневековья существенно уступала в развитии Северо-Восточной Франции. В период раннего и даже классического Средневековья в Англии сохранялись существенные пережитки дофеодальных форм общественной жизни. Переход к социализму начался в России — стране, в которой наравне с наиболее передовыми формами капитализма (монополистическим капитализмом) присутствовали

уклады, генетически восходящие даже к первобытности (общинные формы жизни).

Эмпирический материал, таким образом, явно свидетельствует о том, что переход к новой формации начинается в нетипично оптимально развитых обществах старой формации. Любопытно, что частный случай данной закономерности был зафиксирован еще В.И. Лениным. В ходе внутривнутрипартийных дискуссий о возможности победы социализма в России, наблюдая за ходом начального социалистического строительства и осуществляя его руководство, он пришел к выводу о возможности победы социализма в так называемом «слабом звене» капиталистического мира [22].

Конкретно-всеобщее понимание формации как этапа развития социальной материальной родовой индивидуальной сущности человека позволяет в определенной мере уточнить структуру формации, систематизировать закономерности смены общественно-экономических формаций.

Список литературы

1. Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь, 2008. Ч.2.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Гл.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т.3.
3. Маркс К. Наемный труд и капитал// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1956. Т.6.
4. Маркс К. Нищета философии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т.4.
5. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т.13.
6. Корякин В.В. К вопросу о структуре общественного производства. Семейное и этническое производство// Вестник Пермского университета. 2009. Вып.5(31). Сер. Философия.
7. Васильева Т.С. Всеобщий исторический закон // Новые идеи в философии. Пермь, 1999. Вып.8.
8. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности// Ленин В.И. Избр. соч.: в 10 т. М., 1987. Т.8.
9. Поршнева Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т.21.
11. Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т.23.
12. Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982.
13. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982.
14. Ершов Ю.Г. Человек, социум, история. Свердловск, 1990.
15. См., напр.: Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972; Дубинин Н.П. Биологические и социальные факторы в развитии человека // Вопросы философии. 1977. № 2; Батенин С.С. Человек в его истории. Л., 1976; Орлов В.В. Социальная биология, предмет, статус, проблемы // Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1974. Вып.7; Оконская Н.Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1975; Она же. История и биология. Пермь, 1993.
16. См.: Орлов В.В. Указ. соч.
17. См.: Оконская Н.Б. История и биология.
18. Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы // Ленин В.И. Избр. соч.: в 10 т. М., 1985. Т.6.
19. См.: Хазанов А.М. Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичного материнского рода // Советская этнография. 1973. № 1; Масон В.М. Ленинские идеи о неравномерности исторического процесса и проблемы истории древнего мира // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983.
20. См.: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 58-59; Барг М.А., Черняк Е.Б. Исторические структуры и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 55-58, 126, 130-131; Глезерман Г.Е. Общественно-экономическая формация — узловая категория исторического материализма // Общественно-экономические формации: проблемы теории. М., 1978. С.18; Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации: проблемы теории. М., 1978; Он же. Все-

- мирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. 1997. № 1.
21. См.: Научная сессия «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» // Средние века. 1968. Вып.31. С.9-45; Гутнова Е.В., Удальцова З.В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1973. С. 114; История Европы. М., 1989. Т. 2; Люблинская А.Д. Типология развитого феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 9-17; Удальцова З.В. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975; Она же. Типология культуры как методологическая проблема // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983; Королук В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
22. Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин В.И. ПСС. М., 1961. Т. 26; Он же. Военная программа пролетарской революции // Ленин В.И. ПСС. М., 1962. Т.30; Он же. Третий интернационал и его место в истории // Ленин В.И. Избр. соч.: в 10 т. М., 1987. Т.8.
-

**SOCIAL AND ECONOMIC STRUCTURES:
ESSENCE, PATTERN, APPROPRIATENESSES OF DEVELOPMENT**

V.V. Koryakin

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

In the article conception of social and economic structure and its pattern is defined more exactly on bases of concrete and interpretation of human's essence. Main appropriatenesses of changing of these structures and their correlation are discussed. Some categories of social philosophy are investigated: center of social and economic structure and periphery of this, structural transitions and others.

Key words: structure; appropriateness of historical process; human essence; labour; basis; superstructure.

УДК 101:316:141.78(1-87)

Н. ДАЙЕР-ВИЗЕФОРД «КИБЕР-МАРКС: ЦИКЛЫ И КРУГОВОРОТЫ БОРЬБЫ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОМ КАПИТАЛИЗМЕ»

В.С. Гриценко

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: gritsenkovs89@mail.ru

Профессор Университета Западного Онтарио Н. Дайер-Визефорд в своей книге «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высокотехнологичном капитализме» дает глубокий анализ природы постиндустриального общества с позиции марксистской трудовой парадигмы введенного К. Марксом понятия всеобщего (научного, автоматизированного) труда, затрагивает основные вопросы этой теории. Книга не была переведена в России. Между тем она дает хорошее представление о состоянии современного марксизма на Западе.

Ключевые слова: всеобщий труд; всеобщий интеллект; разрушение стоимости; планирование.

Ник Дайер-Визефорд — канадский ученый, марксист, профессор, заместитель декана медиаинформационного факультета в Университете Западного Онтарио. Он читает курсы: «Политическая экономия медиасферы», «Мировая политэкономия медиасферы», «Труд в сетевом мире», «Противоречия и противостояния в виртуальном мире» и др.

Работа «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высокотехнологичном капитализме» названа Д. Келлнером в аннотации на сайте Illinois Press «превосходным, весьма полезным исследованием... для тех, кто заинтересован в понимании обширных изменений современного мира и возможном использовании технологий для создания лучшего будущего». Книга включила в себя материалы докторской диссертации Дайера-Визефорда и его дальнейших исследований. Опубликовано издательством «Univer-

sity of Illinois Press» в 1999 г.; она также доступна в базе UWO Bookstore (<http://www.fims.uwo.ca/people/faculty/dyer-witheford/index.htm>).

Работа состоит из девяти глав, вступительного слова и справочного аппарата, включающего библиографический список (всего 679 наименований) и ссылки. Автор опирается на философские (К. Маркс, Ф. Энгельс, Т. Адорно, Ж. Делез, Ж. Деррида и др.) и экономические работы (К. Маркс, Ч. Баббадж, Е. Мандель и др.), ряд произведений классиков марксизма и постиндустриализма (Д. Белл, М. Кастельс, Э. Тоффлер, М. Лаззарато, М. Хардт, А. Негри и проч.). Поскольку Дайер-Визефорд стоит на позициях марксизма, о чем прямо заявляет в своей работе, подавляющее большинство использованных им источников — работы современных марксистов (С. Лернер, П. Андерсон,

Н. Комски, Ф. Флерон и др.). Книга создавалась одновременно с «Империей» М. Хардта и А. Негри, в непрерывной переписке с ее авторами.

Во *вступительном слове* Дайер-Визефорд благодарит своих преподавателей за курсы по «Капиталу», «Экономическим рукописям» К. Маркса и по творчеству современных марксистов, а также специалистов по информатике и кибернетике и деятелей протестных движений, которые помогли ему при подготовке докторской диссертации и этой книги.

Первая часть — «Различия» — начинается отсылкой на новеллу У. Гибсона и Б. Стерлинга «Машина различий» (1855 г.), в которой было предсказано современное информационное общество. К этому же периоду относится и описанная в новелле продуктивная идея Чарльза Баббаджа о необходимости развития механического компьютера на смену истощаемым природным ресурсам. «Маленькая деталь», которая больше всего интересует Дайера-Визефорда, не касается сюжета, а служит скорее фоном к представлениям о будущем в этой научной фантастике. В мире «Машины различий» идеи Карла Маркса живут и развиваются. Отталкиваясь от этой мысли, Дайер-Визефорд задается целью предложить свое понимание классического марксизма для современного высокотехнологичного информационного общества. *«Я считаю, что информационная эпоха, будучи еще далекой от разрешения исторического противоречия между капиталом и его “работающими предметами” (наемными рабочими. — В.Г.), создает для них последнее “поле битвы”; что новые высокотехнологичные компьютеры, телекоммуникации и гениальная инженерия оформляются как инструменты беспрецедентного мирового порядка, к которому пришло всеобщее товарное производство, и, что*

парадоксально, вырастая из этого порядка, появляются силы, направленные на создание совсем другого будущего — основанного на общественном распределении богатства — коммунизма XXI века» [С.2].

Дайер-Визефорд считает, что противоречие между Баббаджем — капиталистом, высказавшим идею создания компьютера, и Марксом — мятежным революционером, прекрасно показанное Гибсоном и Стерлингом, как никогда актуально сегодня. Хотя намерение Баббаджа изобрести компьютер, первое в истории, произошло отчасти из-за ограниченности науки XIX в., отчасти из-за конфликтов Баббаджа с рабочими-инженерами, его влияние на последующее развитие технологии трудно переоценить. Как и политэконом Эндрю Ур и философ Джереми Бентам, Баббадж принадлежал к радикально мыслящим утилитаристам. Он написал работу в традициях политической экономии Рикардо, посвященную поиску механических средств фрагментации физического и умственного автоматизированного труда. Предельная фрагментация труда, согласно Баббаджу, должна привести к исключению из производства «человеческого фактора» и связанных с ним ошибок и недисциплинированности. Другая часть проекта — возникновение нового класса аналитиков-управленцев (по сути, тех же капиталистов), которым должна принадлежать и политическая власть, потому что они «с необходимостью понимают и воспроизводят на земле божественное управление» [С.4]. Маркс, современник Баббаджа, увидел в его работе не только идею неизбежного прогресса, но и классовую позицию. «Маркс анализирует внедрение машин в производство, в том числе и как средство, с помощью которого буржуазия подчиняет непокорных рабочих» [Там же]. В I томе «Капитала» (гл. «Машины и машинное про-

изводство») Маркс использует работу Баббаджа, чтобы показать, как капиталист придает классовому противоречию характер конфликта рабочего и машины [Там же]. В III томе (гл. «Экономика и изобретения») Маркс вновь обращается к Баббаджу. Анализируя все более возрастающее использование капиталом машин, Маркс замечает, что величайшие открытия в механике и химии на самом деле являются результатом процесса общественной кооперации, который он называет «всеобщим трудом».

Всеобщий труд — это вся научная работа, все открытия и изобретения. Он является продуктом кооперации современников и включает в себя труд предшественников [С.4-5]. В «Экономических рукописях», предшествующих «Капиталу» (которые Дайер-Визефорд называет «самой вулканически великолепной работой Маркса»), Маркс предсказывает, что подчинение живого труда капиталу через распространение машин приведет к зависимости реального богатства не столько от рабочего времени и количества вовлеченных в производство рабочих, сколько от общего состояния развития науки и технологического прогресса. «Наука превратится в непосредственную производительную силу, ключевым фактором производства станут накопленные обществом знания, необходимые для технического и научно-инновационного процесса — *всеобщий интеллект*» [С.5]. Дайер-Визефорд, вслед за Марксом, отмечает два фактора, указывающих на приближение новой эры человечества: *автоматизацию производства и консолидацию общества* через мировой рынок. «Развивая научное знание и общественную кооперацию, капитал разрушает собственную основу — стоимостное отношение... и частную собственность» [С.6].

Описывая претворение намеченных тенденций в реальную жизнь, Дайер-Визефорд остро иронизирует над «могильщиками марксизма» и критикует их, выявляя скрытые и подсознательные аргументы. Так, корни *неолиберальной* критики марксизма он видит в распаде СССР и вовлечении Китая в мировой рынок — эти события разочаровали многих ученых в возможности альтернативы капитализму. Теперь, как считает он, критика марксизма — дань моде. Дайер-Визефорд приводит вытекающие из указанных моментов ключевые аргументы неолиберализма: внутреннее несовершенство человека, априорное превосходство рынка над стратегическим планированием, неизбежное превращение революционного духа в тиранию и т.д. Ответ Дайера-Визефорда на эти заявления — вскрытие их оснований. Исследователь полагает, что советский социализм — это лишь один из вариантов социализма со своими национальными особенностями (и в согласовании с ними огромную роль сыграл В.И. Ленин). Единственным заслуживающим внимания утверждением Дайер-Визефорд считает тезис о том, что одной из причин развала Союза была неподготовленность социалистического режима к информационной революции [С.7-8]. «Сосредоточившись на борьбе с “факторизмом” (классическим капитализмом. — В.Г.), советский социализм оказался неготовым сменить высокодисциплинированный труд, подходящий для рытья каналов и протягивания электропроводов, на более творческий, для создания компьютерных программ» [С.9-10].

Исторической заслугой Ленина и Сталина автор считает трансформацию социализма в соответствии с изменениями капитализма, которому он противостоял, и заимствование первым достижений последнего. «Ленинизм следует оценивать как высокоразвитый марксизм,

... хорошо приспособленный к современному ему моменту капиталистического развития. Отражение развития капитализма проявилось и в социалистической концепции “Советы плюс электрификация”, которая включала научное руководство процессами проведения электричества, строительства гигантских промышленных предприятий. Эта концепция с неизбежностью привела на путь модернизации и ускоренной индустриализации, что под руководством Сталина породило уникальную, подходящую именно русским, модель социализма» [С.9]. Однако Дайер-Визефорд считает чрезмерным принятие Советами элементов капиталистических норм эффективности и трудовой дисциплины — это сильно затрудняло самоорганизацию рабочих. Как минус отмечается и известный догматизм в советской теории, препятствовавший развитию множества ветвей марксизма.

Сегодня единственным условием преодоления таких катастрофических тенденций капитализма, как «спущенная на тормоза» компьютеризация, неконтролируемое развитие телекоммуникаций и геномной инженерии, страшные кризисы, монополизация культуры и «гибельная для человечества приватизация знаний», по мнению Дайера-Визефорда, является возрождение и расцвет нового социализма. «Только марксизм, вобравший в себя опыт большевистского варианта, нашедший в многочисленных работах Маркса более современные позиции, чем те, над которыми реял Ленинский флаг, и приспособивший их к новым, “информационным” условиям эксплуатации и революции приведет к тому будущему, которое капитализм всеми силами пытается отсрочить» [С.12].

Другой «могилищик марксизма» — так называются современные *социальные движения* (феминизм, движение «зеленых», антирасистов,

антитехнократов и пр.). Их представители заявляют, что «новые» движения пришли на смену «старой» классовой борьбе. «Очевидно, что эти движения и их “академические теоретики” преследуют одну цель — занять место марксизма на передовой общественной борьбы» [Там же]. Корень этого явления, по мнению Дайера-Визефорда, в том, что физический труд играет все меньшую роль в современном мире, появляются новейшие технические изобретения и беспрецедентные формы борьбы. Основной аргумент представителей любого движения — «в марксизме человек редуцируется до классовой принадлежности, т.е. до его места в системе производства» [Там же]. Дайер-Визефорд отвечает: «Я считаю, что большинство критиков марксизма из активистов социальных движений просто врут. В произведениях самого Маркса акцентируются вопросы пола, этнической принадлежности и разрушения природы. Но эти проблемы современности являются лишь следствиями... Причина — капитализм» [С.14]. Эта формация основана на купле-продаже человеческой жизни по закону стоимости, она действительно сводит человека к его рабочей силе. Более того, «активисты социальных движений сами редуцируют человека — до его пола, расы и т.д.» [Там же]. «Только марксизм сегодня видит, что международное разделение труда при капитализме основывается на этнической и половой дискриминации, укрепляя, таким образом, иерархию и контроль в обществе... Хотя логика расизма и патриархального уклада старше капитала, только при капитализме она приобретает уродливые формы превращения представителей определенного пола или расы в товар... Привилегированное же положение экономической стороны в марксизме объясняется не только ее сущностным, онтологическим приоритетом, но и субординацией остальных

сторон общественной жизни по отношению к экономике, где рождаются их истоки» [С.15].

По меткому замечанию Дж. МакМерфи, цитирует Дайер-Визефорд, *нынешнее общество — «раковая стадия капитализма»*. «Капитал сегодня перешел в фазу бесконтрольной экспансии и финансовых спекуляций, оторванных от функции производства... это похоже на раковые мутации в человеческом теле» [С.17]. И существенной проблемой становится неспособность современной системы науки, образования и массовых коммуникаций («иммунной системы общества») распознать и достойно ответить на эти угрозы.

В конце первой части Дайер-Визефорд еще раз повторяет цель своей работы: *применить классический марксизм к современным изменениям в обществе*. «Чтобы схватить сущность позднего капитализма, представим, что на нашей планете динозавры (гигантские отчужденные от производства силы всемирных корпораций и финансовых институтов) пережили положенное им время. А популяция гоминидов из-за катастрофического “сбоя” эволюции (распад СССР) не получила возможности полноценно развиваться... Появление социализма — поистине человеческой формы жизни, свободной от хаотической жестокости — возможно только через возрождение коллективизма и коммунистической трансформации общества» [С.19].

Вторая часть — «Революции» — содержит обзор взглядов «наследников Баббаджа» — *информационных революционеров* (теоретиков постиндустриального, информационного общества — П/ИО). Дайер-Визефорд рассматривает ряд социальных воззрений, от Д. Белла до Н. Негропонта, выдвигая оригинальную интерпретацию истории этих концепций. Поскольку выделенные Дайером-Визефордом их основные

теоретические положения почти полностью совпадают с результатами исследования В.В. Орлова, изложенными им в монографии «Философия экономики», остановимся только на особенностях данного анализа.

С одной стороны, Дайер-Визефорд доказывает, что постиндустриалисты и инфоинформационщики создавали свои концепции, заимствовав многое из марксизма. «Трактовка основных понятий: прогресс, материализм, освобождение и, конечно, революция — прямо взята из марксизма... Многие из самых выдающихся современных “информационных революционеров” — марксисты; даже те из них, кто изменил марксизму в поисках нового кредо, сохранили прежние основы своих взглядов» [С.27]. Он согласен с Х. Хертсбергом, что «три волны» Тоффлера — это общественно-экономические формации Маркса. С другой стороны, теории П/ИО создавались в полемике с единственным оппонентом — марксизмом. Дайер-Визефорд считает, что толчком к созданию таких теорий послужила концепция «конца идеологии» 1950-1960-х гг., когда в условиях тихого послевоенного времени страны Европы и США представили успешную социально-экономическую модель развития, к которой, по мнению многих ученых, социалистическим и развивающимся странам необходимо было стремиться. «В этих условиях была создана концепция “конца идеологии”, которая, на самом деле, провозглашала конец революционного потенциала марксизма, конец альтернативы либеральному капитализму. Среди тех, кто активно защищал эту позицию, был и молодой ученый Дэниел Белл, которому пришлось быстро “забыть” о своих прежних троцкистских симпатиях и склониться “вправо”. Это позволяет говорить о нем как об одном из основателей американского неоконсерватизма» [С.28]. Однако западное «общест-

во всеобщего благоденствия» отнюдь не было тихим и спокойным, как хотелось его идеологам. «Развитое индустриальное общество лихорадило: его военная машина застряла в джунглях Вьетнама, его городские гетто горели, крупнейшие автомобильные предприятия были парализованы конфликтами с рабочими, университеты восстали... “Второе пришествие” Белла как пророка постиндустриализма можно оценивать как реакцию на эти события... Столкнувшись со столь неожиданными явлениями, ученые решили, что единственное объяснение им — рождение абсолютно иного социального порядка» [С.29]. Эта идея обросла множеством вариантов — правых и левых. «Самая влиятельная из них — теория Белла, из которой сегодня выросла концепция информационной революции, послужила “футурологическим гидом” для американской политики и общественного мнения» [Там же]. Далее, Дайер-Визефорд подробно излагает ее, указывая, что «для развития новой теории Беллу необходимо было все время держать в голове “враждебное присутствие Маркса” на Кубе, во Вьетнаме, в теориях “новых левых”, в лозунгах рабочих и студентов Парижа, Турина и Детройта» [С.29-30]. Дайер-Визефорд считает, что Белл, создав во многом совпадающую с марксизмом теорию, нашел таким образом способ искусно отойти от Маркса в трактовке «второго сценария». «Знание, — говорит Белл, — придет на смену и труду, и капиталу, станет основным фактором производства... Появление нового класса профессионалов и техников следует из квазимарксистской логики, поскольку новый класс признается основным субъектом производства и истории, но его революционная сила отрицается» [С.32]. Дайер-Визефорд считает, что эта идеалистическая позиция отвергает

идею исторического противостояния труда и капитала.

Появление теорий информационного общества Дайер-Визефорд связывает с переводом трудов постиндустриалистов на японский язык и их переработкой Т. Умесао, К. Кохиямой, Ю. Хаяши и Й. Масудой. Эти ученые делают акцент на ведущей роли компьютеров в изменении общества. «Компьютеры, — говорят они, — фундаментальным образом отличаются от более ранних форм механизации. Заменяя физический труд духовным, действия с объектами манипуляцией символами, информационное общество не только освободило рабочих от рутины, но и позволило достигать целей путем фрагментации их на мельчайшие задачи для отдельных работников и последующей кооперации» [С.49]. Дайер-Визефорд считает, что в трактовке этих исследователей новый способ производства, наоборот, почти ничем не отличается от тейлоризма — предельного упрощения и специализации труда рабочих. *Информация*, как он далее замечает, составляющая основное содержание производства товаров и услуг, основной компонент всех секторов экономики, трактуется информационщиками как духовный феномен. «Маркс, заявляя о примате материальной базы, поставил Гегеля с ног на голову. Большая шутка истории — сегодня новая система создания общественного богатства с помощью информации ставит с ног на голову Маркса» [С.47].

Таким образом, Дайер-Визефорд обвиняет этих теоретиков в идеализме и технократизме. «Мы, марксисты, разделяем убеждение “информационных революционеров” в неизбежности социальных изменений под влиянием научно-технической сферы. Но мы не признаем, в отличие от них, появление компьютеров решающим фактором освобождения труда и пре-

кращения его борьбы с капиталом» [С.26]. Основной момент теорий П/ИО, против которого выступает Дайер-Визефорд, — уничтожение рабочего класса либо с помощью полной автоматизации производства, либо через его превращение в класс техников и профессионалов, пассивных по отношению к общественным изменениям и равнодушных к политике. «Информационная революция — характеристика позднего капиталистического общества. Высокотехнологическая автоматизация производства меняет характер работы, самого рабочего и капиталиста... Но отчуждение остается. Новая работа может быть и лучше прежней, но собственность на средства производства и их продукт не переходят к рабочему» [С.48]. Аргумент информатики, связанный с духовной природой информации, — как следствие, собственность всегда «в голове рабочего» — Дайер-Визефорд с ходу отмечает как идеалистический.

Его выводы таковы: «Отношение этих (П/ИО. — В.Г.) теорий к марксизму — более *преemptивность*, чем антагонизм. Они создавались интеллектуалами, хорошо знакомыми с марксистскими позициями или придерживающимися их. Поэтому концепция информационного общества взяла силу марксистского анализа и его предсказательные возможности, что привело к выводу о направленности исторического прогресса на бесклассовое общество. Но она берет технологическое развитие, а не классовую борьбу в качестве движущей силы этой трансформации, выбрасывая из марксизма революционную идею» [С.63]. Тем более что «Маркс дает повод так считать, ведь ему принадлежит известное выражение, что ветряная мельница дает общество во главе с феодалом, паровая машина — с промышленным капита-

листом. Это часто используется теоретиками информационного общества» [С.78].

Третья часть — «Марксизмы» — посвящена различным течениям в современном марксизме, которые дают какой-либо ответ на вызов постиндустриальной теории. *Предмет исследования в этом ключе — отношение технической и социальной сфер современного общества.* Дайер-Визефорд считает, что существенные разногласия постиндустриализма с марксизмом наблюдаются именно по этому вопросу, а он — один из важнейших. Сначала ученый отыскивает возможные источники этих разногласий в работах самого Маркса, пользуясь как ранними работами, так и тремя томами «Капитала». Затем он анализирует их влияние на марксистские школы научного социализма, неолуддизма и постфордизма, ни одна из которых, по его мнению, не смогла достаточно адекватно ответить на заявление постиндустриалистов об отмирании классовой борьбы и «примирении» капиталиста и рабочего в новом обществе исключительно благодаря развитию техники.

Дайер-Визефорд отмечает объективную сложность поставленного вопроса. Для его решения необходимо показать, что входит в сущность и структуру производительных сил и производственных отношений, и их взаимодействия. Так, в *научном социализме* («объективизме», «классическом неортодоксальном марксизме») техносфера принимается за активного агента истории в процессе ее развития, приводящем к уничтожению капиталистического господства. «Н. Бухарин, Дж. Бернал и Г.А. Коген понимают развитие технологии как автономную силу, мотор истории... Производительной силой выступает технология, только производственные отношения имеют социальный характер» [Там же]. Наиболее развернутую

разработку эта концепция получила у теоретика IV Интернационала Эрнеста Манделя. Его основной труд «Поздний капитализм» был впервые опубликован в 1968 г. «Ключевой задачей его исследования стало объяснение социальных феноменов, подмеченных теоретиками постиндустриализма с марксистских позиций. Мандель настаивал, что современное общество Европы и Северной Америки не освободилось от черт капитализма, обрисованных еще Марксом, а, наоборот, показало их в чистой форме» [С.84]. Мандель выделяет три ступени развития капитализма: *рыночная, монополистическая и поздняя*. Последняя ступень характеризуется внедрением кибернетических систем в промышленное производство и автоматизацией, ...внедрением планирования не только производства на каждом предприятии, но и экономики в целом. Мандель выступает категорически против утверждения постиндустриалистов о наступлении беспрецедентной исторической эпохи: «Поздний капитализм еще нельзя называть постиндустриальным обществом только из-за появления новых технологий ... вера во всемогущество технологий есть специфическая форма буржуазной идеологии позднего капитализма» [С.86]. По его мнению, идея о том, что новые технологии позволяют капитализму преодолеть его противоречия и кризисы, неверна. Наоборот, инновации только приближают неизбежный коллапс. Дайер-Визефорд выделяет основной аргумент в работе Манделя, характерный также для всех объективистских течений марксизма: «Уменьшение отношения прибавочной стоимости к капиталу (постоянному и переменному) ведет к возрастанию отношения постоянного капитала к переменному». С этим согласен и Дайер-Визефорд, однако он считает, что Мандель абсолютизирует другой аргумент: «Кнут конкуренции» капиталистов между со-

бой заставляет их наращивать производство. Еще Маркс выделял противоречащие этому принципу черты: увеличение интенсивности эксплуатации труда, удешевление элементов постоянного капитала, возрастание международной торговли и т.д. Мандель все упрощает.

Дайер-Визефорд оценивает работу Манделя как во многом блестящий ответ Беллу и постиндустриалистам, отмечая множество современных тенденций, разработку логики развития современного общества. Более того, Мандель сделал замечательный прогноз предстоящих экономических кризисов, против чего выступали постиндустриалисты, однако «если Манделя нельзя назвать технологическим детерминистом, который сводит смену общественно-экономических формаций к последствиям автономного прогресса науки и техники, то ему подойдет характеристика представителя социального детерминизма, который верит во всемогущество технологии, как и те, кого он критикует за буржуазную логику» [С.90]. Производительные силы у Манделя — это машины, основные агенты необратимых общественных изменений. Рабочему классу отводится активная роль только в моменты кризиса, при этом рабочий класс в работе Манделя ничем не отличается от рабочего класса, о котором писал Маркс; не учтена даже манипуляция массовым сознанием, яркая черта современного общества. Дайер-Визефорд оценивает представления школы «научного социализма» во многом как механистический взгляд на историю. «В “Капитале” сказано, что именно общество изменяет и развивает методы производства» [С.79]. А по Манделю, наступление социализма неизбежно, поэтому классовая борьба и самоорганизация рабочих оказываются выброшены. Дайер-Визефорд указывает на огромное значение именно самоорганизации рабочих, отсутствие

которой явилось одной из причин распада Советского Союза. Другой причиной явилась остановка научно-технической революции в 80-х гг., которую отмечал и Мандель. Несмотря на то что Мандель был учеником Троцкого, представитель научного социализма крайне положительно оценивал опыт Советского Союза. То, что «постиндустриалисты называли “третьей технологической революцией”, соответствовало происходившей в 60-70-е гг. научно-технологической революции в Советском Союзе. Преимуществом НТР Мандель считает то, что, во-первых, это достижение социализма, а не капитализма; во-вторых, СССР осуществлял НТР планомерно и, если бы она реализовалась до конца, это стало бы гибелью для аналогичных процессов на Западе; в-третьих, НТР велась под руководством ученых и академиков» [С.92].

Следующее течение марксизма, которое исследует Дайер-Визефорд, — *неолуддизм* (теория «технологии как средства господства»). Его представители: Дж. Лукач, Г. Брейвман и Д. Нобль, теоретики Франкфуртской школы, называют технологию инструментом капиталистического господства. Они полагают, что машины — лишь момент в структуре производительных сил, сущность которых — социальная материя. На многих читателей произвело впечатление описание кошмара использования капиталистами XIX в. технологических достижений. На протяжении всего «Капитала» Маркс снова и снова рассказывает нам, как машины противостоят рабочим в процессе производства как воплощенный или, по крайней мере, металлизированный капитал. Паровая машина служит «инструментом пытки» в руках владельца предприятия. Мертвый труд помогает превращать рабочего в живой придаток машины. Но, с другой стороны, развитие машин создает предпосылки для освобождения рабочего; напри-

мер, современные Марксу инновации: телеграф, пароход и железную дорогу — он считал такими факторами. «Согласно Дж. Биллингтону, Маркс и Энгельс планировали широко использовать международные телеграфные агентства в Брюсселе для распространения своих работ» [С.83]. Таким образом, с одной стороны, Маркс называл технологии инструментом капиталистического господства, средством усиления эксплуатации, помогающим капиталисту насаждать рыночные отношения по всему миру; с другой стороны, машины могут служить основой освобождения от эксплуатации и предпосылкой коммунистического общества. Представители *Франкфуртской школы*, основатели критической теории в рамках марксизма: М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе — считали, что технологический рационализм, изначально служивший вспомогательной силой для освобождения рабочих от угнетения, сегодня сам стал угнетателем. «Научно-технические силы способны как бесконечно порождать человеческие потребности, так и удовлетворять их, создавая “одномерного человека”, неспособного к самостоятельному мышлению за пределами господствующей системы» [С.94]. В 1974 г. в книге «Труд и монополистический капитал: деградация работы в XXI в.» Брейвман заявляет, что «научный менеджмент», изобретенный Ф.В. Тейлором в начале XX в., с его отделением управления от производства, монополизацией менеджерами специализированных знаний и систематической деструкцией их у рабочих — это манифестация «великой правды капитализма» (рабочий должен стать средством труда в руках капиталиста). Появление класса «белых воротничков» Брейвман считает не признаком постиндустриального общества, а симптомом разрастания управляющего аппарата. Согласно Ноблю,

«желание менеджера — полностью исключить человеческий фактор из производства, осуществить прогресс без людей» [С.96].

Франкфуртская школа и неолуддиты делают акцент на подчинении общества капиталу с помощью масштабного действия культурной индустрии. Основным разработчиком этого вопроса — В. Моско. «Источник идеологического контроля над обществом — частная собственность на газеты, журналы, радиостанции, телевизионные каналы и кабельные системы... Пока информационщики говорят о демократизации массовых коммуникаций и телевизионных каналов, Моско и Шиллер заявляют, что гигантские медиакорпорации производят и фильтруют новости и развлекательную продукцию телевидения с целью исключить все, не соответствующее интересам хозяев» [С.97]. Последствием выступает «систематическое обертывание человеческого сознания». Неолуддиты считают, что сегодня человеческое сознание полностью поставлено под контроль господствующего класса. Если представители научного социализма считают технологию нейтральной сферой, представители концепции «технологии как средства господства» признают эту нейтральность ложной. Неолуддиты активно протестуют против такого положения вещей. Дайеру-Визефорду их взгляды представляются пронизательными. Он считает, что использование технологий правящим классом проявляется даже в том, что он отвергает инновации с долгосрочной окупаемостью, решая судьбу научных открытий. Однако возражение Дайера-Визефорда вызывает абсолютизация этого мнения. «Чем более упорно эти аналитики доказывают полное подчинение научно-технической сферы капиталу, тем труднее понять, как возникла их собственная теория.... Остается ду-

мать, что неолуддизм — романтические попытки вернуть прошлое» [С.102-103].

Третье направление в современном марксизме — *постфордизм*, сторонники которого провозглашают возможность примирения труда и капитала с помощью «технологического посредника». Его представители М. Аглиетта и А. Липец разрабатывают программы такого примирения при сохранении капиталистического общества. Они полагают, что капитализм не является неизменной формацией, в то же время он не предопределен к гибели. Они согласны с постиндустриалистами в главном: «Информационные принципы управления производством должны заменить “механические”». Монотонное развитие постиндустриального общества приведет к распространению высокотехнологичного труда, который требует от оператора научных знаний и внимания... Высококвалифицированные рабочие будут удовлетворены своей работой, и вопрос о собственности на средства производства отойдет на второй план» [С.108-109]. Дайер-Визефорд жестко критикует постфордистов, называя постмодернистской иронией тот факт, что представители этого течения в Британии издают журнал «Марксизм сегодня». «Однако следует согласиться с постфордистами, что капитализм сегодня переживает период ускоренных изменений... В новых взглядах прослеживается глубокая тенденция снизить роль сущностного противоречия капиталистического общества. Его поле исследования строится на заявлениях о капиталистическом росте, успешной капиталистической организации общества, а не на классовой борьбе... Акцент на способности капитала к исторической адаптации занимал важнейшее место в духовной деморализации ученых во время распада Советского Союза» [С.112-113].

Проанализировав основные положения всех трех течений, Дайер-Визефорд пришел к выводу, что «создание этих марксистских теорий основано на избирательном подходе к текстам Маркса и тщательном отборе нужных цитат... Научный социализм ударился в социальный детерминизм, неолуддизм, пройдя через радикальный пессимизм, породил утопию, а постфордизм разошелся с Марксом по самым основным вопросам: классовой структуры общества и его основных противоречий» [С.115].

Четвертая часть — «Циклы» — представляет собой краткий обзор течения в марксизме, к которому принадлежит сам Дайер-Визефорд, — *автономного марксизма*. Он использует концепцию циклов классовой борьбы, разработанную этим течением, для исторического анализа и выявления корней противоречия труда и капитала в информационном обществе, а также для анализа структуры рабочего класса в современную эпоху. Автономный марксизм называют также «*марксизмом классовой борьбы*», потому что в нем прослеживается противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми; «*субъективистским марксизмом*», так как его представители резко противопоставляют живой труд мертвому капиталу и уделяют особое внимание субъективной стороне объективных исторических законов и творческой активности каждого индивида и общества в целом; «*открытым марксизмом*», поскольку в его рамках направленность объективных законов обогащается свободной случайностью. Автономный марксизм делает акцент на активном противостоянии человека силе капитала. По словам Дж. О'Коннора, марксизм перенял силу страсти у романтизма и стремление к научности у Просвещения. Теоретики этого направления рассматривают капиталистические кризисы как следствие не только внутренних, но и

внешних противоречий, особенно деятельности рабочего класса. Это течение четко противопоставляет себя постфордизму, называя его односторонним марксизмом за то, что постфордизм, изучая активность капитала, оставляет в стороне активность рабочего. «Мы рассматриваем историю не как фатальный, изначально данный и неизбежный, подчиненный объективным законам вектор развития, а как результат двух взаимодействующих векторов — эксплуатации и противостояния ей. История автономного марксизма идет от Маркса и Энгельса, включает Р. Люксембург и раннего Дж. Лукача, К. Корша и А. Грамши. В 70-е гг. в Италии появилось движение рабочих, студентов и феминисток, названное “автономным”. Теоретики этого движения отказались от анализа истории в пользу изучения современного момента. Представители течения: Р. Панзьери, М. Тронти, С. Болонья, Р. Альквати, М. Далла Коста, Ф. Берарди, А. Негри и Г. Клевер. Эта группа была уничтожена политическими репрессиями, и ее представители, которым удалось эмигрировать, продолжили теоретическую работу» [С.130]. Вторая причина, по которой представители автономного марксизма так себя называют, — акцент в их работах на автономии труда, который по своей природе не зависит от капитала, хотя при капитализме обменивается на заработную плату. Капитал, напротив, всегда зависит от труда. «Мы не выходим за рамки марксистской мысли, выстраивая свои теории современного мира на фундаменте работ Маркса. Наш лозунг не экс-марксизм и не постмарксизм, а *Маркс после Маркса*... Автономные марксисты, особенно Негри, уделяют особое внимание разросшемуся сегодня информационному аппарату капитализма. Что делает их исследования значимыми, это то, что они рассматривают новые формы

знания и коммуникации не только как инструменты капиталистического подавления, но и как потенциальный ресурс для антикапиталистической борьбы» [Там же]. Дайер-Визефорд заявляет, что автономный марксизм, исследуя отношения труда и капитала, совершает «Коперниканский переворот» в послевоенном марксизме, выбирая своим предметом творческую, трудовую энергию человека — живое создающее пламя общества. Автономные марксисты предлагают оригинальное понимание современного рабочего класса. По их мнению, это все те, кто «организован капиталом», подавляется им и борется против него [С.132]. Исходя из тенденции капитала подчинять себе все, распространять на все закон стоимости, редуцировать человека до его рабочей силы, мы наблюдаем расширение доминирования капитала над всеми сферами общественной жизни. Феминистки М. Далла Коста и С. Джеймс, противопоставляя свое учение популярной феминистской политической экономии, доказывают, что капитал подчинил себе образование, медицину, общественное питание, а также домашнюю работу, начиная от рождения детей и заканчивая созданием эмоциональной атмосферы в семье. Все это, по их мнению, неоплаченный труд, направленный на то, чтобы «рабочая сила каждое утро была готова идти на работу» [С.135]. Согласно Негри, процесс возрастания информатизации производства, расширения телекоммуникаций, концентрация производства на крупных фабриках и деконцентрация мелких частных производств и услуг позволяют говорить о совпадении структуры крупного промышленного предприятия и самого общества как предприятия. Это явление называется «диффузией предприятия» или «предприятием без стен». Поэтому борьба с капиталом должна вестись представителями всех сфер общественной жизни,

прямо или косвенно подчиненных капиталу. «Растущая тенденция капитала к интервенции и постановке под контроль создала ситуацию, в которой общество функционирует как момент процесса производства (взятого в целом)» [С.134].

«Включая в анализ структуры рабочего класса непроизводительный, наряду с производительным, труд и неоплачиваемую, наряду с оплачиваемой, работу, представители автономного марксизма предельно расширяют теоретические рамки этого понятия... Капиталистическое производство сегодня пользуется социальными взаимосвязями в собственных интересах. Таким образом, рабочий класс сегодня предстает чрезвычайно пестрым: рабочие предприятий, студенты, домохозяйки, работники медицины, общественного питания и образования — каждая группа со своими специфическими требованиями и интересами, организованные общей целью... Производительный труд — сегодня это труд, направленный на производство общества» [С.136]. Вкратце, согласно тезису Тронти, Клевера, Панзьери и О'Коннора: «Все общество сегодня существует как функция предприятия, а предприятие распространяет свое выдающееся господство на все общество» [С.263].

Теоретики автономного марксизма рассматривают развитие классового конфликта как двойную спираль: эксплуатация труда капиталом и сопротивление рабочего класса этой эксплуатации. Относительно технологии это развитие имеет два аспекта: наука и техника как инструмент капиталистического господства и возможность перехода контроля над наукой и технологией в руки пролетариата. Цикл выглядит так: 1. Рабочие противостоят капиталу, *организуясь* в коллектив. 2. Капитал старается разъединить *общность* рабочих с помощью *реструктуризации* производства. 3. Но капитал

как система зависит от возможности организовать труд с помощью заработной платы, поэтому происходит *реорганизация* рабочего класса. Соппротивление рабочих капиталу принимает две формы: саботаж (обладающие научными знаниями и технологическими навыками рабочие останавливают процесс высокотехнологичного производства) и отказ от использования направленных на сокращение рабочих мест инноваций.

Дайер-Визефорд и представители автономного марксизма указывают на существенное отличие современного рабочего промышленного предприятия: поздний капитализм создает «рабочего, использующего науку» — интеллектуальную рабочую силу. Рабочие становятся более образованными, они могут использовать коммуникационные и информационные технологии в борьбе против капитала. Такой рабочий — представитель позднего капитализма.

Дайер-Визефорд выделяет три типа рабочих в истории капитализма. *Профессиональный рабочий* (сер. XIX в. — Первая мировая война) — это классический пролетарий, изображенный в «Капитале». «С победой революции 1917 г., возглавляемой авангардом рабочего класса, партией большевиков, страх буржуазии перед рабочими организациями перерос в ужас. Второй тип — *массовый рабочий* — возникает как следствие этого ужаса. Это — стандартный рабочий предприятия Форда. Фордизм создал все условия для беспрецедентной классовой солидарности рабочих, которая вылилась в массовые “сидячие забастовки” 1937 г. в США... Такой рабочий все время совал свой нос в процессы капиталистического планирования» [С.146-147].

«В 1970-х гг. рейганизм и тэтчеризм ушли от “государства планирования” к “государству кризиса”, согласно ходячей шутке, “теперь го-

сударство планирует кризисы”. Кейнсианские гарантии были упразднены, зато крайне повысились автоматизация и глобализация производства» [С.149-150]. Говоря словами Маркса, наступило время *социализированного рабочего* — контролера и регулировщика. Этот рабочий активно использует для своих целей новые модели универсальных коммуникаций, внедренных в производство.

Часть пятая — «Кругообороты» — содержит анализ «кругооборота капитала», исследует противоречия, вызванные информатизацией производства и потребления, общественное и экологическое воспроизводство, а также виртуальную реальность. Автор доказывает, что перечисленные моменты подвергаются воздействию капиталистического контроля и «круговорота классовой борьбы». Дайер-Визефорд рассматривает множество аспектов современного общества как обширное поле битвы труда и капитала. Опираясь на второй том «Капитала» и «Экономические рукописи», предшествовавшие ему, он исследует сущность подмеченных теориями П/ИО феноменов. «В работах Маркса описаны только два момента кругооборота капитала. В процессе производства рабочая сила и средства производства встречаются для создания товаров. В процессе кругооборота товары продаются и покупаются; капитал должен как продать произведенные товары, чтобы получить прибавочную стоимость, так и поддерживать рабочую силу и средства производства, чтобы кругооборот начался снова» [С.198]. Процесс восстановления рабочей силы происходит не на фабрике, а в самом обществе, в школах, больницах и домашних хозяйствах. Кроме заботы о рабочей силе, у капитала есть забота и о природе — источнике сырья для производства. Таким образом, Дайер-Визефорд предлагает детализировать *структуру круго-*

оборота капитала, включив в нее четыре момента: *производство, воспроизводство рабочей силы (поддержание жизни, образование и медицинское обслуживание), восстановление природы, кругооборот*. Сегодня все эти сферы насыщаются высокими технологиями и информацией. Соответственно круговороты классовой борьбы подвергаются тем же факторам.

Исследуя производство, Дайер-Визефорд отмечает, что благодаря информационной революции беспрецедентно возросла зависимость капитала от труда, поскольку использование машин все больше зависит от *квалификации и знаний рабочих*. Кибернетические устройства впервые появились в конце Второй мировой войны в тяжелой промышленности и химическом производстве. В 60-х и 70-х гг. их опыт переняла легкая промышленность. Даже на первых экспериментальных предприятиях сразу же были отмечены возросшая самоорганизация и противостояние рабочего класса. Сегодня, когда такие системы используются в любом виде труда — от работы медсестры до работы кондитера, — активность пролетариата повсеместно возрастает. В сфере воспроизводства рабочей силы (то, что постиндустриалисты называют сферой услуг) противостояние проявляется особенно ярко. «Вопреки оптимистичным прогнозам Белла и Тоффлера, социальные противоречия не стерлись, а стали резче... В “Экономических рукописях” Маркс во все не говорил о том, что весь труд, в котором используется автоматика, будет требовать высокой квалификации. Вместо того чтобы говорить о “сознательной связи человека и технологической системы”, нужно разделить труд с использованием автоматки на “*научный труд*” и “*социальное обслуживание*”» [С.204]. Системная организация труда при современном капитализме такова. С одной стороны, имеется «на-

учный труд»: труд ученых, программистов, инженеров и дизайнеров, которых постиндустриалисты изображают как «интеллектуальных работников будущего». С другой стороны, имеются работники «социального обслуживания», осуществляющие широкий спектр услуг, таких как массовые коммуникации, услуги клерка, уборщика, привратника, охранника и повара, которых мы также должны относить к информационному сектору экономики. На первый взгляд кажется, что эти две ступени социальной организации сильно разобщены и дезорганизованы, не связаны друг с другом, однако реальность свидетельствует об их консолидации как следствии реально существующего и зачастую осознанного общего классового интереса. Ярким примером этого служит серия забастовок, произошедших в начале 90-х гг. в США и Канаде. В 1996 г. волна стачек прокатилась снова, затронув Техас, Оклахому, Нью-Мексико, Колорадо, Аризону, Неваду и Калифорнию. Все началось с массового протеста в Силиконовой долине. Высококвалифицированные технические работники: инженеры, разработчики программного обеспечения (большинство мужчины, большинство «белые», высокообразованные, с высокой заработной платой, так называемая элитная рабочая сила) — стали на защиту требований улучшения условий труда и повышения зарплат для работников социального обслуживания, которые начали эту акцию. В результате такие компании, как Apple, Intel, Hewlett-Packard, Oracle и IBM, не могли функционировать. Организаторы заявляли: «Уборщицы — первое звено в цепи нашего коллектива. Когда мы говорим об окнах, мы должны помнить как об уборщицах, которые их моют, так и об инженерах, которые их проектировали» [С.209]. Дайер-Визефорд называет это событие *революцией коллективного рабоче-*

го [С.210]. Тенденция к консолидации высококвалифицированных и низкоквалифицированных рабочих принимает разнообразные формы: связи между секторами в рамках одного предприятия, связи рабочих разных сфер производства, когда авиационных диспетчеров поддерживают конструкторы и водители автобусов. К. Муди именует это явление возникновением *унионизма социального движения*.

Информатизация всех сфер деятельности современного общества включает и появление *биотехнологий*. Сегодня это важнейший компонент восстановления рабочей силы. Движение феминисток в 60-е и 70-е гг. за равные права с мужчинами ставило важнейший вопрос: право самих женщин решать, когда и сколько у них будет детей. Их первоначально успешную борьбу сегодня капитал подчинил своим целям. Альтернативная репродуктивная система, основанная на новейших биотехнологиях искусственного оплодотворения, отбора зародышей и суррогатного материнства, превращается в инструмент капиталистического управления обществом. Возрастает поляризация общества на тех, кто может себе позволить такие технологии, и тех, кто остается «за бортом». Способность женщины к рождению детей сегодня эксплуатируется не меньше, чем рабочая сила: нищие женщины вынуждены служить «инкубаторами» для детей богатых, но больных женщин. Суррогатные матери эксплуатируются не только физически, но и морально: у них разрушается самоидентификация, и они чувствуют себя виноватыми в гибели «невостребованных зародышей». Опасение Дайера-Визефорда вызывают растущие возможности генной инженерии. Он считает, что биотехнологии такого уровня смогут оказать разрушительное воздействие на общество. Так, он считает, что в целях социальной стабилизации, необходимой капи-

талу, могут быть произведены генетические изменения огромных масс людей, контролирующие их поведение и биологические качества, необходимые производству. Не исчезнет и разделение на тех, кому будут доступны генные технологии для увеличения продолжительности жизни и улучшения здоровья, и «всех остальных». Появится соблазн возрождения фашизма и евгенических тенденций.

Воспроизводство рабочей силы включает также ее *образование*. Требование информационной эпохи — высокообразованные рабочие, техники и инженеры. Однако сфера высшего образования также организует стойкое сопротивление капиталу. Тридцать лет назад университетские городки от Калифорнии до Парижа стали центрами массовой подготовки высококвалифицированного рабочего класса и центрами хорошо организованных забастовок. «Капитал решил, что одним слезоточивым газом, стрельбой и репрессиями этот протест не подавить. Неолиберальным ответом стала радикальная реструктуризация высшего образования — образовательные нормы полностью приспособили к капиталистической экономике. Институт тьюторства расширился, и количество заданий студентам многократно возросло, а экономические дисциплины, которые могли послужить теоретической основой волнений, и бесполезные для производства предметы были сокращены почти до нуля» [С.228]. Внедрялось «партнерство производства и университета». Этот новый академический порядок гласил, что фундаментальные исследования должны быть предельно сокращены в пользу проектов, возможная прибыль от реализации которых в производстве была бы максимальной, а сроки реализации минимальными. Таким образом, бизнес обеспечивал себе подпитку научными идеями и насаждал нужное ему мировоззрение.

Однако в 90-х гг. начался новый цикл университетских восстаний. Основная причина — экономические риски, в атмосфере которых студенты себя находили. «Высшее образование вместо гарантий успеха в жизни служило созданию “резервной армии интеллектуального труда”» [С.230].

Современное общество характеризует все увеличивающаяся *сфера массовых коммуникаций*. Дайер-Визефорд считает создание общества массового потребления результатом широкого проекта социальной инженерии. Открытием «Капитала» является не только то, что труд нуждается в субъекте, но и то, что рынок нуждается в покупателе, и поэтому порождает бесконечную цепь потребностей, которые могут быть удовлетворены в товарной форме. «Это задание поручается медиатехнологиям... Радио и телевидение становятся домашними точками воздействия капиталистической логики конформизма. Они подчиняют себе человеческие потребности и руководят ими... С помощью информационных технологий капиталист получает детализированные сведения о положении покупателей в обществе, их покупательной способности, характере потребностей через сканирование кредитных карт, изучение чеков» [С.242-243].

Однако информационные технологии могут служить не только рынку: все больше людей стремятся к свободному доступу к информации. Дайер-Визефорд называет эту тенденцию *стремлением к обобществлению информации* [С.245]. По его мнению, она проявляется в так называемом пиратстве, появлении «альтернативных» или «автономных» медиасредств. Р. Ронкаглио трактует «альтернативные» медиа как направленные на преодоление рамок устоявшегося порядка и самореализацию творческой личности. Кроме того, «альтернативные»

медиа предоставляют эфир информационным программам, которые подвергаются «репрессиям» на официальных каналах связи.

«Однако именно виртуальная реальность является сферой, которую капитал наиболее усиленно пытается поставить под контроль и использовать сеть для манипуляций социальными отношениями. Разумеется, виртуальная реальность также является полем для наиболее значимых экспериментов сил, противостоящих капиталу» [С.249]. Согласно А. Россу, неавторизованное использование компьютеров и хакерство представляют собой новые формы противоречий, направленных на разрушение частной собственности на информацию. Создание виртуальных сообществ и опыт переноса социальных отношений онлайн свидетельствуют о желании людей выключиться из повседневной логики капиталистических отношений.

В 1994 г. 2600 рабочих захватили издательства двух ежедневных газет Сан-Франциско. В течение недели они выпускали собственную газету «Свободная пресса». Она распространялась не только по городу, но и онлайн, в ней содержался призыв рабочих поддержать их. Следствием стало то, что владелец издательства получил за день 1800 звонков от возмущенных читателей с теми же требованиями, что выдвигали бастующие, и ему пришлось их выполнить. Этот бойкот был назван самым удачным за всю историю города.

Появление информационных технологий также таит в себе опасность разделения общества на «информационно богатых» и «информационно бедных». В Северной Америке сегодня очень возросла «сетевая активность»: рассылка левых листовок по электронной почте (ACTIV-L, LEFT-L, PEN-L), создаются онлайн-группы, такие как Сеть прогрессивных экономистов. Виртуальная реальность является важ-

нейшей политической ареной потому, что дебаты онлайн не только заменяют борьбу в реальности, но и служат отличным индикатором политических предпочтений граждан, а также позволяют четко увидеть связь разных аспектов общественной жизни.

В *части шестой* — «*Планеты*» — теоретические воззрения, изложенные прежде, прослеживаются на мировой практике. Описаны противоречия в так называемых развитых странах, особое внимание уделено использованию высоких технологий для борьбы с капиталом. В исследовании глобализации во многом повторены позиции В.И. Ленина и М. Кастельса. Дайер-Визефорд считает, что в процессе глобализации новые коммуникационные технологии играют главную роль. По уже известной читателю логике этот процесс предстает как единство двух противоположных тенденций: экспансии мирового рынка и оппозиционных протестных движений, которые можно объединить под названием «другая глобализация». Среди множества примеров привлечения информационных технологий, особенно глобальной сети Интернет, к протестной деятельности против мирового капитала (движения против ВМФ и ВТО, поддержка левых режимов Кубы, Вьетнама, Северной Кореи, Венесуэлы и других стран, восстания Запастисты в Мексике, забастовок и стачек) Дайер-Визефорд особо выделяет появление в России сети glasnet, московской ветви Ассоциации прогрессивных коммуникаций. «Во время второго Московского переворота в октябре 1993 г., когда силами ельцинизма рыночный капитализм репрессировал настоящую демократию, три представителя независимой Российской партии труда, включая Бориса Кагарлицкого, были арестованы по обвинению в планировании захвата радиостанции. Их систематически избивали и угрожали убить. Одна-

ко жена одного из заключенных сумела наладить контакт с австралийским корреспондентом газеты “Зеленые левые”, который в кратчайшие сроки добился для этого заключенного возможности подключения к glasnet. Так, обвиняемые смогли разослать письма для ряда левых онлайн-конференций, и, по словам Кагарлицкого, в течение многих часов в милицкий участок постоянно звонили с возмущенными требованиями. Первый звонок был из Японии. Милиционеры не могли в это поверить! А потом звонили буквально со всего мира...» [С.326].

Дайер-Визефорд полагает, что разнообразные оппозиционные тенденции в мировом масштабе противостоят транснациональному капиталу. Он согласен с П. Вотерманом, что протестные движения не имеют ни международного руководства, ни организации, ни четко определенного поля битвы. Однако в то же время можно сказать, что у них множество предводителей, организаций, форм и уровней борьбы. Появившись как ряд спонтанных локальных протестных систем, они со временем обросли множеством связей, контактов, коалиций и сетевых коопераций. «Они ставят целью создание другого мирового порядка, не желая становиться винтиками в машине мирового капитала... Это “другая глобализация”» [С.346]. Далее во многом повторяются выводы, сделанные в пятой части.

Часть седьмая — «*Постмодернисты*» — посвящена изучению такого заметного явления в современном обществе, как постмодернизм. Часть построена на анализе тех работ, в которых постмодернизм исследуется как теория, в своеобразной форме отражающая радикальные изменения в мире, произведенные высокотехнологичным капитализмом. Дайер-Визефорд полагает, что новый критический анализ «про-

летариата постмодерна» откроет новые горизонты в традиционной теоретической полемике постмодернизма и марксизма.

«Теоретики постмодернизма, такие как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр и Ж. Ваттимо, осознанно или неосознанно базируют свои заявления о радикальных изменениях современного общества на анализе постиндустриализма. Кроме того, в теории постмодернизма глубоко коренится вера в то, что компьютеры, телекоммуникации и другие высокие технологии являются жизненно важными элементами, отличающими нашу эпоху от предшествующего модерна» [С.362]. Дайер-Визефорд замечает, что он использует термин «теория постмодернизма» для обозначения взглядов тех мыслителей, которые считают, что отличительные моменты постмодерна можно увидеть в художественной культуре, философских течениях и, в особенности, в общественной формации. «Однако, хотя теория постмодерна обычно очень легко принимает идею, что высокие технологии создают беспрецедентную историческую эпоху, это не нужно рассматривать как наивный энтузиазм. Эта теория имеет более серьезные черты. Кроме того, постмодернизм — это зверь о нескольких головах, некоторые из которых антимарксистские, но большинство скорее симпатизируют марксизму и готовы к новому диалогу или даже синтезу с ним» [С.362-363].

Враждебность между постмодернизмом и марксизмом имеет долгую историю. Многие основатели постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Кристева) одно время были марксистами, для которых подавление восстания студентов и рабочих в 1968 г. и поражение Французской коммунистической партии на выборах привели к разочарованию и попыткам понять природу социальных конфликтов путем выхода за пределы кругозора орто-

доксального марксизма. В стремлении решить проблемы, которые уже решил марксизм, интеллектуалы Парижа обратились к консервативной американской социологии. К тому же появление информационных технологий, как казалось многим, разрушило монолитность материального мира. Так появилась теория реальности как текста, дискурса или кода. Бытие оказывается не развитием материального мира, а нематериальной игрой смыслов и значений. «Постмодернизм выступает против амбиций марксизма “схватить всеобщее”, чтобы получить объективное представление о социальном целом. Зачастую постмодернисты видят в этом тоталитарные мотивы» [С.366]. Марксисты, в свою очередь, называют постмодернистов мистиками, которые стремятся к насаждению в обществе безразличия к истории и культуре модерна и служат тем самым «эхом правящего класса», лингвистами-идеалистами и иррационалистами, которые пропагандируют хаос и изоляцию. Марксисты хорошо подметили внутренние противоречия, в которые впадает теория постмодернизма, стараясь избежать обобщений. Саморефлексия, которую они считают единственным методом философии, по мнению марксистов, четко выражает их классовую позицию и ситуацию в обществе. Критиками показано, насколько разрушительной оказывается вера в невозможность точного знания чего-либо за пределами повседневной, обыденной жизни. Ф. Джеймсон полагает, что появление культуры постмодерна не связано с отмиранием капитализма и началом новой эры. Оно скорее соответствует «позднему» или «мировому» уровню развития капитализма, анализ которого мы находим у Мандела. На этой ступени не затронутые прежде рынком сферы социальной деятельности глубоко пронизываются силами высокотехнологичного интегрирован-

ного мирового капитализма. Одним из аспектов этого процесса является придание культуре и коммуникациям товарной формы. Средства массовой информации, дизайн, маркетинг, модная индустрия и развлечения стали объектом пристального внимания коммерческой активности. Следовательно, четко различимый на ранних стадиях капитализма разрыв между экономическим базисом и культурой как элементом надстройки стал едва заметен. Дайер-Визефорд, однако, отмечает растущую склонность постмодернизма к марксизму. «К примеру, Ж. Деррида перестал критиковать марксизм за то, что он устарел, а наоборот заявил, что марксизм не превзойден ни одним течением современной мысли» [С.369]. М. Фуко, П. Вирилио и особенно Ф. Гваттари симпатизируют автономному марксизму. «Негри и Гваттари в своей совместной работе подчеркнули, что основное намерение капитала сегодня — установить свой деспотический контроль над рабочей силой, чья деятельность напрямую зависит от единства коллектива в кооперации... Они считают, что “предприятие без стен” (общество как предприятие) создает специфическую социальную организацию — интеллектуальную кооперацию, или коммуникацию, — важный фактор в современном обществе» [С.372]. Таким образом, коммуникация, являясь категорией постмодернизма, отражает реальную сферу общественной жизни. «В “Экономических рукописях” Маркс объясняет, почему открытие “труда” было историческим событием. Хотя категория “труда вообще” представляет собой “неизмеримо древнее отношение, имевшее место в любой форме общества”, она могла быть сформулирована только вместе с появлением при капитализме абстракции рабочей силы... Сегодня, по словам Негри, внедрение массы информационных технологий и

взаимодействий в производство требует схожей “абстракции” конкретного множества видов коммуникации» [С.375]. Это можно лучше понять, исходя из создания универсальной категории информации, в которой могут быть закодированы любые формы коммуникации. Негри считает, что развитие информатизации имеет две стороны, каждая из которых подмечена разными ветвями постмодернизма. Одна сторона — это использование всех видов коммуникации для разрастающегося товарного производства и сведение социальных отношений к отношениям обмена. Эту сторону Негри называет «банальной и пессимистичной». Другой аспект — беспрецедентное развитие информационного аппарата при капитализме, который может служить не только огромному миру коммуникаций, но и через каждое напряжение связей — противоречиям, протесту и появлению новой силы. Сегодня очевидно, что такая сила, стремясь к отделению от мировой капиталистической системы, принимает как левые, так и правые формы. «Этим можно объяснить появление в Северной Америке и Европе движений, таких как неонацизм, Клан, Арийские Нации, Военные Патриоты, движений, отрицающих холокост, фундаменталистских церквей и т.д. Все это — весьма популярный ответ на социальные и экономические вызовы неолиберального реформирования. Такие группы подвергаются наиболее жестоким формам репрессий со стороны правительств, которые в то же время используют деятельность этих групп для легализации более масштабных репрессий (цензура интернета). Кроме того, правительства получают повод разъединить действующие против них силы... Единственная возможность достичь своих целей для представителей рабочего класса, принадлежащих к различным пра-

вым и левым группировкам, — объединиться в борьбе против капитала» [С.394-396].

Таким образом, негативные и позитивные моменты постмодернизма рисуют нам противоречия коммуникационной инфраструктуры современного капитализма. Дайер-Визефорд также считает, что возросшее значение коммуникаций — явный результат обобществления производства: «предприятие без стен» нельзя отделить от реальной жизни.

Часть восьмая — «Альтернативы» — освещает роль, которую компьютеры и другие информационные технологии могут играть в формировании посткапиталистического общества. Дайер-Визефорд резко расходится во мнении с утопистами и предлагает «набросок будущего», возможной формы информационного коммунизма. Начиная главу критикой взглядов представителей утопического социализма XIX и XX вв., он цитирует «Немецкую идеологию» («коммунизм — это действительное движение, которое отменяет настоящее положение вещей»). Однако он считает, что множество людей, чувствуя господство мирового рынка, подвержены сегодня отчаянию и цинизму. Распад СССР — катастрофа государственного социализма — заставила многих поверить в то, что капитализму просто нет альтернативы. С другой стороны, можно если не предложить конкретную альтернативную модель, программу политической партии или план действий, то, по крайней мере, открыть «горизонт мысли», который покажет разные возможности в контрасте с бесплодностью капиталистического пути.

Используя работы современных левых мыслителей, *Дайер-Визефорд предлагает общую схему ближайшего будущего, которая включает институт гарантированного ежегодного дохода, создание универсальных ком-*

муникационных сетей, использование этих сетей для централизованного и децентрализованного общественного планирования, демократический контроль над решениями, касающимися научно-технического развития. «Эти элементы, если полноценно их развить, смогут создать прочную основу для альтернативы капитализму, а каждый элемент в отдельности может служить полем классовой борьбы» [С.424]. Автор считает, что он не в состоянии сделать прогноз социалистического, а тем более коммунистического общества, поэтому свою схему он скромно называет «государством, основанным на общественном богатстве вследствие коллективного использования ресурсов». Идеи Дайера-Визефорда, как он специально оговаривается, относятся только к одному аспекту его исследования — использованию обществом новых информационных технологий. Такая довольно узкая направленность вытекает из подмеченного Марксом в «Экономических рукописях» факта, что, хотя машины являются наиболее приемлемой формой капитала, капитал вовсе не нужен для наиболее подходящей обществу формы развития машин [С.425].

С расцветом компьютеризации и автоматизации производства многие задумались о последствиях этой тенденции. Еще в 1949 г. Н. Винер, «отец кибернетики», поднял вопрос о кризисе работы в результате роботизации. Классической формулировкой этой проблемы стало «вытеснение труда из сектора производства». Сразу же предложенное решение о переводе высвободившегося труда в сферу услуг или информационный сектор не кажется Дайеру-Визефорду удовлетворительным. «Появление телемагазинов, домашнего видео и виртуальных услуг означало массовую ликвидацию клерков и продавцов. Капитал автоматизировал

не только предприятие, но и “предприятие без стен” — общество» [С.428]. Уровень безработицы, таким образом, особенно в Канаде и Европе, поднялся до самого высокого за последние 50 лет. В США с безработицей пытались справиться введением так называемой работы неполного дня и временной работы. «Как отметили теоретики разных направлений: С. Ароновиц и В.Д. Фазио в книге “Безработное будущее”, Ж. Ривкин в “Конце работы”, Б. Шерман и Ф. Жадкинс в “Праве на работу”, — мы являемся сегодня наблюдателями предсказанного Марксом вытеснения живого труда машинами и фатального крушения стоимостного отношения» [С.428]. К сожалению, в позднем капитализме эта тенденция негативно отражается на тех людях, чье существование прямо зависит от возможности работать.

Анализируя рассуждение Маркса о безработице, с одной стороны, и чрезмерной эксплуатации — с другой, Дайер-Визефорд пытается найти решение этой проблемы. Так, традиционным ответом социалистов и кейнсианцев является *создание большего числа рабочих мест*. Но они словно забывают о том, что социализм — это не проект расширения наемного труда, а теория конца эксплуатации и «наемного рабства». Кроме того, этот выход подразумевает не наделение работой всех нуждающихся, а скорее сохранение противоречия чрезмерной эксплуатации и безработицы, но в меньшем объеме.

Другой вариант решения проблемы, забытый современными профсоюзами, — *уменьшение продолжительности рабочего дня*. Он направлен на создание солидарности между занятыми и безработными. Вместо углубления противоречий между ними он создает ситуацию, когда все работают понемножку. Более глубокое значение этого требования состоит в том,

что уничтожается зависимость между работой и доходом. На этот разрыв ориентировано и создание института гарантированного ежегодного дохода. «В 60-х и 70-х гг. теоретики автономного марксизма, например Негри, уже говорили о том, что автоматизация и обобществление производства делает устаревшей трудовую теорию стоимости, поскольку исчезает сама стоимость... Они видели в этом кризис, но не марксизма, который всегда рассматривал наемный труд как исторически преходящую форму социальной организации, а капитала, который зависит от необходимости и рациональности стоимостного отношения» [С.431].

Создание *института всеобщего гарантированного дохода* опирается на представление о том, что производство нужно оплачивать «общественной заработной платой», зависящей от индивидуальных необходимых потребностей и доступной домохозяйкам и студентам. «Один из разработчиков этой идеи А. Горц еще в 80-е гг. заявил о том, что уменьшение рабочего времени, ставшее возможным при помощи введения микроэлектроники, откроет “дорогу в рай”. Реализация его идеи, однако, была невозможна, поскольку капитализм — этот “живой мертвец”, продлил жизнь рынку и стоимостному отношению за пределами периода их исторической целесообразности, используя их только как инструменты господства» [С.432]. Горц особенно отмечал, что при капитализме в процессе труда уничтожается человеческое достоинство. В свою очередь, социальный доход, получаемый в течение всей жизни и основанный на необходимом минимуме общественно значимой работы, делает так, что работа перестанет быть центром общественной жизни. «Если меньше работать, — писал Горц, — то мы сможем сделать столько полезной, а главное, приятной работы в свободное время» [Там же].

Уничтожение наемного труда автоматически приведет к уничтожению пролетариев и капиталистов — само собой разумеется, что институт гарантированного дохода возможен только при государственной собственности на средства производства. Реализация этой идеи будет иметь определенные последствия. Во-первых, институт гарантированного социального дохода не только решает проблему кризиса оплачиваемой работы в высокотехнологичном обществе, но он также соответствует требованиям феминисток экономического признания домашнего труда. Во-вторых, такая система гораздо более приемлема для имеющих в любом обществе видов труда, которые не могут быть автоматизированы. В-третьих, освобождение людей от необходимости наемного труда создает возможности для более глубокого и творческого вовлечения в другие сферы общественной жизни. Таким образом, решается проблема самоорганизации общества и политического участия.

Дайер-Визефорд отстаивает идею, что этот институт может стать реальностью только в достаточно технологически развитом обществе, поскольку прогресс информационных технологий создает тенденции, *диаметрально противоположные логике рынка*. Развитые коммуникационные сети порождают очень быстрый и широкий круговорот информационных товаров, к которым неприменима логика производства и потребления обычных товаров. Волна медиапиратства, включающего создание фотокопий, перепечатывание текстов, перекачку видео, неплаченный прием спутниковых сигналов, копирование программного обеспечения и хакерство, *уничтожает товарную форму информационных ресурсов*. Чтобы понять эту черту современного общества, Дайер-Визефорд обращается к Марксу и убеждается в том, что моти-

вы, разрушающие капиталистическое развитие коммуникаций, коренятся в укорачивающемся времени круговорота товаров. «Согласно Марксу, если продукт переходит сразу же от производителя к потребителю, то это разрушает сам момент товарного обмена. Знаменитый девиз хакеров “Информация хочет быть свободной” означает, прежде всего, что большинство людей хочет, чтобы информация находилась в свободном доступе и ищет в виртуальном пространстве средства достижения этого. Интернет делает доступным большое количество разнообразной информации в нетоварной форме. Огромные базы данных доступны бесплатно. Создатели программ, которые хотят, чтобы их работа была использована больше, чем чтобы она была продана, помещают их в интернет бесплатно... Эти тенденции заложены в самой природе *информации — аномального явления для рыночной экономики*, так как она может быть использована одновременно множеством людей, скопирована и передана дешево, она не уменьшается от многократного использования и может увеличивать свое значение в зависимости от более широкого распространения. Это ведет к двум возможным противоположным последствиями: оплата информационных услуг под контролем общества или “фундаментальное разложение” товарной формы через всеобщее разрушение авторских прав на информацию. *Наше общество будет построено на тенденции разрушения товарных отношений*» [С.441]. Дайер-Визефорд отдает должное первым, кто увязал уничтожение товарного обмена со свойствами информации, — как ни странно, это были научно-технические работники из организации Компьютерные профессионалы за социальную ответственность (CPSR). Они отмечали также, что обобществление информации приведет к значительным культурным из-

менениям, поскольку распространение культуры будет широким как никогда.

Почти половина главы отводится Дайером-Визефордом такому важному вопросу, как *компьютеризированное общественное планирование*. «Чтобы осуществить действительную альтернативу развитому капитализму, необходимым и обязательным является воссоздание планирования» [С.447]. Дайер-Визефорд, следуя Марксу, выделяет две противоположные тенденции в современном обществе: социализацию и приватизацию. Уже Марксом было отмечено, что производство средств коммуникации (в его время — дорог, железных дорог и каналов) является частью всеобщих условий общественного производства, которые капитал стремится подчинить себе. Но эти системы становятся все более необходимыми для *индивидов при производстве их самих как представителей социального коллектива и условием воспроизводства общества как всеобщего условия их производственной деятельности*. В «Экономических рукописях» Маркс показывает, что институты информации (почта и телеграф) появились в результате глобальных противоречий и отчуждения частного производства, в то же время эти институты открывают возможность преодолеть отчуждение. «Успехи неолибералов в приватизации во многом объясняются их популистскими лозунгами против бюрократической иерархии государственной власти. Тем более что единственным адекватным ответом приватизации может быть только усиление государства, возвращение к старому образцу “планового государства”» [С.450]. По мнению исследователя, наиболее подходящей формой планирования будет *сочетание государственной силы управления с разнообразными коллективными демократическими проектами и инициативами*. «Проще говоря, мое предложение

преследует цель оставить финансовый и административный контроль за общественно избранными правительственными службами, а инициативу — за многочисленными общественными организациями, кооперативами, социальными и культурными, исследовательскими и инновационными центрами. Роль правительства — поддержка коллективных инициатив, а не насаждение таковых, проникновение, а не контроль, помощь общественным изменениям, а не руководство ими» [Там же]. Все эти моменты объединяются в понятии общественного планирования, т.е. способности общественного труда направлять развитие как производства, так и общества в целом, а компьютеризация и телекоммуникации создают каналы для соединения административной системы и децентрализованной системы социальной самоорганизации. Первые робкие шаги в этом направлении делаются в США группой RTK. Эта организация предложила свободный онлайн-доступ к экологической программе правительства США. Каждый желающий может таким образом прочитать отчеты по природоохранной деятельности 24000 промышленных предприятий и внести свои предложения.

Однако проблема планирования, как показано Дайером-Визефордом, сегодня вызывает множество споров и дискуссий. Например, между А. Новом, отстаивающим *«рыночный социализм»*, т.е. *децентрализованное демократическое планирование*, и Э. Манделем, выступающим за *государственное стратегическое планирование*. Сам Дайер-Визефорд согласен с позицией Д. Элсон, которая предлагает введение *централизованного стратегического планирования, по крайней мере, в сферах фискальной и денежной политики*. Рынок потребительских товаров, по ее мнению, должен быть «социализирован», т.е. стать прозрачным. Пред-

приятия будут обязаны публиковать информацию о дизайне, процессе производства, формировании цены, условиях работы и последствиях для окружающей среды при производстве своих товаров. Поддержанные обществом коллективы — «потребительские союзы» — анализируют эти данные и предлагают средние нормы для производства и потребления товаров. «Шопинг станет серией осознанных коллективных и индивидуальных решений, выбором оптимального сочетания цены и качества. Коллективный контроль над информацией можно понимать как тенденцию к демократизации и одновременно к централизации» [С.454]. М. Альберт и Р. Ханель предлагают концепцию *децентрализованного планирования*, в которой производство и потребление внутренне организованы решениями кооперативов производителей и потребителей. Разумеется, эти модели, как показано авторами, очень абстрактны и схематичны, но они поднимают вопрос о возможности *связи высокотехнологичных коммуникаций с динамичными моделями планирования*, а это сегодня очень важно.

Особое внимание в аспекте планирования Дайер-Визефорд уделяет *поддержанию и восстановлению природы*. «Согласно Марксу, природа не создает машин... Это продукты человеческого производства: природные материалы, превращенные в средства осуществления человеческой воли над природой или человеческого участия в природе... Капитализм выставляет приоритет “прогресса”, “эффективности”, “производительности”, “модернизации” и “роста”, не оглядываясь на природные или социальные последствия. Сегодня, в преддверии экологической катастрофы, под вопросом стоит само дальнейшее существование человечества. Противоположностью катастрофической сцене разрушения планеты является только один от-

вет, если исключить утопические идеи отказа от дальнейшего развития технологий... Это *замена рыночного хаоса стратегическим планированием, замена осуществления воли над природой участием в природе*» [С.457-458]. Как отмечал Э. Финберг, проект развития новых форм науки и технологии при участии планирования может принять конкретные социальные и природоохранные направления. «Теоретики, такие как Э. Финберг, Р. Склов, М. Голдхабер и Х. Вайнрайт осуществили огромный труд по разработке не совместимых с капитализмом критериев, которые должны быть применены к развитию технологий и их коллективному внедрению. Особое место среди них занимает уровень поддержки и восстановления экологии» [С.461]. К примеру, «коллективным решением может быть в десятки раз уменьшено нецелесообразное использование одних технологий (например, частных автомобилей) или ускорено развитие других (например, очищение Мирового океана)» [С.463].

В части девятой — «Интеллекты» — автор возвращается к упомянутой в первой главе Марксовой категории *всеобщего интеллекта*. Он исследует более детально эту концепцию, прибегая к «Экономическим рукописям» и дальнейшим ее исследованиям группой создателей французского журнала «Futur Anterieur».

В начале своей работы Дайер-Визефорд описывал классовые конфликты в высокотехнологичном капитализме как «борьбу за всеобщий интеллект». Маркс вводит понятие «всеобщего интеллекта», которое соотносится с понятием «всеобщего труда» как идеальное и материальное. Анализируя «Отрывок о машинах» в «Экономических рукописях», Дайер-Визефорд сосредоточивает свое внимание именно на понятии всеобщего интеллекта, объясняя это тем, что еще Маркс достаточно хо-

рошо исследовал роль труда в социальном прогрессе, а понятие «всеобщего интеллекта» разработано гораздо меньше как Марксом, так и марксистами [С.483].

Дайер-Визефорд опирается на слова Маркса о том, что в определенный момент развития капитала производство реального богатства начинает зависеть не от прямого расхода рабочего времени, а от двух внутренних факторов: *научного труда* (труда, насыщенного наукой и технологией) и от *общественных объединений* (организации производства). При этом идеальной стороной материального процесса производства будет выступать «развитие всеобщих сил в человеческой голове», всеобщее социальное знание, общественный интеллект. Две формы технологических изменений предупреждают нас о возникновении внутри капитализма «всеобщего интеллекта». Первая форма — это *развитие системы производства, основанной на автоматической системе машин*, состоящей из многочисленных механических и интеллектуальных органов, таким образом, сами рабочие составляют сознательное соединительное звено в этой структуре. Другая — это *сеть транспорта и коммуникаций, интегрирующая мировой рынок*. Однако такой уровень технологического развития, кажущийся капиталисту его мечтой, содержит в себе зачатки кошмара для капиталиста. «Капитал безальтернативно уничтожает сам себя двумя путями. Во-первых, достижения технологии машиностроения и организации уничтожают потребность в непосредственном ручном труде, необходимость продавать свою рабочую силу — таким образом, сама основа социального порядка при капитализме систематически разрушается. Во-вторых, стремительно возрастающая общественная сущность производства требует научно-технического развития, которое уже не может

быть осуществлено на базе индивидуальных усилий, но только в *широкой кооперации*. *Автоматизация и социализация* вместе создают возможность и необходимость избавления от наемного труда и частной собственности. В эпоху всеобщего интеллекта капитализм как доминирующая форма производства уничтожает сам себя» [С.484-485]. Все это, описанное Марксом, сегодня узнаваемо в информационном обществе, «экономике, основанной на знаниях», в которой внутренние интеллектуальные ресурсы общества, от коллектива продавцов до партнерства университета и производства, мобилизованы, чтобы создавать технологические чудеса и глобальные компьютерные сети. Однако предположение о том, что такое развитие производительных сил автоматически ведет к социализму, кажется Дайеру-Визефорду преждевременным. Он подчеркивает, что мы сейчас находимся в стадии позднего капитализма, триумфом которого выступает беспрецедентный уровень мирового господства через подчинение технологических инноваций. Дайер-Визефорд задается вопросом: что же составляет революционную силу и дает нам оптимизм при взгляде в будущее со стороны всеобщего интеллекта?

За ответом Дайер-Визефорд обращается к группе теоретиков-инициаторов французского журнала «Futur Anterieur». Эта группа включает ветеранов итальянского протестного движения «автономия» (А. Негри, П. Вирно и др.), их молодых учеников, разрабатывающих новые ветви теории (М. Хардт, М. Лаззарато и др.), и представителей различных течений марксизма (Ж.-М. Винсент и др.). Они считают, что необычайный уровень высокотехнологичной автоматизации и глобальной мобильности привел капитал к моменту, соответствующему у Маркса появлению всеобщего интеллекта. Однако

революционные тенденции, которые Маркс при этом отмечал, — *уничтожение наемного труда, возрастающая общественная сущность производства* — пока возникли в системе, когда заработная плата и частная собственность еще господствуют. По словам Вирно, мы являемся свидетелями *уничтожения частной собственности* на основе самой частной собственности. В этой ситуации недостаточно указать на объективацию общественного знания в новых технологиях, скорее необходимо рассмотреть сущность человеческой деятельности, создающую, поддерживающую и использующую научно-технический аппарат. Пока капитал развивал машины, чтобы свести к минимуму живой труд в производстве, это развитие само требовало появления нового уровня общественной кооперации — материальной базы для всеобщего социального знания (массового интеллекта).

Массовый интеллект можно весьма приближенно определить как совокупность ноу-хау, которая поддерживает развитие высокотехнологичной экономики, как активность «постфордистского пролетариата» (Негри). Массовый интеллект наблюдается не только в производстве, но и во всей совокупности образовательных и культурных взаимодействий, например, это отражено в концепции «обучения длиной в жизнь» — студенты продолжают обучаться новым технологиям и инновациям в своей профессии. Массовый интеллект Негри и Лаззарато называют также *нематериальным трудом*.

Что касается новых форм общественных противоречий, отражающих эти тенденции, то создатели «Futur Anterieur» особенно выделяют конфликты, вызванные *участием в управлении*. Это явление — результат многочисленных экспериментов по организации труда в системе

посттейлоризма: «кругов качества», «командной концепции», «японской модели управления», «всеобщего качественного управления», которые осуществляются из предположения, что рабочие становятся активными субъектами кооперации и различных функций производства, участвуя таким образом в управлении предприятием. В номинальном делегировании управленческих полномочий и ответственности рабочим капитал удовлетворяет их требования участия в координации производства. Однако нерешенное противоречие по вопросу собственности не позволяет рассматривать такие эксперименты как окончательное решение конфликта.

Следующий аспект всеобщего интеллекта — участие медиа и коммуникаций. По словам Винсент, *всеобщий интеллект — это руководство сетями и коммуникациями*. Капитал развив информационные технологии — средства массовой информации, телекоммуникации и компьютерные сети — с целью консолидации рынка и идеологического контроля. Однако он не может подчинить объективную технологически организованную базу всеобщего интеллекта (всеобщий труд). Массовый интеллект в аспекте медиа и коммуникаций кажется вовлеченным в массовое использование информационных технологий и подчиняющим себе капиталистический коммуникационный аппарат. Для примера Дайер-Визефорд отсылает нас к проанализированному им прежде явлению характера как массовой информационной инновационной интеллектуальной активности. «Примером, дающим наглядное представление о квинтэссенции всеобщего интеллекта, будет растущая спонтанная активность интернета, так как, абстрагировавшись от принятых банальностей или какой-либо необычной практики, интернет в любой из моментов погружен в гло-

бальную сеть обменов, что кажется формированием полицентричного, связанного с коммуникациями коллективного интеллекта» [С.498]. Дайер-Визефорд попутно отмечает, что «глобальное, основанное на электронных технологиях общественное планирование — как раз то, что можно ожидать от развития массового интеллекта» [Там же].

Другими центрами всеобщего интеллекта Дайер-Визефорд называет *университеты*. «Сегодня капитал пытается поставить под контроль шаги университетов в этом направлении. Так, эксперименты по вовлечению университетов в партнерство с компьютерными корпорациями, организациями послевузовского образования и школами повышения квалификации капитал рассматривает как свой коммерческий интерес. Он смотрит на “виртуализацию” университета как на расширенный рынок компьютеров и программного обеспечения, а на созданные студентами программы как на товар. Для университетских администраций “виртуализация” предполагает уменьшение зарплат и централизованное управление. Такое использование виртуальных технологий в университетах зачастую вызывает сопротивление. В университетах Лос-Анжелеса и Британской Колумбии студенты организовали протест против дополнительной платы, которую университеты запросили за высокотехнологичное обучение. В Канаде, в университетах Йорка и Аркадии, преподаватели бойкотировали виртуальный контроль методов преподавания и технологический контроль над их работой» [С.508-509]. Участие в таких движениях заставляет препо-

давателей и студентов «выходить из студенческих городков на улицы». Их борьба сливается с борьбой работников сферы услуг, рабочих промышленного производства и множества противостоящих капиталу в разных аспектах течений. Однако то, что капитал сделал связь университета и бизнеса неразрывной, имеет не только отрицательные стороны. Так, студенты и преподаватели вовлекаются в появляющийся сегодня на основе капитала всеобщий интеллект. Они теряют свои претензии на «великую истину» и мастерство анализа, но приспособливают свои знания к практическим целям; знания и навыки становятся взаимосвязанными моментами в их участии в массовом интеллекте.

В высшем образовании, как и везде, труд не может находиться полностью под контролем. В стремлении капитала использовать университеты для подчинения всеобщего интеллекта, заставляя людей осуществлять «обучение длиною в жизнь», чтобы не оказаться безработными, капитал сильно рискует. Это проявляется прежде всего в том, что люди будут учить и учиться не тому, чего ожидает капитал. Как пример Дайер-Визефорд приводит собственную интерпретацию информационного общества, с позиций которой он преподает студентам и которой была посвящена эта книга.

Список литературы

1. Dyer-Witthford N. Cyber-Marx: Cycles and Circuits of Struggle in High Technology Capitalism // <http://www.fims.uwo.ca/people/faculty/dyerwitthford/index.htm>

DYER-WITHEFORD N. «CYBER-MARX: CYCLES AND CIRCUITS OF STRUGGLE IN HIGH TECHNOLOGY CAPITALISM»

V.S. Gritsenko

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Professor of the University of Western Ontario N. Dyer-Witheford makes a profound analysis of the essence of post-industrial society from the viewpoint of the Marxist labour paradigm and K. Marx's concept of the universal (scientific, automated) labour. He touches upon the main questions of this theory. This book was not translated in Russia before. It gives a quite good presentation of contemporary Western Marxism.

Key words: universal labour; universal intellect; destruction of value; planning.

УДК 141.131

ИНТЕРПРЕТИРУЯ ПЛОТИНА: ОТ ФРАГМЕНТА К ЦЕЛОМУ**А.А. Тютюнников*

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: atutun@psu.ru

В статье обосновывается гипотеза об онтологическом приоритете отношений в философской системе Плотина, конституирующих ипостаси в иерархии сущего.

Ключевые слова: Плотин, неоплатонизм, ноология, отношение, возможность, действительность, эманация.

По-видимому, не будет несогласно с истиной утверждение, что античная метафизика есть объясняющая субструктура космологии древних. Однако, если не ограничиваться рамками эпохи, можно сказать, что всякая метафизика хочет быть знанием, объясняющим мир. Объясняющий разум ставит вопрос и в отношении самого факта знания: разум перестал бы быть разумом, если бы он мог воздержаться от этого вопроса. Но как далеко может идти объяснение? Знание — чтобы быть знанием — предпосылает себе в качестве абсолютного то, что делает его именно знанием, но переход от абсолютного к знанию не может рассматриваться самим знанием как необходимый. Как объяснить факт знания, если *объяснение*, с одной стороны, не выходит за пределы знания, а факт *знания*, с другой стороны, предпосылает себе то, что знанием уже не является?

Ввиду этого коренного затруднения факт знания должен быть просто принят объясняю-

щим разумом как результат свободного полагания. Никакая метафизика не может идти дальше этого пункта. Но так как вне отношения к абсолютному знанию не может быть то, что оно есть, то, стало быть, знание как таковое должно быть положено вместе с этим отношением. Поэтому по существу своему — вспомним примеры Аристотеля! — оно есть соотношенное (t4 pr3~ ti).

Кому-то, быть может, в данном рассуждении могут послышаться отзвуки фихтевской философии, и недаром. Но здесь оно предваряет изложение ноологии Плотина и намечает важнейшие его темы. Поскольку начинать желательнее с первого, как бы трудно это ни было, то из многих мест, в которых основоположник неоплатонизма пытается трактовать отношение знания к абсолютному, или, по терминологии Плотина, ума к единому, мы выберем, на наш взгляд, одно из наиболее характерных, и притом наиболее плодотворных в смысле раскры-

© Тютюнников А.А., 2010

* Сокращенный вариант этой статьи под названием «Латентный реляционизм Плотина» опубликован в Вестнике Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2009, № 4 (1), с. 18-25.

тия целого. Конечно, заслуживает отдельного разговора, почему Платинов по\$~ (ум) — да и не *ego*, впрочем, а тот, о котором трактует вся античная ноология и которому она обязана своим именем, — может быть в существенном смысле интерпретирован как *знание*, так что упомянутое фиктевское наукоучение (*Wissenschaftslehre*) оказывается в новое время прямым продолжением античной ноологии. Это тем более не лишне, что ум у Платина, как мы увидим ниже, есть само бытие. (Так и Фихте в «Наукоучении 1801 года» в духе античной традиции развивает мысль о тождестве знания и бытия.) Но все интерпретации и сопоставления — отнюдь не первая материя. Обратимся же, наконец, к самому Платину. То место, к которому мы, можно сказать, подступились исподволь, — из трактата V 4. Вот оно:

}ЕреJ... бке_no m1nei noht3n, t4 gin3menon gjnetai n3hsi~ n3hsi~ d2 o'fa kaJ noo\$sa #f ou 6g1neto — Allo g+r o8k ?ei — no\$~ gjnetai, Allo ouon noht4n kaJ ouon бке_no kaJ mjmhma kaJ eodwlon бкеjnou.

Редкий случай для текстов Платина, когда приемлем почти дословный перевод: «Так как... «то» пребывает мыслимым, то рождающееся становится мышлением; мышление же, существуя и мысля откуда оно (ибо другого у него нет), становится умом: как бы другим мыслимым и подобием «того», его копией и образом»¹.

Итак, что можно извлечь из этой фразы? Прежде всего, из ее контекста, да и по самому смыслу ее, ясно, что местоимение бке_no указывает на источник ума, т. е. на единое. Стало быть, действительно, речь здесь идет у Платина об уме и едином в их взаимоотношении. С од-

ной стороны, о едином говорится, что оно «пребывает мыслимым». Прилагательное noht3n буквально означает здесь следующее: единое *может* быть предметом мышления. С формальной точки зрения, когда говорится, что нечто *может* быть предметом какого бы то ни было отношения со стороны другого, тем самым еще ничего не предпрещается о *действительном* существовании этого другого. Таким образом, абсолютность единого, коль скоро мы говорим о нем, наиболее адекватно выражается посредством высказываний, подпадающих под данный род модальности. В том же трактате V 4 Платин прямо говорит о едином как *потенции всего* (dvnami~ p=ntwn; см. также III 8, 10, V 1, 7, V 3, 15). Конечно, в своей абсолютности, само по себе, оно актуально и даже, можно сказать, сверхактуально — как единая энергия в своей бездеятельной основе. То, что оно *может* быть предметом отношений, или, другими словами, потенциальность в нем всего, что обусловлено этими отношениями, нисколько не трагивает его в его самости и есть нечто вторичное по отношению к его актуальности². Так, в IV 7, 8(c) Платин вслед за Аристотелем (см., например: «Метафизика» IX, 8) говорит об актуальном: to\$to kre_tton ?stai to\$ dunam1nou ouon ?rekt4n ?n бкеjnou, т. е. что оно лучше то-

¹ Тексты Платина даются в авторском переводе по изданию: *Enneades* /ed. P. Henry and H. R. Schwyzer [1].

² Ср., например, VI 6, 14, 1-5: «Сообразуясь со всем сказанным касательно соотнесенного (t4 pr3~ ti), пожалуй, разумно будет заметить, что единое не таково, чтобы оно, совершенно не ведающее аффектов, утратило свою природу, когда другое аффицировано [при нем], и [не таково,] что, если бы оно вознамерилось выйти за свои пределы, ему пришлось бы изведать утрату единства, разделившись на две или большее число частей». Или — VI 7, 40, 41-43: «Будучи же чистым от мышления, [благо] беспримесно есть как оно есть, не связывая себя этим мышлением, что подле него, дабы не перестать быть беспримесным и единым».

го, что в потенции, будучи возможным предметом устремлений этого последнего. Однако, в отличие от Аристотеля, который, как известно, полагал ум первым принципом, Плотин постоянно говорит о примате *единого* и утверждает, что единство существует не только в причастном ему (прежде всего — в уме), но и в каком-то смысле само по себе (VI 2, 12: καὶ κατὰ αὐτὸ καὶ ἄνευ τῆς μετέωρου; ср. также VI 6, 14, 10-13). Генология занимает значительную часть текста «Эннеад». Трудности, с которыми сталкивается речь о едином, Плотин пытается преодолеть, указывая адекватное предмету речи *направление* мысли, побуждая мысль переходить от слова о едином в его, слова, смысловой определенности к основанию смысла этого слова. Вот лишь один пример в связи с термином *ἐνέργεια* («энергия»), который, делая кальку с соответствующего ему латинского термина *actus*, можно, в частности, переводить и как «акт», «актуальность». В V 5, 3, 23-24 Плотин говорит об энергии праотца (т. е. единого), направленной в основание сущности, — правда, вставляя перед словом «энергия» важную для него оговорку «как бы». В V 6, 6, 3-4 говорится о бездеятельности того, что само есть акт («И что за нужда энергии действовать?») — спрашивает Плотин). А в VI 7, 17, 9-10 говорится уже о том, что единое есть сверхактуальное начало: «Если что-то... прежде энергии, то — по ту сторону энергии (*ἐπέκεινα ἐνεργείας*)». Вообще же Плотин неоднократно указывает на недостаточность любых словесных выражений, когда речь идет о едином. И все-таки рассуждения и размышления о неизреченном для него совершенно необходимы: как приготовительная часть мистической практики, как последняя ступень перед созерцанием блага (VI 7, 36). Здесь, похоже, мы имеем тот случай, когда цель и в самом деле оправдывает средства. «Приходится

уступать словам, — читаем в VI 8, 13, — если, по необходимости говоря о «том», кто-нибудь ради доказательства пользуется ими, коим, в точном их смысле, мы запрещаем сказываться. Пускай же к каждому слову прибавляет он оговорку «как бы» (*ὡς εἴη*)».

Итак, в смысле категории отношения (и только в таком смысле!), т. е. как предмет возможных отношений со стороны всего, что конституируется через эти отношения, единое есть «потенция всего», пребывая в своей абсолютности, вне каких бы то ни было отношений, совершенно актуальным.

Вернемся, однако, к исходному фрагменту трактата V 4. Почему вообще о едином говорится, что оно «пребывает *мыслимым*»? Другими словами, если оставить в стороне обсужденный сейчас момент модальности, наличный в этом высказывании, почему первое возможное отношение к единому со стороны последующего, что еще только имеет возникнуть благодаря этому отношению, есть именно *мышление*? Почему, в конце концов, именно ум есть первое порождение единого? Ведь не мог же Плотин опуститься до банальной софистики, говоря, например: «Так как рождающее — по ту сторону ума, то [рожденное] с необходимостью должно быть умом» (V 4, 2, 2-3), — или: «Как рожденное тем, что лучше ума, [должно] быть умом, так и ум [должен быть] лучше всего остального, потому что все это — после него» (V 1, 6, 43-44).

В том, что вторую после единого ипостась Плотин именуется «умом», мы склонны видеть проявление антропоморфизма, однако при более пристальном рассмотрении этого самого Платинова «ума» оказывается, что дальше имени этот антропоморфизм не идет: в сущностном определении «ума» нет ничего антропоморфического. Свое имя вторая ипостась полу-

чила в силу аналогии с нашим умом, а *posteriori*, но *a priori* — не по аналогии, а по сущности — скорее наш ум получает свое имя от того ума, если этот последний *in definitione* назвать умом. Платинов «ум», как мы увидим дальше, есть необходимая диалектическая категория — отсюда вытекает и *объективный* характер всей ноологии Платина. Если прибавить к этому утверждение Платина, что бытие необходимо мыслить раньше ума (V 9, 8, 11), то иначе, как *реалистом*, Платина не назовешь: этот «ум» и есть у него единственная объективная реальность.

Чтобы предотвратить ложное понимание «ума», обусловленное привнесением антропоморфических черт в это понятие и, как следствие, подменой его настоящего смысла, Платин специально оговаривается: «Под умом я разумею не способность души, которая присуща тому, что [в ней] от ума, но сам ум» (I 1, 8, 1-3). Это звучит в точности так же, как если бы кто-то сказал: «Под вещью я разумею не образ ее в нашей душе, но саму вещь». И если мы не обманываемся образами вещей и не принимаем их за сами вещи, несмотря на то, что непосредственно обладаем лишь образами, а не вещами, если мы несколько не сомневаемся в существовании вещей вне нас, то разве могут быть какие-то сомнения в существовании ума — реальности, образом которой является наша интеллектуальная деятельность? В акцентировании этой реальности и состоит смысл последнего высказывания Платина. Факт интеллектуальной деятельности души и объективные аспекты этой деятельности необходимо должны иметь свой исток в реальности — Платин не был первым, кто назвал ее умом. Необходимо, говорим мы, имея в виду объяснительный статус этой реальности по отношению к после-

дующему¹. Платинов «ум» есть необходимое условие объяснения последующего в том же смысле, в каком общие законы необходимы для дедукции фактов. И вообще, о триаде высших ипостасей у Платина можно сказать, что она представляет собой *ряд необходимых условий*, каждое из которых есть то, без чего нет последующего: «...Необходимо, — говорит Платин, — чтобы каждое наделяло и другого своим, [иначе] либо благо не будет благом, либо ум — умом, либо душа — вот этим» (II 9, 3, 8-9).

Итак, что же этот ум по своему сущностному определению? Свою сущность и свое сущностное свойство ум полагает в том, чтобы *быть при едином и смотреть на него* (pare_nai... ti #gaqi kaJ ti pr9t0 kaJ bl1rein e>~ бке_пон; VI 9, 2). Поэтому, сразу скажем, нет никакой софистики в высказываниях Платина, приведенных выше: что существо, рожденное сверхумным принципом, с необходимостью есть ум. Но что это значит: «быть при едином»? Это eunai здесь чрезвычайно важно. То, что единое еще не есть бытие, так как предшествует бытию, — эту платоновскую мысль, как мы знаем, Платин не устает повторять. Трансцен-

¹ Вот, к примеру, характерное рассуждение самого Платина: «Неразумно вменять устройство и действительность всего этого (т. е. космоса. — *А. Т.*) стихиям и случаю (ti a8tom=t0 kaJ tvсU), так как не имел бы тогда человек ни ощущения, ни разума...» (III 2, 1, 1-3). И далее: «А так как мы утверждаем, что этому космосу не чуждо вечное и постоянное, то мы были бы последовательны и прямы, сказав, что в отношении всего существует промысл — как бытие, сообразное самому уму, — и что раньше всего существует ум, будучи не по времени первым, но поскольку то первенство принадлежит ему по смыслу и по природе, как виновнику [всего] этого, или как если бы он был архетипом и парадигмой образа [всего] этого, что, существуя, существует [лишь] благодаря ему и вечно ему подвластно» (там же, 20-26). Или в другом месте: «Конечно, это связанное множество, этот умный космос, есть то, что при первом, и разум говорит, что оно необходимо есть, как только кто-либо [признает], что и душа есть; оно же — главное души» (VI 9, 5, 20-23).

дентная актуальность единого такова, что все, что при нем, еще только *может* быть, но в абсолютном смысле — в каком актуально единое — еще *не есть*, не существует («скорее, еще не есть, но будет», — говорит Плотин; V 2, 1, 2-3). Быть при едином, таким образом, значит быть в возможности. Но даже и в возможности — прежде чем быть чем-то, необходимо просто быть. Поэтому если говорится, что единое есть потенция всего, нужно понимать, что прежде всего оно есть потенция бытия, или, другими словами, бытие есть то, в чем прежде всего обнаруживает себя единое. Единство, обнаруживающееся в бытии, говорит Плотин (буквально: единое-в-сущем — $t_4 \text{ } \pi n \text{ } \beta n \text{ } \tau i \text{ } \xi n \tau i$), с одной стороны ближайшим образом подступает к единому как таковому, а с другой — как бы совпадает с самим бытием, и уже это бытие (а посредством него, как мы понимаем, и единое) есть потенция многих сущих, поскольку, «хотя бытие и является единым при едином ($t_4 \text{ } \rho r_4 \sim \beta k e j n 0 \text{ } \pi n$), оно тем не менее есть уже то, что после него ($t_4 \text{ } m e t \text{ } \beta k e _ n o$)» (VI 2, 9, 39-42). Имея в виду сказанное, можно сделать предварительный вывод: ум полагает свою сущность в бытии. Этот вывод нуждается в дальнейшем осмыслении, развитии и, так сказать, проверке.

В этой части сущностного определения ума, очевидно, нет ничего антропоморфического. Но, может быть, антропоморфизм сказывается в том, что ум «смотрит» на единое? О чем, однако, свидетельствует многообразие терминов, с помощью которых Плотин пытается выразить отношение ума к единому? Кроме близких по смыслу к $\beta \lambda \eta \rho e \iota n$ глаголов видения $\tau \rho \alpha \nu$ и $\kappa \omega \sigma \mu \epsilon _ n$ Плотин употребляет для характеристики этого отношения формы от $\mu \omega \nu \epsilon _ n$ («мыслить») и $\beta \rho \iota \beta = \beta \lambda e \iota n$ («постигать», или, буквально, «припадать»; существительное $\beta \rho \iota \beta o \lambda /$ близко по смыслу к латинским *intuitio* и *comprehen-*

sio). Кроме того, ум, говорит Плотин, «обращен» к единому (VI 9, 2: $e \sim \# r c \setminus n \beta \rho \iota \sigma \tau \rho \iota \phi e \iota$), «стремится» к нему (V 3, 15: $t_4 \text{ } m \setminus ? n \dots \beta \phi \iota \lambda \mu \epsilon \nu o n \dots t o \xi \text{ } 5 n 3 \sim$) и в своих эйдосах «обладает» им (VI 7, 15: $\beta n \text{ } t o _ \sim \text{ } e o d e \sigma \iota \text{ } t_4 \text{ } \# g a q 4 n \text{ } \text{?} \epsilon \iota$). Хотя этот «терминологический экстракт» не претендует на полноту, в нем, тем не менее, представлены термины, наиболее характерные в интересующем нас смысле. Именно то обстоятельство, что данные характеристики отношения ума к единому сплошь и рядом у Плотина взаимозаменяемы, как раз и позволяет трактовать это отношение независимо от каких-либо антропоморфических ассоциаций. Менее всего, быть может, чреватые ими такие термины, как $t_4 \text{ } \text{?} \epsilon \iota n$ и $\beta \rho \iota \sigma \tau \rho o \phi /$; в первом угадывается аристотелевская категория «обладания», второй станет техническим термином в позднем неоплатонизме, служащим для обозначения одного из моментов диалектической триады. В любом случае в духе воззрений Плотина будет сказать, что все ассоциированные с терминами смыслы принадлежат разумной душе, и поэтому в применении к существу, превосходящему разумную душу, каков чистый ум, они не более чем *анalogии*, необходимые, впрочем, для того, чтобы привести душу к пониманию (ср. VI 7, 36, 6-7). Характеризуя отношение ума к единому то одним, то другим таким термином-анalogией, Плотин словно бы пользуется методом эйдетической вариации, посредством которого, можно сказать, и сам ум усматривает свою инвариантную сущность, ибо он $\beta n \text{ } t o _ \sim \text{ } e o d e \sigma \iota \text{ } t_4 \text{ } \# g a q 4 n \text{ } \text{?} \epsilon \iota$: инвариантный и совершенно объективный смысл, абстрагированный от всего вариативного и чреватого какими угодно ассоциациями, и есть то, что относится к сущностному определению чистого ума.

Хорошо, пусть так. Пусть единое прежде всего обнаруживает себя в бытии. Но с какой

статьи, может спросить кто-то, бытие именовать умом? Разве бытие мыслит? В ответ на это должно заметить: то, что именуется «бытием», *с равным правом* может именоваться «умом», как общий корень всякого существования и мышления. В этом смысле *бытие и есть ум*. Единое проступает бытием в основание иного и становится единым сущим, но единое сущее ($t_4 \text{ } \& n$), *поскольку оно едино*, т. е. «обладает» единством, есть не что иное, как ум. Для ума важен именно этот момент «обладания» (ср. V 3, 11, 11-12). Все, чем может обладать ум, — это единство: «ибо другого у него нет». Но поскольку единое как таковое всегда по ту сторону ума, то обладать им как своим собственным единством он может лишь в той или иной форме: $b_n \text{ } t_0 \sim eodesi \text{ } t_4 \text{ } \#gaq4n \text{ } ?cei$. То, чем он таким образом обладает, не есть уже единое как таковое, но — знание.

Можно сказать об этом и несколько иначе. По-видимому, единственное «свойство» бытия — его самождественность. Во всяком сущем оно одно и то же. Но отношение тождества содержит в себе момент рефлексии, без которого вообще нет смысла говорить о тождестве. Тождество есть категория ума. Бытие, таким образом, умно. И это было совершенно ясно Плотину, относившему к уму связку пяти платоновских категорий: сущее ($t_4 \text{ } \& n$), движение и покой ($kjnhsi \sim kaJ \text{ } st=si \sim$), тождество и различие ($ta8t3th \sim kaJ \text{ } 5ter3th \sim$). Заметим теперь, что тождество бытия во всяком сущем означает единство сущего, и обратно: единство сущего означает тождество бытия. Бытие роднит все сущее. Таким образом, платоновское «сущее» как *родовая* категория и «бытие» — суть разные выражения для одного и того же. Умное бытие, или, иначе, «мышление» ($n3hsi \sim$), понятое не критически — не энергично, а конститутивно, как родовое «сущее», как конститутивно дан-

ный эйдос, благодаря которому всякое сущее сущее, — и есть «ум».

И чтобы совсем уж покончить с мнимым антропоморфизмом платиновской ноологии, приведем два примера. Что антропоморфического, спросим, в положении «семь плюс пять равно двенадцати» или в принципе стационарного действия, на котором, можно сказать, держится вся физика? То, посредством чего усматривается истинность первого положения и что изначально дает ему эйдетическое бытие, или, другими словами, конституирует соответствующую реальность в мире чисел, есть определенный модус чистой интуиции — интуиции, столь же мало являющейся исключительной собственностью человека, как и наука математика в целом. Что касается принципа стационарного действия, то, рассматривая его как экономное выражение динамических законов *природы*, мы довольствуемся сегодня тем, что его истинность обеспечивается соответствием этих законов опытным данным, однако отсюда вовсе не следует, что она не гарантируется интуицией *a priori*, нам пока недоступной. Именно такого рода интуиция присуща платиновскому «уму». И совершенно в том же самом смысле, в каком интуиция является источником истинности в строгих науках — математике и математической физике, — ум, говорит Плотин, есть «виновник наук» (VI 9, 5, 12; ср.: Аристотель «Вторая аналитика» 88 b 36, 100 b 6-17, «Никомахова этика» 1140 b 31 — 1141 a 8). Итак, единством ум обладает «сначала» непосредственно, как сущее, а «затем» как собственно ум: поскольку $b_n \text{ } t_0 \sim eodesi \text{ } t_4 \text{ } \#gaq4n \text{ } ?cei$, т. е. поскольку во всех научных истинах сказывается *одна и та же* истина. Оговоримся: это разделение, результат которого обозначен здесь как «сначала» и «затем», производит дискурсивная способность души, рассудок ($di=noia$); именно

он сказывается в утверждении, что бытие необходимо мыслить раньше ума; для самого же ума, сущность которого состоит в бытии, «быть» означает «быть умом» — следовательно, единство ума как сущего есть то же самое единство, которым он «обладает» в своих эйдосах; отсюда вытекает и то, что эйдосы в уме суть не что иное, как сам ум, единый и единственный эйдос, взятый в различных возможных отношениях.

Поскольку единое — по ту сторону бытия, то противосмысленно полагать, что первым порождением единого может *быть* что-то кроме самого бытия. Ведь если бы это было так, то это что-то было бы *во-первых* сущим, а *во-вторых* — не просто сущим, но сущим в той или иной форме, не совпадающей с бытием сущего; следовательно, это что-то уже не было бы *первым* порождением единого. Кроме того, в сравнении со сверхактуальностью единого даже бытие, будучи актом (энергией) сущего, не более чем возможность «при едином» (πρὸς τὸ ἕν), не нарушающая его абсолютности. Эта возможность, как уже говорилось, всегда есть возможное *отношение*, предметом которого выступает единое. В самом деле, то, что не находится ни в каком отношении к чему-либо, не может быть и *после* чего-либо, ибо на каком основании можно было бы заключить о нем, что оно *после*? А после единого мы находим прежде всего само отношение к единому, имеющее, как сказано, статус бытия, — отношение, конституирующее два крайних своих члена, субъект и объект, «ум» и «сущее». «Когда [рождающееся] стало в отношении к нему (т. е. к единому, πρὸς τὸ ἕν. — А. Т.), чтобы узреть его, оно сделалось тем самым и умом, и сущим», — говорит Плотин (V 2, 1, 12-13). Как и должно, эти два тут суть одно. Отсюда непосредственно следует, что отношение к единому

обретается в самоотношении ума, или, что то же самое, в самоотношении сущего.

Таков ум *in sua definitione*. Рожденное единым не может быть ничем другим, кроме ума, — это теперь достаточно прояснено. Вопрос о том, почему за единым следует именно ум, равносильен вопросу, почему в ряду натуральных чисел за единицей следует двойка.

Итак, начальная фраза рассматриваемого нами фрагмента V 4, 2, 22-26 — «“то” пребывает мыслимым» — апеллирует к нашему уму лишь в значении аналогии, хотя допускает и более объективную трактовку в терминах отношения. Не противоречит ли, однако, эта фраза тому, что Плотин говорит в других местах, например, в III 8, 9, 1-19, где «мыслимое» неотделимо соплагается с умом, а то, что по ту сторону ума, объявляется немислимым (ἄνοητον)? Нет, конечно. Никакого противоречия здесь нет. Следует различать «мыслимое» как *предмет* мышления и «мыслимое» как конституированный мышлением *объект*. Первое предшествует мышлению и, вообще говоря, не предполагает его, второе же есть результат мышления. Первое лежит вне сферы субъект-объектных отношений, хотя и является их необходимым условием, второе же, как объект, конституируется вместе с субъектом — тот и другой взаимно предполагают друг друга. Если мы говорим о «мыслимом» во втором значении этого термина, то то, что лежит вне сферы мышления, конечно же, не мыслимо. В указанном месте трактата III 8 Плотин употребляет термин «νοητὸν» именно в этом значении. А вот в исходном для нас фрагменте V 4, 2 этот термин употребляется в обоих значениях. Применительно к единому — в первом. Когда же Плотин говорит об уме, что он есть «как бы другое мыслимое» (ἄλλο οὐκ ἄνοητον), — очевидно, во втором.

Сделаем шаг в нашей рефлексии к следующей фразе V 4, 2: $t4\ g\in\zeta\text{menon}\ g\in\eta\text{etai}\ \eta\zeta\text{hsi}\sim$ («рождающееся становится мышлением»). В этой фразе можно усмотреть важнейшее понятие неоплатонизма, обозначаемое по традиции латинским термином «эманация».

То, что Плотин называет здесь «мышлением», как явствует из контекста фразы, да и по самому смыслу этого слова, есть двунаправленный процесс: с одной стороны «мышление» устремлено к «мыслимому» как к своему предмету, т. е. в данном случае к единому, а с другой стороны оно продуцирует «мыслимое» как объект — ум, или сущее. Причем, как уже говорилось, объект здесь оказывается и субъектом «мышления». Два этих момента — момент устремленности мышления и момент его продуктивности — различаются и противопоставляются друг другу рефлектирующим рассудком, но в действительности они суть одно: тем, что мышление устремляется к своему предмету, оно и продуцирует объект. Среди представленных выше терминов-аналогий, характеризующих отношение ума к единому, есть термин, прямо означающий «стремление»: $\eta\text{esi}\sim$, если выразить его в форме существительного. Однако не этот, а другой термин — $\beta\text{p}\text{ist}\text{rof}/$ («обращение, поворот») — закрепился в конце концов, у Прокла и Дамаския, в терминологическом оснащении учения об эманации. Может быть потому, что он более органично сопрягается с двумя другими терминами «диалектической» триады.

Один из них — $\rho\zeta\text{odo}\sim$ («выход за свои пределы, выступание наружу») — соответствует моменту продуктивности того «мышления», о котором у нас идет речь. О выходах за свои пределы Плотин говорит применительно ко всем трем высшим ипостасям. И везде, где у Плотина при этом угадывается система, — не

случайно ведь неоплатонизм называют иногда учением об эманации, — это движение «наружу» оказывается, так сказать, оборотной стороной движения «внутри»: $\rho\zeta\text{odo}\sim$ оказывается лишь привходящим моментом $\beta\text{p}\text{ist}\text{rof}/$. Движение «внутри» фундирует (гипостазирует) объект в его сущности и существовании, а поскольку с другой стороны оно предстает как движение «наружу», как $\rho\zeta\text{odo}\sim$, оно продуцирует объект в его индивидуальности, со всеми его акцидентальными свойствами. Продуктивность этих выходов природы ипостасей за свои пределы, как правило, либо прямо утверждается Плотинем, либо, очевидно, подразумевается. В пользу сказанного свидетельствуют, например, тексты VI 5, 1, 14-18 (об эманации единого), VI 6, 11, 24-29 (о продуцировании монадических чисел на основе сущностных), V 2, 1, 19-21 (о порождении душою ощущения и растительной природы), V 1, 3, 6-9 (о душе как логосе ума и энергии, проступающей в основание другого жизнью).

Другой термин, с которым органично сопряжен в диалектической триаде термин $\beta\text{p}\text{ist}\text{rof}/$ и который имеет здесь наивысший статус, заключая в себе истину всех этих «выходов» и «возвращений», — это термин $\mu\text{on}/$ («пребывание», «остановка»). Как $\beta\text{p}\text{ist}\text{rof}/$ есть *sub alia specie*, привходящим образом $\rho\zeta\text{odo}\sim$, так и $\mu\text{on}/$ есть привходящим образом $\beta\text{p}\text{ist}\text{rof}/$. По истине же ($\eta\text{ntw}\sim$) все эти «выходы» и «возвращения» суть пребывание на месте — $\mu\text{on}/$. Так, в упомянутых выше текстах, в VI 5, 1, рассуждая о едином и его выходе в иное, Плотин делает важную оговорку: $\beta\Gamma\ \text{©son}\ \rho\text{roelqe}\ \eta\ \alpha\delta\text{ti}\ \text{ou}\zeta\eta\ \text{te}$ — «насколько вообще возможно ему выступить» (это место у Фичино: *quatenus possibile est procedere*¹). Тем самым, во-первых,

¹ [2. P. 1210].

весь разговор о выходе единого переводится в гипотетическую плоскость возможного, тогда как само единое в действительности никуда не выходит, а во-вторых, фактически утверждается, что не-единое, иное, имеет случайный характер. Ведь если *в действительности* нет ничего, кроме единого, пребывающего в себе, и тем не менее иное при едином *возможно*, то оно — *поскольку не едино* — возможно лишь привходящим образом, случайно. (Плотин прямо говорит об этом в VI 1, 26, 36-37: «Я полагаю, привходящим образом существует то, что едино не само по себе, но от другого».) То же самое справедливо и в отношении ума и *его* иного, — может быть, с нашей точки зрения (увы, ограниченной!) даже более справедливо, чем в отношении единого, поскольку о едином можно сказываться лишь аналогически. Perigr=yasa kaJ stAca («очертив пределы и обрета в них устой»), говорится в упомянутом выше фрагменте VI 6, 11 о пребывающей, или, если угодно, остановившейся в сфере ума природе. И тут же говорится о двух взаимно противоположных движениях: о выходе природы за пределы ума и о продвижении ее к более превосходящему, т. е. в конце концов к единому. Стало быть, и здесь эта триада: mon/, bπistrof/, pr3odo~.

Что же мы скажем теперь о «мышлении» — о том «мышлении», с которым Плотин отождествляет всякую природу и жизнь (III 8, 8: pAca zw\ n3hsj~ ti~) и определенной потенцией которого является наше мышление? Каковы следствия для «мышления» из того, что было сказано о едином: ««то» *пребывает* мыслимым»? Ясно, что и мышление пребывает, поскольку «то» пребывает: не просто (ApI^~, simpliciter), но в качестве мыслимого. Ведь все, что может быть предсказано единому, может быть предсказано ему именно мышлением, вследствие че-

го единое и становится «мыслимым». Но, устремляясь к единому как к своему предмету и продуцируя тем самым ту или иную форму (eudo~) его, определяемую соответствующими предикатами, мышление не перестает быть мышлением: оно «пребывает», и это его пребывание тождественно с его стремлением и продуцированием. Ну, а *первое* мышление (O pr9th n3hsi~) — а мы хотим говорить о нем, — заключающее в себе возможность всякого последующего, оно-то что предсказывает единому? Не что другое, как саму эту *возможность* его мыслимости. И эта возможность какой бы то ни было мысли о едином есть бытие как таковое. Первое мышление, понятое как возможность мыслить единое в той или иной форме, ничем не отличается от предсказываемой единому возможности быть мыслимым. Следовательно, оно ничем не отличается от бытия.

Особенность абсолютного, в отличие от всего конечного, — в том, что полагание иного при нем тождественно с бытием этого иного. И хотя иное при абсолютном — ничто, полагание его, как именно *полагание*, отнюдь не ничто, но бытие всего, что мы именуем действительностью.

Не так для конечного. Например, при любом настоящем положении дел (как бы ни понималось это «настоящее» — субъективно-психически или объективно-физически) полагание будущего или прошлого, о которых мы говорим «еще нет» или «уже нет», тождественно лишь с бытием мысли о будущем или прошлом, но не с бытием того, о чем мысль. В условиях конечного бытие раньше мышления — и потому, что мышление всегда есть мышление о сущем (этот тезис Парменида мы уже усвоили), и потому, равным образом, что само мышление, чтобы быть мышлением, должно быть прежде всего сущим. Вот почему рассудок предписыва-

ет нам мыслить бытие раньше ума, о чем и говорит Плотин. Но понятое универсально, мышление и в своем основании остается мышлением — как сущее в отношении к сущему, как самоотношение сущего. Это и есть то, что Плотин называет первым мышлением, или первой энергией единого¹.

Если теперь из самоотношения сущего устранить конститутивный момент, привносимый рассудком, если устранить субъект и объект этого отношения — сущее, — перестанет ли оно быть самоотношением? Нет, не перестанет. Оно останется самоотношением в качестве регулятивного принципа, предписывающего всему последующему быть в отношении к самому себе. Первое мышление является у Плотина образом некоего простого самоотношения (назвать ли его самоотношением единого?) «по ту сторону» субъект-объектного разделения. Плотин называет это самоотношение разными именами — $\alpha\lambda\lambda\eta\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota$, $\beta\omicron\upsilon\lambda\eta\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota$, $\alpha\omicron\epsilon\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota$, $\nu\epsilon\psi\iota\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota$ («хотение», «воление», «расположение», «склонность»), которые, как и все словесные выражения, как и само имя «единое», конечно же, не адекватны своему предмету, общему для всех имен и не выражимому никаким именем. Разве что прибавляя к каждому слову «как бы» ($\omicron\upsilon\omicron\upsilon\omicron$), можно еще как-то говорить о нем. Вот этим-то самоотношением — «как бы» энергией единого, тождественной с его пребыванием в себе, — и творится бытие как *возможность* всякого другого отношения, в силу которой единое «пребывает мыслимым». По отношению к последующему эта возможность действительна (ср. VI 7, 17, 6-8): бытие есть первая

энергия единого — энергия в строгом смысле слова, не нуждающаяся уже в оговорке «как бы». Перефразируя Плотина, можно сказать и так: трансцендентное самоотношение единого, характеризуемое, скажем, как склонность ($\nu\epsilon\psi\iota\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota$) единого к себе, *проступает бытием* в основание иного («проступает жизнью», говорит Плотин о душе, энергии ума, в V 1, 3, 9). «Что такая склонность его к себе, — аргументирует Плотин в VI 8, 16, именуя в этом трактате единое богом, а также называя его отцом слова, причины и причинной действительности, — будучи как бы его энергией ($\omicron\upsilon\omicron\upsilon\omicron \beta\omicron\lambda\eta\gamma\epsilon\iota\alpha$) и пребыванием ($\mu\omicron\upsilon\omicron\upsilon$) в самом себе, творит бытие как оно есть ($\tau\acute{\alpha} \epsilon\upsilon\mu\alpha\iota \text{ } \textcircled{\text{c}} \text{ } \beta\omicron\sigma\iota$), это очевидно из [нелепости] противоположного: потому что, если бы она склонила его к внешнему, она бы уничтожила бытие, какое уже есть; следовательно, это самое бытие — суть энергия, направленная к нему: ведь оно едино, как и он един. Таким образом, он утвердил ($\gamma\epsilon\upsilon\lambda\eta\sigma\iota\sigma\iota\sigma\iota$) себя [в себе же], а тем самым в союзе с ним возбудилась и энергия».

В свете сказанного становится ясным и замечание Плотина о том, что единому, в категориальном плане, следует скорее сопоставить мышление, нежели мыслящий ум (VI 9, 6, 52-53), ибо, как и единое, в отличие от ума, «мышление не мыслит, но для другого оно — причина его мышления» (там же, 53-54). Вспомним в связи с этим риторический вопрос Плотина, цитированный выше: «И что за нужда энергии действовать?» А ведь мышление и есть энергия, или, по-нашему, деятельность. Наконец, мы не случайно говорим: «в категориальном плане»; потому что, как уже не раз отмечалось, в *онтологическом* плане, согласно Плотину, первое мышление, первое мыслящее (ум) и первое мыслимое (сущее) суть одно и то же, а именно бытие как таковое.

¹ Ср., например, III 9, 9, 8: «Существует же первая энергия, и она есть само мышление». Или: VI 7, 40, 22-24: «Если это и в самом деле первая энергия и первое мышление, то, пожалуй, выше этого ни энергии, ни мышления уже не может быть».

Тождество бытия и мышления обозначено явно в следующем отрезке того исходного для нас высказывания из V 4, 2, толкованием которого мы только и занимаемся: «мышление же, *существуя и мысля* (οἷσα καὶ νοοῦσα) откуда оно (ибо другого у него нет), становится умом». Это «οἷσα καὶ νοοῦσα» следует рассматривать как одно целое. Первое мышление не мыслит, но — «существует-и-мыслит». Ведь одно дело — мыслительная деятельность в своей специфической форме и другое — бытийная основа этой формы, самый факт мыслительной деятельности. Тождество бытия и мышления говорит лишь о невозможности отделить форму мышления от ее бытийной основы, хотя, если не в первой потенции, то в последующих, они, по-видимому, могут быть различены — в противном случае понятие множества было бы бессмысленным, как бессмысленно было бы говорить и о самих этих последующих потенциях. У Плотина мы находим два варианта формулировки указанного тождества. Назовем их условно «энергийной» и «онтической» формулировками. Первая, насколько мы можем судить, представляет собой парафразу известного высказывания Парменида (ταῦτ' ἐστὶν οὐκ ἐστὶν οὐδὲν ἄλλο, ἐστὶν ἓν καὶ ἀκίνητον, ἐστὶν ἀσπαστόν, ἐστὶν ἀσύνθετον, ἐστὶν ἀδιαιρέτην, ἐστὶν ἀσύνθετον, ἐστὶν ἀσύνθετον, etc.), несущую в себе более радикальный смысл, нежели это было у элейца, хотя, так как его поэма в значительной части утрачена, мы не можем исключить и того, что Плотин воспроизводит мысль Парменида вполне аутентично. Во всяком случае дважды (V 1, 8, 17 и V 9, 5, 29-30) Плотин дает эту формулировку именно как цитату из Парменида: τὸ γὰρ ἓν καὶ νοεῖν καὶ εἶναι («ибо одно и то же — мыслить и быть»). Мы называем эту формулировку «энергийной», потому что в ней энергия отождествляется с энергией: бытие (τὸ εἶναι) с мышлением (νοεῖν). С незначительными вариациями она повторяется в I 4,

10, 6, III 8, 8, 8, V 6, 6, 21-23, VI 7, 41, 17-19. В «онтической» формулировке акцент переносится на субъект действия: тождество энергий означает и тождество субъектов, которым эти энергии принадлежат. Субъектом бытия выступает истинно сущее, поскольку оно подлинно *существует*, т. е. поскольку в нем ничто не отстоит от бытия (III 6, 6: ἓστι γὰρ τὸ ἓν... ἓν τὸ ἓν... οὐ μὴδ' ἐστὶν ἄλλο εἶναι). Субъектом же мышления является ум: уму необходимо пребывать в мышлении, говорит Плотин (VI 9, 2: τὸ νοεῖν ἓν ἐστὶν τὸ νοεῖν). Таким образом, в «онтической» формулировке отождествляются ум и сущее. Было бы затруднительно перечислить все случаи такого отождествления у Плотина. Укажем прежде всего на два места, где обе формулировки соседствуют. Это, во-первых, V 1, 8, 14-16: здесь, перед тем как процитировать Парменида, Плотин говорит, что он, Парменид, раньше других «отождествлял (εἶναι καὶ νοεῖν) сущее и ум». Во-вторых, это V 6, 6, 21-23, где говорится, что сущее есть сразу и ум, а ум — сразу и сущее, и мышление тождественно (ἓν) с бытием. Из других мест отметим V 3, 5, 26-28, V 4, 2, 43-44, V 9, 8, 16-17 и, наконец, V 1, 4, 31-32 — в качестве оправдания того, почему формулировку, о которой идет речь, мы называем «онтической» (оба *сущих*, δύο ἓντα, здесь, как сказано, одно: ум и сущее вместе, мыслящее и мыслимое, νοεῖν καὶ ἓν καὶ νοοῦσα καὶ νοοῦμενον).

Итак, что же мы имеем? Во-первых: единое есть некое невыразимое, абсолютно простое самоотношение — как бы ни называть его. И кроме этого самоотношения в действительности нет ничего. Во-вторых: привходящим образом это самоотношение может предстать как отношение иного к иному, полагающее «единое» вместе с его иным — «многим» — в их тождестве и различии, движении (взаимном пе-

реходе) и покое. Со стороны единого это отношение выступает как бытие (единое дает бытие иному), со стороны иного — как мышление (единое пребывает мыслимым). Возможность взаимоотношения единого и иного, будучи акцидентальной и сама по себе, и тем более в своих реализациях, нисколько не нарушает самости единого, как не нарушается смысл слова от того, что оно может существовать в том или ином материальном облике. Заметим в скобках: иное как таковое (или, по терминологии Аристотеля, первая материя, $\text{O } \rho\acute{\rho}\theta\text{h } \text{?h}$) так же, со своей стороны, не затрагивается тем, что хоть в каком-то виде может быть действительным (ср. Ш 6, 9, 41-44). В-третьих: полагающее отношение конституирует на одном полюсе свой объект, на другом — соответствующий ему субъект. В этом смысле творческие потенции принадлежат у Плотина именно отношениям. Если первое отношение трактуется как мышление, то объектом его выступает единое сущее, а субъектом — чистый ум. И наоборот: будучи отношением единого к иному, оно понимается нами как бытие, субъект которого — сущее — подлежит «объекту» — уму. Отличие бытия от мышления, сущего от ума имеет лишь категориальный статус и привносится в ум последующим. Ведь именно по отношению к последующему ум актуален, и то, что не различено в нем потенциально, т. е. покуда он — лишь возможность при едином, актуально различается в нем при участии разумной души. («Содержащееся во втором было различено разумом ($\text{ti } \text{I}3\text{g}0$), — читаем в V 3, 15. — Ибо второе — уже энергия, предыдущее же — потенция всего». А разум ($\text{I}3\text{g}0\sim$) и энергия в уме принадлежат уже не столько ему самому, сколько душе. Душа, говорит Плотин в V 1, 3, «есть слово ($\text{I}3\text{g}0\sim$) ума и вся [что ни есть] деятельность»). Поскольку, однако, единое и его иное полагаются в тожде-

стве, как абсолютно не дифференцированные в себе, то и взаимоотношение их оказывается отношением тождественного к тождественному: сущего к сущему, или, что то же самое, ума к уму. Сущее и ум, бытие и мышление, таким образом, отождествляются. Изначальное самоотношение становится самоотношением сущего, самоотношением ума. И это — в-четвертых.

Мы подметили, таким образом, тенденцию к гипостазированию отношений у Плотина: ипостаси в иерархии сущего конституируются у него в отношении к предшествующему и, более того, суть не что иное, как сами эти отношения. В свой черед и сами эти отношения — не что иное, как привходящие моменты inauguralного самоотношения, абсолютно простого и не выразимого никаким именем, кроме которого в действительности нет ничего. Однако у Плотина указанная тенденция не получила еще устойчивого терминологического выражения. В греческом языке нет самостоятельного имени существительного со значением «отношения». Аристотелевская категория отношения, которую иногда использует Плотин, — это, можно сказать, субстантивированный предлог $\rho\acute{\rho}3\sim$: $\text{t}4 \rho\acute{\rho}3\sim \text{t}i$. Эта аристотелевская категория еще не используется Плотинем, да и не может использоваться в том смысле, какой был усвоен ей в Средние века в связи с тринитарной проблемой. Она пока что не имеет у него столь фундаментального значения, какое имеет категория сущности, $\text{o}\delta\text{s}\text{j}\alpha$, и не может быть приравнена к ней. Тем не менее, как мы видели, второе у Плотина (ум) конституируется лишь в отношении к первому (единому или благу): $\text{b}\rho\epsilon\text{I } \text{o}'\text{n } \text{?s}\text{th } \rho\acute{\rho}4\sim \text{a}\delta\text{t}3$, $\text{o}\text{n}\alpha \text{ o}\delta\text{U}$, $\text{!m}\text{o}\$ \text{ n}\text{o}\$ \sim \text{g}\text{i}\text{g}\text{n}\text{e}\text{t}\alpha\text{i } \text{k}\alpha\text{J } \text{?n}$ («когда оно стало в отношении к нему, чтобы узреть его, оно сделалось тем самым и умом, и сущим» — V 2, 1). Хотя сказать определенно, имеет ли предлог $\rho\acute{\rho}3\sim$ — здесь и в других по-

добных случаях — категориальный статус, мы не можем: по смыслу речь здесь идет, конечно, об отношении, но это не аристотелевская категория «отношения», которой у Плотина нет места среди высших родов сущего. Реляционизм Плотина имеет *латентный* характер.

Список литературы

1. Plotini Opera /ed. P. Henry and H. R. Schwyzer, 3 vols. Leiden: Brill, 1951-1973.
2. Plotini Opera Omnia cum Marsilii Ficini Commentariis /ed. F. Creuzer and G. H. Moser. Oxford, 1835. Vol. 2.

TO INTERPRET PLOTINUS: FROM A FRAGMENT TO THE WHOLE

A.A. Tyutyunnikov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

This article presents a kind of exegesis concentrating on a passage from the Enneads. The reasoning undertaken here supports the hypothesis of ontological priority of relations in Plotinus' philosophical system. The hypostases in the hierarchy of beings are considered as constituted by those relations — above all by an absolutely simple self-relation of the One — and therefore are regarded, as such, as having only a secondary status.

Key words: Plotinus, neoplatonism, noology, relation, potentiality, actuality, emanation.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

**ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ
ПСИХОЛОГОМ*****С.Ю. Жданова***

Пермский государственный университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: Svitlana@perm.raid.ru

Представлены результаты исследования познания индивидуальности человека студентами-психологами. Установлено, что для них, в отличие от студентов не психологов, характерным является развернутое описание себя и индивидуальности других людей; в частности, они в большей мере ориентированы на характеристику индивидуальных особенностей человека, подробно описывают пол, возраст, рост. Среди психологических качеств чаще всего называют качества, наиболее значимые для общения, деятельности. У студентов-психологов достаточно высокие показатели социального приятия, социального интеллекта, для них свойственны направленность на задачу, взаимодействие, умение ладить с людьми, взаимодействовать в коллективе.

Ключевые слова: познание, индивидуальность, субъект и объект познания, студенты-психологи.

Обучение и воспитание в любой образовательной системе начинается с познания человека и его индивидуальных особенностей. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о познании индивидуальности студентами-психологами.

Интерес к изучению данного вопроса обосновывается тем, что психолог выступает в качестве человека, у которого исследуемый феномен представлен наиболее отчетливо. С одной стороны, психолог является носителем собственной индивидуальности, с другой — индивидуальность другого человека выступает для психолога в качестве объекта профессиональной деятельности.

В настоящее время достаточно большое количество работ посвящено профессии психолога. Имеющиеся исследования затрагивают в основном вопросы, связанные с содержанием деятельности психолога, характеристикой ее объекта, предмета, целей, средств, условий осуществления [2; 3; 4; 5; 8]. Кроме того, часть работ посвящена изучению личностных особенностей психолога. Ученые отмечают, что специфика деятельности психолога такова, что ему недостаточно владеть психологическими знаниями, методиками, техниками, особые требования предъявляются также к его личности [1; 2; 3; 5; 8; 9]. К числу наиболее обсуждаемых вопросов, связанных с изучением личности

психолога, можно отнести изучение мотивационной сферы психолога и его индивидуальных особенностей. Ряд авторов отмечает, что наиболее значимыми мотивами, обусловившими выбор студентами специальности психологии, являются: желание помогать людям, стремление лучше узнать, понять себя, интерес к предмету психологии в целом [1; 2; 5; 9]. Наличие данных мотивов выбора профессии психолога авторы объясняют отсутствием у студентов ясного образа себя, представлений о своем профессиональном предназначении, о характере, содержании деятельности психолога, «мифологизированным представлением о психологии и психологах, существующим в обществе» [1; 5].

Обращение к психологии как средству решения собственных и чужих проблем отражает стереотипы массового сознания, в соответствии с которыми психология рассматривается как средство воздействия на себя и других людей и тем самым лишается самоценности в качестве самостоятельного предмета познания [2].

Изучая особенности личностной сферы психолога, исследователи большое внимание уделяют сформированности у психологов чувства идентичности и образа Я. Так, например, Т.М. Буякас считает, что большинство проблем, с которыми сталкиваются студенты, связано с недостаточно сформированным у студентов чувством идентичности и образом Я. По мнению Т.М. Буякас, образ Я студентов-психологов является «застывшим», ригидным либо вообще несформированным [1. С. 60-61].

Имеется ряд исследований, посвященных изучению личностных особенностей психолога. Авторы этих работ делают акцент на вопросах, касающихся индивидуальных особенностей психолога, обсуждении того, какими свойствами личности должен обладать психолог как субъект профессиональной деятельности. Так,

Н.Н. Зотова и О.Н. Родина считают, что в качестве наиболее важных психологических особенностей личности психолога, обуславливающих успешность его профессиональной деятельности, следует рассматривать: эмоционально-личностные особенности (мотивация, уровень субъективного контроля, качества, обуславливающие взаимодействие человека с другими людьми, эмоциональная устойчивость), интеллект, а также умение организовать свою деятельность [3]. В исследовании А.И. Донцова и Г.М. Белокрыловой отмечается, что в качестве главного качества личности психолога для большинства респондентов выступает коммуникативная компетентность [2]. Авторы указывают, что «облик психолога в глазах самих психологов полностью соответствует обыденным представлениям о нем», существующим в обществе, и отражает стереотипы массового сознания, в соответствии с которыми наиболее важными качествами психолога выступают: «умение устанавливать и поддерживать контакты с людьми, способность добиваться поставленной цели, эмоциональная стабильность» [2. С. 44].

Таким образом, можно говорить о том, что в контексте проблем профессиональной деятельности психолога достаточно активно обсуждаются вопросы, связанные с характеристикой содержания деятельности психолога, изучением его личностных особенностей. Однако практически не изученным остается вопрос, связанный со спецификой отображения и познания психологом явлений собственного внутреннего мира, в частности, особенностей познания психологом собственной индивидуальности и индивидуальности других людей.

С целью изучения особенностей познания индивидуальности студентами-психологами в

2002-2003 гг. нами было проведено собственное эмпирическое исследование.

Исследование осуществлялось на выборке студентов 1-х, 3-х, 5-х курсов философско-социологического факультета отделения «Психология» и студентов физического факультета Пермского государственного университета. Выборки были уравновешены по полу, возрасту, общее количество обследованных составило 300 чел.

С целью изучения представлений студентов о собственной индивидуальности и индивидуальности других людей были использованы: метод незаконченных предложений, метод свободного описания (M. Lalljee, R. Angelova [10]), метод рисунка. В соответствии с методикой «незаконченных предложений» респондентов просили продолжить фразы: «индивидуальность –это...»; «личность –это...», «человек – это...», «индивид –это...», «субъект –это...». В соответствии с методом свободного описания (M. Lalljee, R. Angelova, 1995) респондентов просили описать человека, знакомого им менее года; человека, знакомого более шести лет, и описать себя. При этом подчеркивалось, что описываемый человек должен быть того же возраста и пола, что и обследуемый. В процессе использования графического метода респондентов просили нарисовать сначала индивидуальность, а потом себя.

Кроме того, в процессе исследования изучались индивидуальные особенности студентов, в частности, свойства нейродинамического, психодинамического, личностного и социально-психологического уровней индивидуальности. Для изучения данных свойств были использованы: методика Я. Стреляу, опросник формально-динамических свойств В.М. Русалова, опросник Г. Айзенка, методика Кеттелла, методика изучения коммуникативных и орга-

низаторских склонностей, методика изучения уровня субъективного контроля Д. Роттера, методика изучения направленности личности М.Кучера и В. Смекало, методика Т. Лири, дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е.А. Климова, методика изучения самоотношения В.В. Столина. Характеристики интеллектуальной сферы студентов оценивались с помощью методики КОТ, предназначенной для изучения общих структур интеллекта, и теста структуры интеллекта Амтхауэра. Для выявления особенностей социального интеллекта использовалась методика Дж. Гилфорда и М. Салливена [6].

Обработка полученных данных осуществлялась методом контент-анализа. Процедура контент-анализа в настоящее время является весьма распространенной и достаточно широко используется в современных психологических исследованиях, посвященных анализу документов и содержания вербальных и невербальных текстов (Н.Н. Богомолова, Н.Г. Стефаненко, 1992; В.Ю. Хотинец, 2001; А.Ю. Бергфельд, 2002; О.И. Кильченко, 2001, 2002; Е.В. Фирулева, 2002; М.С. Шевелева, 2002; Н.А. Шиленкова, 2003; Л.В. Ширинкина, 2004). В нашем исследовании анализ текстов респондентов проводился на основе системы обработки данных по Shweder, Bourne, (1982), вместе с тем были использованы и дополнительные критерии анализа. С целью подтверждения обоснованности выделенных категорий была использована процедура экспертной оценки. Группа экспертов включала 5 чел. из числа преподавателей, имеющих высшее психологическое образование, ученую степень кандидата психологических наук. Все эксперты по роду научной деятельности связаны с работой с текстом и достаточно активно использовали процедуру контент-анализа в своих исследованиях.

Экспертам был предъявлен ряд высказываний, отобранных случайным образом, а также категории анализа, соответствующие данным высказываниям. Каждая позиция оценивалась экспертами по принципу *согласен — не согласен*. Категории контент-анализа были выделены в соответствии с целостным представлением об индивидуальности, рассмотрением категории индивидуальности в широком смысле, понимаемой как динамическая система, выражающая особый характер взаимосвязей между всеми индивидуальными свойствами человека (В.С. Мерлин, 1986; Б.А. Вяткин, 2000). В качестве наиболее значимых смысловых единиц анализа текстов были выделены следующие категории: физические качества (пол, возраст, особенности внешности); психологические особенности, в том числе: особенности познавательной сферы, темперамента, личности, способности, особенности мотивационной сферы; особенности общения, деятельности; принятие себя и других, эмоциональное отвержение. Во внимание также принимался индекс эгоизма (количество в тексте личных местоимений), социальные роли и ссылка на других людей. В качестве количественных показателей рассматривались: общее количество слов в тексте, количество слов в предложении, число автокоррекций (зачеркивание, исправление). В результате экспертной оценки был выявлен достаточно высокий уровень согласия — общий процент совпадений составил 97,06.

В процессе исследования применялись методы статистической обработки данных, в частности ф-критерий Фишера, кластерный и корреляционный анализы.

В целом полученный в ходе исследования материал позволяет говорить о наличии некоторых общих особенностей в познании студентами себя и индивидуальности других людей.

Данные особенности проявляются в том, что описания других людей являются краткими, схематичными, касаются в основном физических качеств и свойств личности, значимых для общения. Например, при восприятии незнакомого человека для респондентов наиболее значимы физические качества (рост, цвет глаз, волос, прическа), а также те свойства личности, которые считываются при первом знакомстве («доброжелательность», «приветливость»). При описании человека, знакомого более 6 лет, более значимыми являются психологические качества, в частности свойства личности, значимые для общения, деятельности.

Описания себя, напротив, являются крайне подробными и дифференцированными, касаются в большей мере психологической сферы. Наиболее важными для респондентов при описании себя выступают особенности темперамента, характера, свойства личности, значимые для общения, деятельности, особенности познавательной сферы, интересы, ценности, особенности самосознания и самоопределения, отношение к себе и другим людям.

Вместе с тем можно говорить о существенных различиях в особенностях познания индивидуальности в зависимости от специфики обучения и профессиональной направленности личности. Результаты исследования представлены в табл. № 1, 2, 3.

Как показывает материал, наиболее значимые различия наблюдаются по показателю общего количества слов в тексте, количеству слов в предложении, количеству физических, психологических качеств, показателю эгоизма, социальных ролей, ссылок на других людей, показателю эмоционального принятия и эмоционального отвержения, числу автокоррекций.

Интерпретация полученных данных позволяет говорить о том, что для студентов-

психологов характерны большие по объему тексты описаний себя и других людей; они используют большее количество слов в предложении, чаще вводят в оборот сложные предложения, активно используют сложноподчиненные союзы. Студенты-психологи значительно чаще при описании человека прибегают к характеристике физических качеств, среди которых называют пол, возраст описываемого человека, а также рост, цвет глаз, цвет волос. Данный факт согласуется с результатами исследования, полученными Н.А. Шеленковой (2003), и данными, представленными в исследовании Т.А. Ялуниной (2004).

По сравнению со студентами-физиками студенты-психологи в меньшей степени описывают психологические качества личности, особенно у малознамого человека, при этом акцентируют внимание на физических качествах, а также качествах личности, значимых для ситуации общения и деятельности.

Студенты-психологи отличаются высоким показателем эгоизма, что можно интерпретировать как выбор студентами специальности психология как способ решения собственных проблем. Полученные результаты исследования согласуются с данными, представленными в литературе. В частности, на эту особенность мотивационного выбора профессии психолога указывают А.И. Донцов, Г.М. Белокрылова (1999), Т.М. Бужас (2000), Г.Ю. Любимова (2000).

Психологи по сравнению со студентами-физиками, отличаются большим социальным принятием, о чем можно судить по количеству

положительных и отрицательных качеств, выделяемых у себя и при описании индивидуальности других людей; они чаще делают ссылку на других людей, чаще используют психологическую терминологию.

Тексты студентов-физиков более кратки; они склонны не к описанию, а перечислению называемых качеств. Среди качеств, выделяемых в себе и в другом человеке, акцент делают на психологические особенности, при характеристике физической сферы отмечают особенности физического развития человека, оценивают общее состояние здоровья, например, «физически хорошо развит», «состояние здоровья хорошее». Категория «социальные роли» студентами-физиками практически не используется, что можно интерпретировать как профессиональную неопределенность и неясное осознание своего места в будущем. Для студентов-физиков в большей мере характерно число автокоррекций, особенно при описании человека, знакомого более 6 лет, и себя, что можно объяснить стремлением более точно описать себя и близкого человека.

Анализ рисунков индивидуальности свидетельствует о том, что она в обеих выборках связывается респондентами с человеком, изображается на фоне других людей, характеризуется использованием всей цветовой гаммы, особенно светлых тонов.

Таблица 1. Значимые различия текстовых описаний человека, знакомого менее года, в группе студентов-психологов и студентов-физиков по критерию Фишера

Критерий	Среднее значение в группе		Ф-критерий	Уровень значимости
	Студенты-психологи	Студенты-физики		
Общее количество слов в тексте	48,65	25,58	5,88	P<0,0001
Общее количество слов в предложении	9,23	7,37	1,64	P<0,05

ПСИХОЛОГИЯ

Физические качества	8,78	1,64	6,78	P<0,0001
Социальные роли	0,73	0,21	2,94	P<0,0001
Психологические качества	4,70	4,76	4,28	P<0,0001
Показатель эгоизма	2,27	0,49	8,55	P<0,0001
Принятие себя и других	7,11	2,72	8,38	P<0,0001
Эмоциональное отвержение	2,70	0,70	8,45	P<0,0001
Число автокоррекции	0,92	1,50	1,70	P<0,0001
Ссылка на других людей	1,84	0,33	6,06	P<0,0001

Таблица 2. Значимые различия текстовых описаний человека, знакомого более шести, лет в группе студентов-психологов и студентов-физиков по критерию Фишера

Критерий	Среднее значение в группе		Ф-критерий	Уровень значимости
	Студенты-психологи	Студенты-физики		
Общее количество слов в тексте	62,71	26,03	7,43	P<0,0001
Физические качества	5,56	2,14	2,94	P<0,0001
Показатель эгоизма	3,08	0,89	5,21	P<0,0001
Принятие себя и других	7,59	3,96	4,86	P<0,0001
Эмоциональное отвержение	3,16	0,87	6,92	P<0,0001
Число автокоррекции	0,94	1,96	4,28	P<0,0001
Ссылка на других людей	2,06	0,34	3,62	P<0,0001

Таблица 3. Значимые различия текстовых описаний себя в группе студентов-психологов и студентов-физиков по критерию Фишера

Критерий	Среднее значение в группе		Ф-критерий	Уровень значимости
	Студенты-психологи	Студенты-физики		
Общее количество слов в тексте	72, 70	36,11	3,95	P<0,0001
Общее количество слов в предложении	7,82	7,97	1,64	P< 0,05
Физические качества	5,19	2,03	2,37	P<0,0001
Социальные роли	0,35	0,3	2,54	P<0,0001
Психологические качества	5,19	8,36	1,74	P< 0,05
Показатель эгоизма	8,70	2,49	6,28	P<0,0001
Принятие себя и других	4,76	2,36	2,29	P<0,0001
Эмоциональное отвержение	3,49	1,88	4,05	P<0,0001
Число автокоррекции	1,52	2,47	1,66	P< 0,05
Ссылка на других людей	4,60	2,39	2,37	P<0,0001

Сравнительный анализ данных показывает, что студенты-психологи при изображении индивидуальности человека значительно чаще используют всю цветовую гамму, при этом предпочтение при изображении индивидуальности отдают светлым тонам. По сравнению со студентами физиками студенты-психологи чаще в качестве индивидуальности изображают растения ($\phi=3,21$; $p<0,0001$). Данный факт можно объяснить как некоторый уход и знакомство с проективными методиками исследования.

Изображения себя отличаются от рисунков индивидуальности. При изображении себя для обеих выборок в целом характерно использование ограниченного количества цветов, преимущественно это красный, коричневый, черный; наряду с человеком присутствуют изображения геометрических фигур, абстракций, предметов.

Анализ имеющихся различий свидетельствует о том, что студенты-физики значительно чаще прибегают к изображению посредством красного ($2,03$; $p<0,004$) и черного цветов ($\phi=1,80$; $p<0,018$). При изображении себя они чаще рисуют человека ($\phi=2,17$; $p<0,001$), чаще изображают различные предметы ($\phi=4,09$; $p<0,0001$), в частности, книги, компьютер. Чаще прибегают к изображению элементов агрессии: присутствует тщательная прорисовка зубов, изображение колющих, режущих предметов, например, ножа ($\phi=6,29$; $p<0,0001$).

Студенты-психологи склонны в большей мере использовать коричневый цвет ($\phi=1,71$; $p<0,026$), чаще изображают узоры ($\phi=2,67$; $p<0,0001$), геометрические фигуры ($9,46$; $p<0,0001$), абстракции ($3,87$; $p<0,0001$), рисуют растения ($\phi=5,40$; $p<0,0001$). Данный факт можно также интерпретировать как неко-

торый уход и знание проективных методик исследования.

В процессе исследования были выявлены также определенные различия в индивидуальных особенностях студентов. Наиболее значимые отличия были выделены по показателям общего, социального интеллекта, направленности личности, свойствам личностного и социально-психологического уровня индивидуальности. Полученный материал позволяет говорить о том, что студентов-психологов характеризуют более высокие показатели экстраверсии ($\phi=2,72$; $p<0,001$), социальной эргичности ($\phi=2,70$; $p<0,0001$), предметной и социальной пластичности ($\phi=2,98$; $p<0,0001$; $\phi=2,55$; $p<0,0001$), психического ($\phi=3,48$; $p<0,0001$) и социального темпа ($\phi=2,34$; $p<0,001$), социальной эмоциональности ($\phi=1,78$; $p<0,019$). Для студентов-психологов также характерны более высокие значения по фактору В (методика Кеттелла) ($\phi=1,78$; $p<0,017$), по показателю умение выносить суждение (тест структуры интеллекта Амтхаура) ($\phi=2,85$; $p<0,0001$), показателям социального интеллекта, в частности, способности предвидеть и предсказывать последствия поведения ($\phi=2,47$; $p<0,01$), понимать взаимоотношения людей и значение вербальных реакций человека ($\phi=2,56$; $p<0,01$). Для студентов-психологов наряду с направленностью на себя и на задачу, в отличие от студентов-физиков свойственны также направленность на взаимодействие ($\phi=3,56$; $p<0,0001$), умение ладить с людьми, взаимодействовать в коллективе ($\phi=4,63$; $p<0,0001$); у них более высокие показатели тревожности ($\phi=2,87$; $p<0,0001$). В отличие от студентов-физиков, студенты-психологи отдают предпочтение профессиям типа «человек — человек» ($\phi=3,39$; $p<0,0001$), «человек — художественный образ» ($\phi=6,88$; $p<0,0001$);

они склонны к подчинению ($\phi=2,25$; $p<0,0001$), более зависимы ($\phi=5,03$; $p<0,0001$) и альтруистичны ($\phi=2,67$; $p<0,0001$).

Студентов-физиков в большей мере характеризуют предметная эргичность ($\phi=2,56$; $p<0,0001$), эмоциональная устойчивость (фактор С) ($\phi=1,72$; $p<0,025$), зависимость от чужого мнения, предпочтение принятия решений вместе с другими людьми, ориентация на социальное одобрение (фактор Q2) ($\phi=1,63$; $p<0,045$), точность в выполнении социальных требований, высокий самоконтроль (Q3) ($\phi=1,66$; $p<0,039$), более высокие показатели по шкале самооценности ($\phi=1,65$; $p<0,046$) и самопривязанность ($\phi=2,05$; $p<0,004$), предпочтение профессий типа «человек — техника» ($\phi=4,57$; $p<0,0001$).

Результаты корреляционного анализа позволяют констатировать наличие взаимосвязи особенностей познания индивидуальности с индивидуальными особенностями студентов. Наибольшее количество взаимосвязей наблюдается с показателями интеллекта и свойствами личности. При этом количество взаимосвязей между характеристиками познания индивидуальности и индивидуальными особенностями студентов значительно возрастает, когда респонденты описывают себя и близких людей.

Анализ взаимосвязей в зависимости от специфики обучения свидетельствует о том, что у студентов-психологов наблюдаются более выраженные взаимосвязи особенностей познания индивидуальности с показателями общего интеллекта, в частности с фактором В по Кетеллу ($r=0,45$; $p<0,0001$), с показателем индуктивного мышления ($r=0,34$; $p<0,0001$), способностью к оперированию вербальными понятиями, способностью выносить суждение ($r=0,32$; $p<0,01$) (показатели по методике Амтхауэра); с показа-

телями социального интеллекта — способностью предвидеть последствия поведения ($r=0,32$; $p<0,01$), способностью к логическому обобщению и выделению существенных признаков в невербальном поведении ($r=0,46$; $p<0,01$), способностью понимать вербальные значения реакций человека и взаимоотношения людей ($r=0,42$; $p<0,01$). Выраженные взаимосвязи особенностей познания имеются также со свойствами личностного и социально-психологического уровня интегральной индивидуальности, в частности с показателями: эмоциональная устойчивость (фактор М) ($r=-0,48$; $p<0,001$), тревожность — спокойствие (фактор О) ($r=0,38$; $p<0,001$), напряженность — релаксация (фактор Q4) ($r=0,47$; $p<0,01$), показателем коммуникативных склонностей ($r=0,49$; $p<0,001$), интернальным локусом контроля ($r=0,37$; $p<0,001$), шкалой самооценности ($r=0,40$; $p<0,01$), отраженным самоотношением ($r=-0,47$; $p<0,001$), самоуверенностью ($r=-0,56$; $p<0,0001$), дружелюбием ($r=-0,37$; $p<0,01$), зависимостью ($r=0,44$; $p<0,001$), направленностью «человек — человек» ($r=0,44$; $p<0,001$), «человек — художественный образ» ($r=0,37$; $p<0,01$).

Для студентов-физиков наиболее выраженные взаимосвязи особенностей познания индивидуальности характерны с показателями общего интеллекта ($r=0,43$; $p<0,01$), со способностью к оперированию вербальными понятиями, способностью выносить суждение ($r=0,46$; $p<0,001$); с показателями социального интеллекта: способность к логическому обобщению ($r=0,52$; $p<0,001$), способность понимать вербальное значение реакций человека и взаимоотношения людей ($r=0,48$; $p<0,001$), способность понимать логику развития ситуации взаимодействия ($r=0,46$; $p<0,001$). Относительно свойств личности и характеристик социаль-

но-психологического уровня индивидуальности наиболее выраженные взаимосвязи наблюдаются с показателями: общительность — замкнутость (фактор А) ($r=-39$; $p<0,01$), выраженная сила «Я» — беспринципность (фактор G) ($r=0,47$; $p<0,001$), подозрительность — доверчивость (фактор L) ($r=43$; $p<0,01$), радикализм — консерватизм (фактор Q1) ($r=-47$; $p<0,0001$), высокий — низкий самоконтроль (фактор Q3) ($r=-40$; $p<0,001$), направленность на задачу ($r=0,46$; $p<0,001$), организационные склонности ($r=0,33$; $p<0,01$), со шкалой подчинения ($r=0,38$; $p<0,001$), подозрительности ($r=-0,43$; $p<0,01$), авторитаризма ($r=-46$; $p<0,001$), отраженного самоотношения ($r=-0,42$; $p<0,001$), самоценности ($r=47$; $p<0,001$).

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии взаимосвязи особенностей познания индивидуальности с индивидуальными особенностями студентов. Более выраженный характер данных взаимосвязей у студентов-физиков позволяет утверждать, что особенности познания индивидуальности студентов-физиков в большей мере зависят от индивидуальных особенностей познающего субъекта. Недостаточно выраженный характер данных взаимосвязей у студентов-психологов можно объяснить спецификой их профессиональной деятельности, которая предполагает обращение к психологическому знанию, требует безоценочного, отстраненного, объективного восприятия ситуации.

Что касается студентов-физиков, то более выраженный характер взаимосвязей между особенностями познания индивидуальности и индивидуальными особенностями познающего субъекта, можно объяснить у них обращением к личному опыту, опыту собственных переживаний.

1. Существует определенная специфика познания студентами-психологами собственной индивидуальности и индивидуальности других людей. Она проявляется в том, что студенты-психологи, по сравнению со студентами-физиками, предлагают более развернутые текстовые описания, при этом используют большее количество слов в предложении, в процессе познания индивидуальности значительно чаще прибегают к характеристике физических качеств, среди которых чаще всего называют возраст, пол, рост, цвет глаз, цвет волос. Среди психологических качеств личности студенты-психологи в основном выделяют качества личности, значимые для общения и деятельности; они отличаются более высокими показателями социального приятия, чаще делают ссылку на других людей, активнее используют психологическую терминологию.

Студенты-физики, по сравнению со студентами-психологами, в процессе познания себя и индивидуальности других людей отличаются менее объемными текстами, склонны к перечислению называемых качеств. Среди качеств, выделяемых в себе и другом человеке, в большей мере уделяют внимание психологическим особенностям. При характеристике психологической сферы чаще всего описывают особенности интеллектуальной сферы, интересы, ценности, достаточно активно используют автокоррекции, особенно при описании себя и близких людей.

2. Анализ индивидуальных особенностей студентов-психологов свидетельствует о том, что их отличают более высокие показатели экстраверсии, социальной эргичности, социальной пластичности, психического и социального темпа, социальной эмоциональности; более вы-

сокие значения по фактору В (методика Кеттелла), показателю умение выносить суждение (тест структуры интеллекта Амтхаура), показателям социального интеллекта, в частности, способности предвидеть и предсказывать последствия поведения, понимать взаимоотношения людей, и значению вербальных реакций человека. Студентов-психологов наряду с направленностью на себя и на задачу характеризует также направленность на взаимодействие, умение ладить с людьми, взаимодействовать в коллективе; им свойственно дружелюбие, альтруизм, предпочтение профессий типа «человек — человек, «человек — художественный образ».

Анализ индивидуальных особенностей студентов-физиков показал, что их в большей мере отличает предметная эргичность, эмоциональная устойчивость, зависимость от чужого мнения, предпочтение принятия решений вместе с другими людьми, ориентация на социальное одобрение; точность в выполнении социальных требований, высокий самоконтроль; более высокие показатели по шкале самооценности, самопривязанности, предпочтение профессий типа «человек — техника».

3. Анализ корреляционных связей свидетельствует том, что особенности познания связаны с индивидуальными особенностями познающего субъекта. Выраженный характер взаимосвязей особенностей познания индивидуальности с характеристиками разноуровневых свойств индивидуальности в группе студентов-физиков позволяет говорить о том, что особенности познания индивидуальности у студентов-психологов в меньшей степени обусловлены индивидуальными особенностями познающего субъекта и наиболее отчетливо проявляются лишь тогда, когда речь идет о по-

знании собственной индивидуальности и индивидуальности близкого человека.

В целом, полученный материал позволяет констатировать наличие специфики познания индивидуальности студентами-психологами. Возможно предположить, что данная специфика обусловлена особенностями учебной деятельности студентов.

Список литературы

1. Буюкас Т.М. О проблемах становления чувства самоидентичности у студентов-психологов // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 2000. № 1. С. 56-63.
2. Донцов А.И., Белокрылова Г.М. Профессиональные представления студентов-психологов // Вопр. психол. 1999. № 2. С. 42-49.
3. Зотова Н.Н., Родина О.Н. Исследование профессионального становления студентов-психологов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2003. № 3. С.69-78
4. Каверина Р.Д. Опыт психологической классификации некоторых профессий в целях профконсультации // Вопр. Психол. 1978. № 4. С. 65-71.
5. Любимова Г.Ю. От первокурсника до выпускника: проблемы профессионального и личностного самоопределения студентов-психологов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2000. № 1. С. 48-55.
6. Михайлова (Алешина) Е.С. Методика исследования социального интеллекта Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена. СПб., 1996.
7. Овчинникова Ю.Г. К проблеме кризиса идентичности // Вестник Моск ун-та. Сер. 14. Психология. 2000. № 2. С. 84-89.
8. Родина О.Н., Прудков П.Н. Предпосылки успеха в труде психолога // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. 2000. № 4. С. 55-64.
9. Серавин А.И., Фирсова И.А. Сравнительное исследование студентов первых курсов СПбГУ // Психология XXI века: тез. Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. студ. и асп. 12-14 апреля 2001 г. /под ред. А.А. Крылова. СПб., 2001 С.78-79.
10. Lalljee M., Angelova R. Person description in India, Britain, And Bulgaria// Journal of cross-cultural psychology. Western Washington University. 1995. Vol. 26 No. 6 (November). P. 645-557.

FEATURES OF THE COGNITION OF INDIVIDUAL BY PSYCHOLOGIST

S.U. Zhdanova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article presents the results of the study of knowledge of human individuality by psychology students. It was found that for them, unlike the students are not typical of psychologists is a detailed description of yourself and individuality of other people: they are more focused on the characteristic features of an individual person, describe in detail the sex, age, growth. Among the psychological qualities often referred to as the quality most important for communication activities. For students of psychology is characterized by fairly high levels of social acceptance, social intelligence, focus on the task, interaction, ability to get along with people, interact in a team.

Keywords: cognition, individuality, subject and object of cognition, psychology students.

УДК 159.922

УЧЕБНАЯ УСПЕВАЕМОСТЬ КАК ФАКТОР ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И СКЛОННОСТЕЙ К ТИПУ ПРОФЕССИИ

Е.В. Дудорова

Пермский государственный университет, 614990, ул. Букирева, 15
e-mail: dudorova2002@mail.ru

Комплексно исследуются вопросы отношения учебной успеваемости, знаний в области культуры (культурных потенциалов личности) и профессиональных склонностей. Учебная успеваемость измерялась по итоговым оценкам в период весенней сессии, культурные потенциалы — посредством анкеты «Ваша жизнь и культура», профессиональные склонности — «Дифференциально-диагностическим опросником». По итогам корреляционного анализа обнаружено, что с ростом учебной успеваемости культурные потенциалы (в областях познания и литературы) и склонность к типу профессии «человек — художественный образ» возрастали, а склонность к типу профессии «человек — техника» — снижалась. Итоги путевого анализа показали, что учебная успеваемость может служить фактором роста потенциала в области познания и склонности к типу профессии «человек — художественный образ».

Ключевые слова: учебная успеваемость; культурные потенциалы; склонности к типу профессии.

1. Теоретические и эмпирические предпосылки

Концепция культурных потенциалов

В.М. Петровым [9] разработана концепция культурных потенциалов личности, которая направлена на изучение знаний людей в области культуры. В зависимости от глубины этих знаний (когнитивной компетентности) специальным образом вычисляются индексы культурного потенциала, и по ним судят об уровне культурного развития личности. Отправной точкой этого подхода является не собственно эмпирическая действительность (конкретные знания людей в тех или иных областях культуры), а ее концептуальная модель. В этом подходе используются процедуры измерения взаимосвязей индикаторов знаний людей (индикаторов

культурного потенциала), а не измерения каждого индикатора в отдельности, что позволяет выйти за пределы фиксации знаний респондентов в область «скрытых переменных», обуславливающих эти знания. При этом латентные переменные (в виде определенных структур) не только постулируются, но и подвергаются измерению, характеризуя культурный потенциал личности. Культурный потенциал «предсказывает» культурное развитие личности. Для этого индикаторы знания (например, знание писателей, в произведениях которых встречаются персонажи «Ассоль», «Павел Власов», «Макар Девушкин», «Ольга Ильинская» и т.д.) в тех или иных областях культуры ранжируются по степени трудности ассимиляции их личностью. Определяется порог трудности (т.н. точка пере-

гиба), после которого в знаниях респондента обнаруживаются ошибки, и соответственно намечается область потенциальных знаний данного респондента.

По ряду точек в координатах «логарифм вероятности освоения знаний» – «логарифм среднего ранга их трудности» строится линейная аппроксимация профиля знания в виде наклона кривой. Определяется крутизна снижения вероятности освоения знаний по мере возрастания степени их трудности. Коэффициент a , который определяет наклон кривой, был назван «индексом культурной активности» и лег в основу дефиниции культурного потенциала личности. В операциональном плане наклон кривой (линейная модель) есть инвариант по отношению к конкретным знаниям респондентов, которые фиксирует исследователь. Тем самым субъективность вопросов, по которым судят о конкретных знаниях респондентов, элиминируется.

В.М. Петров выделил культурные потенциалы в следующих областях: в социально-нравственной области (убеждения и поведение), в познавательной (политика и наука), в нравственно-познавательной (совокупность социально-нравственного и познавательного потенциалов), в области литературы, академической музыки, в области легкой музыки, в области музыки в целом (совокупность потенциалов в области академической и легкой музыки), в области живописи, художественный потенциал в целом (совокупность потенциалов в области музыки, живописи, театра и кино), духовный потенциал в целом, а также потенциалы в области русского искусства и в области западного искусства – всего 12 культурных потенциалов личности.

Таким образом, концепция В.М. Петрова позволяет определить культурный потенциал личности двояким образом. Во-первых, культурный потенциал выявляет *когнитивный дефицит* личности – ее *некомпетентность* в тех или иных областях культуры и указывает на возможности ее восполнения. Во-вторых, культурный потенциал определяет *когнитивный ресурс* личности – зону возможностей ее культурного роста и развития за счет расширения диапазона *когнитивной компетентности*.

При исследовании структуры культурных потенциалов (знаний в различных областях культуры) средствами эксплораторного факторного анализа было выделено множество относительно независимых факторов [2]. В структуре культурных потенциалов могут быть представлены и «генеральный», и «частные» факторы одновременно. Генеральный фактор образован, судя по уровню обобщенности, художественным и духовным потенциалом. Остальные компоненты (4 фактора) характеризуют частные особенности структуры культурных потенциалов. Обнаружилось, что повышение знаний в одних тематических областях может сопровождаться снижением знаний в других. Например, было выявлено, что по мере роста потенциала по русскому искусству познавательный потенциал снижается. И, наоборот, по мере роста познавательного потенциала потенциал в области русского искусства уменьшается [2]. Следовательно, культурные потенциалы можно понимать и как знания, относящиеся к отдельным областям, и как знания, связанные определенным образом между собой.

Концепция склонности к типу профессии

Профессии, согласно Е.А. Климову [6; 7], можно дифференцировать на пять типов: «человек – природа», «человек – техника», «человек –

человек», «человек – знаковая система» и «человек — художественный образ». Профессии типа «человек – человек» ориентированы на гуманитарное знание. Профессии типа «человек – знаковая система» предполагают востребованность научных представлений о мире, знание языковых систем и систем правил. Профессии типа «человек – художественный образ» ориентированы на знание искусства, хотя представители этой профессии отмечают важность знаний также в области математики, медицины, климатологии, теории экспертных оценок и т. д.

Как отмечает Е.А. Климов [7], тип профессии является одним из факторов, приводящих к дифференциации образа мира, включая образ человека: разные по типу профессии придают образу мира и человека специфический оттенок. Вопрос же о направлении влияния — профессиональной деятельности на формирование образа мира или, напротив, сложившегося образа мира на склонность к определенной профессии или на ее выбор — до сих пор остается открытым. И все же, если человек выбирает профессию или проявляет склонность к ней, неявно это может означать, что человек делает свой выбор в согласии с собственным образом мира. Склонность к типу профессии можно понимать как результат «функционального» развития познавательной деятельности личности [7], в том числе в связи с интересами и предпочтениями личности, культурными потенциалами.

Знание и продуктивность деятельности

Согласно одному из аспектов модели интеллектуального диапазона В.Н. Дружинина [3] уровень индивидуальных достижений зависит не только от соответствия уровня интеллекта сложности деятельности, но и от мотивации и

компетентности личности в соотношении с содержанием определенной деятельности. В настоящее время существует множество свидетельств значимости знаний для успешного исполнения той или иной задачи.

К.А. Эриксон с соавторами [13] полагают, что знание более важно, чем интеллектуальные способности, в предсказании продуктивности исполнения задачи. Й.Е. Хантер [14] исследовал исполнение 14 видов деятельности 3 264 участниками. Было обнаружено, что знания в области исполняемой работы тесно коррелируют с эффективностью исполнения работы и способностями. Способности косвенно влияют на исполнение работы, а знания в этой сфере оказывают прямое влияние.

М.Л. Ри и другие [15] изучали роль общей познавательной способности (фактор G по Спирмену) и знаний в области исполняемой работы у 3428 офицеров ВВС США. Полученные данные свидетельствовали о том, что способности прямо влияли на приобретение знаний в этой сфере и косвенно — через знания — на исполнение работы.

В рамках исследований соотношения знаний и продуктивности деятельности путем сравнения исполнения задачи «новичками» (не обладающими знаниями в данной сфере) и «экспертами» (обладающими специальными знаниями) некоторые авторы утверждают, что компетентность в области профессиональных проблем не связана с коэффициентом интеллекта (IQ). Так, опытные знатоки, независимо от величины своего IQ, могли делать более успешные прогнозы результатов конных скачек, чем новички [11].

Обнаружено также более эффективное выполнение задачи экспертами при воспроизведении процесса игры в шахматы по памяти при

нахождении лучшего решения по ходу игры. Р. Глазер сделал важный вывод о том, что связь между базой знаний и процессом решения задачи носит опосредованный характер. Опосредующими звеньями могут служить способы организации знаний [11].

Однако в литературе можно встретить не только свидетельства связи знаний и успешного исполнения задачи. Существуют также многочисленные примеры обратной связи. Скажем, приобретая навык, человек не всегда может ясно сформулировать свои знания [12].

В литературе можно встретить и такие ситуации, когда высокий уровень вербального знания сопровождается очень неудачным исполнением задачи [16]. Хорошее запоминание фактических деталей также не обязательно улучшает исполнение задачи [12].

Успеваемость можно рассматривать как показатель исполнения учебной задачи, а культурные потенциалы — как знания, связанные по содержанию с областью исполнения учебной задачи. Исходя из результатов применения путевого анализа (в терминах структурных линейных уравнений) нами [5] показано, что культурные потенциалы (в областях познания и литературы) могут статистически влиять на учебную успеваемость. Кроме того, на основании эмпирических данных была предложена идея круговых отношений между интеллектом вербальным и культурными потенциалами (в областях познания и литературы) с одной стороны и учебной успеваемостью — с другой.

По итогам дисперсионного анализа нами [4] было установлено, что познавательный потенциал, потенциалы в области классической музыки и литературы оказывают главные значимые эффекты на академическую успеваемость. Студентки с высоким уровнем познавательного

потенциала показали более высокие знания на экзаменах, чем те, у кого уровень познавательного потенциала был средний или низкий. Такие же результаты были получены по потенциалам в областях классической музыки и литературы.

Учебная успеваемость и профессиональные склонности

В.В. Печенков [10] провел исследование на выборке учащихся, имеющих высокие оценки по естественным дисциплинам (группа «естественников») и низкие — по гуманитарным (группа «гуманитариев»). Было выявлено, что «естественники» имеют высокий невербальный и низкий вербальный интеллект; они характеризуются склонностью к профессии типа «человек — техника». «Гуманитарии», напротив, имеют высокий вербальный и низкий невербальный интеллект; они характеризуются склонностью к профессии типа «человек — художественный образ». Данные В.В. Печенкова можно считать свидетельством существования отношений успеваемости и склонности к типу профессии.

Э.А. Голубева с соавторами [1] обнаружили положительные корреляции между показателями склонностей к типу профессии, по Е.А. Климову, и учебной успеваемостью. Так, склонности к профессиям типа «человек — природа» коррелировали с успешностью овладения такими учебными предметами, как зоология, химия, труд. Показатели склонности к типу профессии «человек — техника» были связаны с лучшей успеваемостью по черчению и особенно по труду. При этом оценки по предметам гуманитарного цикла в тенденции были отрицательно связаны с тяготением к занятиям техникой.

Культурные потенциалы и профессиональные склонности

В нашем исследовании [4] по итогам конфирматорного факторного анализа латентный фактор «Склонность к типу профессии» (включавший переменные склонностей к типам профессий: «человек — человек», «человек — знаковая система», «человек — художественный образ») и латентный фактор «Культурные потенциалы» (включавший переменные потенциалов в областях познания, литературы и музыки) положительно коррелировали между собой. По итогам применения дисперсионного анализа культурный потенциал в области познания оказал эффекты на склонность к типам профессий «человек — знаковая система» и «человек — художественный образ», потенциал в области литературы — на склонность к типам профессий «человек — знаковая система» и «человек — художественный образ», потенциал в области музыки — на склонность к типу профессии «человек — художественный образ».

2. Проблема, исследовательские вопросы и гипотезы

Проблема

Предметом настоящего исследования являются отношения учебной успеваемости с одной стороны и культурных потенциалов (знаний в области культуры) и профессиональных склонностей — с другой. В настоящее время имеются данные об отношениях интеллекта, культурных потенциалов и учебной успеваемости [5], об отношениях культурных потенциалов, интеллекта и склонности к типу профессии [4]. При этом результаты исследований о соотношении продуктивности деятельности и знаний в различных областях зачастую неоднозначны [3; 11; 12; 13; 14, 15]. Если учебную успеваемость рассматривать как показатель продуктивности

учебной деятельности, то невыясненными остаются ее отношения с культурными потенциалами. Кроме того, до сих пор не предпринято комплексного исследования отношений успеваемости, культурных потенциалов и склонности к типу профессии.

Проблема продуктивных аспектов знаний и профессиональных склонностей вызывает много вопросов. Е.В. Дудорова [5] предложила идею круговых отношений между интеллектом вербальным и культурными потенциалами (в областях познания и литературы) с одной стороны и учебной успеваемостью — с другой. Однако до сих пор неясно, может ли учебная успеваемость прямо способствовать изменениям культурных потенциалов вне опосредующих связей с интеллектом. Неясно также, могут ли культурные потенциалы быть факторами изменения успеваемости вне круговых отношений с интеллектом и мотивами? Хотя имеются данные об отношениях склонностей к типу профессии и успеваемости, не ясно может ли учебная успеваемость оказывать статистическое влияние на склонности к типу профессии.

Исследовательские вопросы

Были сформулированы два исследовательских вопроса: (1) связана ли учебная успеваемость с культурными потенциалами и склонностями к типам профессии? (2) оказывает ли учебная успеваемость статистическое влияние на культурные потенциалы и склонность к типу профессии?

Исследовательские гипотезы формулировались с опорой на данные о связях успеваемости и склонности к типу профессии [1; 10], о связях учебной успеваемости и культурных потенциалов [5], о связях культурных потенциалов и склонности к типу профессии [4].

Исследовательские гипотезы

Для тестирования первого исследовательского вопроса в терминах корреляционного анализа была сформулирована гипотеза № 1.

Гипотеза № 1: Учебная успеваемость связана с культурными потенциалами (в областях познания и литературы) и профессиональными склонностями (к типам профессии «человек – знаковая система» и «человек — художественный образ»).

В рамках тестирования второго исследовательского вопроса на основании результатов корреляционного анализа в терминах структурных линейных уравнений (путевой анализ) строились и тестировались две гипотетические модели продуктивных аспектов культурных потенциалов и профессиональных склонностей — основная и альтернативная.

Основная модель. Экзогенным фактором была переменная учебной успеваемости, эндогенными факторами — переменные культурных потенциалов и профессиональных склонностей.

Альтернативная модель. Экзогенными факторами были переменные культурных потенциалов и профессиональных склонностей, а эндогенным — переменная учебной успеваемости.

Метод

В исследовании приняли участие 166 студенток Пермского государственного педагогического университета. 81 студентка (31 закончила первый курс, 50 — второй курс) училась на филологическом факультете, 85 студенток (34 закончили первый курс, 51 — второй курс) — на математическом факультете. Выборка состояла только из девушек. Их возраст был в диапазоне от 17 до 22 лет ($M = 18.4$, $SD = .94$).

Культурные потенциалы измерялись у каждой участницы с помощью анкеты «Ваша жизнь и культура» [9]. Анкета содержит 653 пункта, которые служат индикаторами культурных потенциалов. Измерялись познавательный потенциал, потенциалы в области литературы, академической музыки, живописи. Познавательный потенциал содержит 37 пунктов, потенциалы в области литературы — 86 пунктов, академической музыки — 70 пунктов, живописи — 66 пунктов. Для ввода, сортировки и статистической обработки результатов анкетирования использовался комплекс программ в системе Foxpro для IBM PC, разработанный Кирсановой и Харуто по алгоритму Петрова (неопубл.).

Профессиональные склонности у каждой участницы исследования измерялись посредством дифференциально-диагностического опросника [7] к следующим типам профессий: «человек — природа», «человек — техника», «человек — человек», «человек — художественный образ», «человек — знаковая система».

Учебная успеваемость студенток определялась по их оценкам на двух экзаменах в период весенней сессии. У студенток 1 курса математического факультета учитывались экзаменационные оценки по алгебре («специальные» знания) и психологии («неспециальные» знания). У студенток 2 курса того же факультета учитывались оценки по алгебре («специальные» знания) и философии («неспециальные» знания).

У студенток 1 курса филологического факультета брались во внимание экзаменационные оценки по современному русскому языку («специальные» знания) и психологии («неспециальные» знания), у студенток 2 курса того же факультета — оценки по современному рус-

скому языку («специальные» знания) и философии («неспециальные» знания). Различия в экзаменационных оценках между «специальными» и «неспециальными» знаниями были незначимы, $F(1,165) = 1.86$, $p > .05$. Поэтому далее использовался общий (агрегированный) показатель учебной успеваемости.

Процедура, исследовательский дизайн и статистический анализ данных

Анкета «Ваша жизнь и культура» и «Дифференциально-диагностический опросник» предъявлялись участницам исследования в подгруппах от 10 до 25 чел. Всего было проведено 14 сессий.

В рамках корреляционного дизайна данные подвергались корреляционному анализу. Строились также гипотетические модели в терминах путевого анализа. Данные подвергались анализу в статистическом пакете Statistica (версия 5.5).

На основании результатов корреляционного анализа в рамках путевого анализа строились две гипотетические модели продуктивных аспектов культурных потенциалов и профессиональных склонностей — основная и альтернативная. В ходе построения моделей продуктивных аспектов культурных потенциалов и профессиональных склонностей рабочими были «основная» и «альтернативная» модели. «Альтернативная» модель выполняла роль контроля.

В основную модель как экзогенный фактор была включена учебная успеваемость (в него включалась одна манифестная переменная, и она была индикатором самой себя). В эту же модель включались как эндогенные факторы культурные потенциалы (в него включались две манифестные переменные — потенциалов в областях познания и литературы) и склонности к типу профессии (в него включались две ма-

нифестные переменные — склонности к профессиям «человек — техника» и «человек — художественный образ»). Экзогенные и эндогенные факторы включались в модель как некоррелирующие.

Альтернативная модель строилась противоположным образом в сравнении с основной моделью. В альтернативную модель включались как экзогенные факторы — культурные потенциалы (в него включались две манифестные переменные — потенциалов в областях познания и литературы) и склонности к типу профессии (в него включались две манифестные переменные — склонности к профессиям «человек — техника» и «человек — художественный образ»). В этой модели как эндогенный фактор была включена учебная успеваемость (в него включалась одна манифестная переменная, и она была индикатором самой себя). Экзогенные и эндогенные факторы включались в модель как некоррелирующие.

Результаты

Переменная учебной успеваемости положительно коррелировала с переменными потенциалов в областях познания ($r = .35$, $p < .001$) и литературы ($r = .24$, $p < .01$). Переменная учебной успеваемости положительно коррелировала с переменной склонности к типу профессии «человек — художественный образ» ($r = .17$, $p < .05$). Кроме того, близко к уровню значимости отрицательно коррелировали переменные учебной успеваемости и склонности к типу профессии «человек — техника» ($r = .14$, $p < .07$).

Полученные результаты означают, что с ростом учебной успеваемости культурные потенциалы в областях познания, литературы и склонность к типу профессии «человек — художественный образ» возрастали, а склонность

к типу профессии «человек — техника» — снижалась.

Путевой анализ

Результаты тестирования пригодности основной и альтернативной гипотетических моделей

продуктивных аспектов культурных потенциалов и профессиональных склонностей приведены в табл. 1.

Таблица 1. Индексы пригодности основной и альтернативной гипотетических моделей

Модель	Индексы пригодности					
	χ^2	df	χ^2 / df	RMSEA	AGFI	CFI
Основная	4.45	3	1.48	.05	.95	.99
Альтернативная	16.22	4	4.56	.14	.85	.96

Примечания: n = 166; экзогенные факторы не коррелируют, эндогенные факторы не коррелируют; χ^2 — хи-квадрат статистика функции расхождения методом обобщенных наименьших квадратов, GLS; поиск базового решения определялся методом кубической интерполяции (Cubic Interpolation); df — количество степеней свободы; χ^2 / df — отношение χ^2 / df ; RMSEA — индекс Стейгера–Линда; AGFI — отрегулированный индекс пригодности; CFI — сравнительный индекс пригодности.

Основная модель характеризовалась незначимой χ^2 статистикой, достаточно низким отношением χ^2 / df , значимыми значениями индекса Стейгера–Линда (RMSEA), индекса пригодности (GFI) и отрегулированного индекса пригодности (AGFI). Пять из пяти индексов пригодности — χ^2 статистика, отношение χ^2 / df , Стейгера–Линда (RMSEA) и отрегулированный индекс пригодности (AGFI) и сравнительный индекс пригодности (CFI) свидетельствовали о высокой пригодности основной модели.

Альтернативная модель характеризовалась незначимой χ^2 статистикой, высоким отношением χ^2 / df , незначимыми значениями индекса Стейгера–Линда (RMSEA) и отрегулированного индекса пригодности (AGFI). Индекс пригодности (GFI) был значим (.96). Три из пяти индексов пригодности — отношение χ^2 / df , Стейгера–Линда (RMSEA), отрегулированный индекс пригодности (AGFI) свидетельствовали о низкой пригодности альтернативной модели.

Таким образом, основная модель оказалась пригодной, а альтернативная — непригодной.

Статистические оценки включения манифестных переменных в экзогенный и эндогенные факторы основной модели, а также их связи и пути приведены в табл. 2.

В экзогенный фактор «Учебная успеваемость» вошла манифестная переменная учебной успеваемости ($p < .001$).

В эндогенный фактор «Культурные потенциалы» вошла манифестная переменная познавательного потенциала ($p < .001$). В эндогенный фактор «Склонность к типу профессии» вошла манифестная переменная склонности к типу профессии «человек — художественный образ» ($p < .01$).

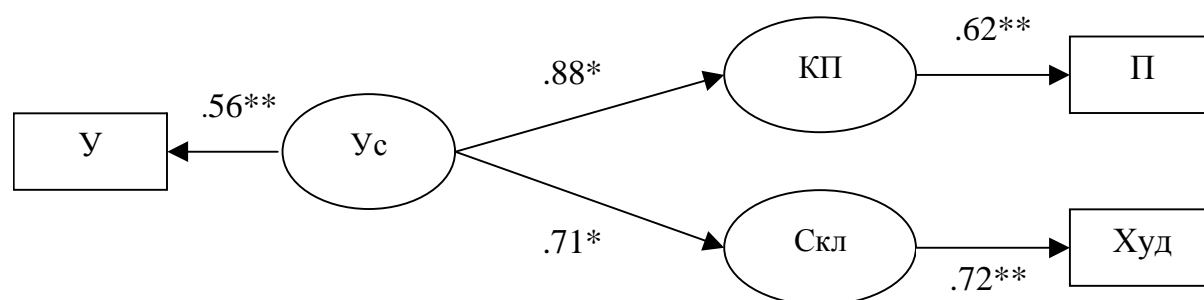
Были обнаружены пути от экзогенного фактора «Учебная успеваемость» к эндогенным факторам «Культурные потенциалы» ($p < .001$) и «Склонность к типу профессии» ($p < .01$). Полученные результаты иллюстрирует схема.

Таблица 2. Включение манифестных переменных в экзогенные и эндогенные факторы, их связи и пути

(Фактор) → [Переменная]	Оценка включения переменных в экзогенные и эндогенные факторы
(Ус) → [У]	.56 **
(КП) → [П]	.62 **
(Скл) → [Худ]	.71 *
(У) → (КП)	.88 **

(У) → (Скл)	.57 *
-------------	-------

Примечания: Латентные факторы: Ус — учебная успеваемость, КП — культурные потенциалы, Скл — склонности к типу профессии. Манифестные переменные: У — учебная успеваемость, П — познавательный потенциал, Худ — склонность к типу профессии «человек — художественный образ». * $p < .01$, ** $p < .001$; незначимые оценки включения переменных в факторы опущены.

Примечания: Использованы те же сокращения, что и в табл. 2.

* $p < .01$, ** $p < .001$; незначимые оценки включения переменных в факторы опущены.

Обозначения: → включение переменной в фактор или путь; — взаимосвязи факторов.

Обсуждение

Обнаружены положительные корреляции показателя учебной успеваемости с показателями потенциалов в областях познания и литературы и склонности к типу профессии «человек — художественный образ». Кроме того, близко к уровню значимости отрицательно коррелировали показатели учебной успеваемости и склонности к типу профессии «человек — техника». Эти данные можно рассматривать как поддерживающие гипотезу № 1 для показателей учебной успеваемости и показателей потенциалов в областях познания и литературы, а также склонности к типу профессии «человек — художественный образ» и в тенденции — для показателей учебной успеваемости и склонности к типу профессии «человек — техника». Полученные данные согласуются с данными В.В. Печенкова о положительных связях знаний в гуманитарных областях и склонности к типу профессии «человек — художественный

образ» [10] и данными Э.А. Голубевой с соавторами об отрицательных в тенденции связях учебной успеваемости по предметам гуманитарного цикла и склонности к типу профессии «человек — техника» [1]. Кроме того, наши данные поддерживают идею о связях продуктивности деятельности и компетентности в области исполнения той или иной задачи и свидетельствуют о возможности ее распространения на отношения учебной успеваемости (как показателя продуктивности учебной деятельности) и культурных потенциалов в областях познания и литературы (как знаний в области культуры).

Что касается состава основная гипотетическая модель продуктивных аспектов культурных потенциалов и профессиональных склонностей (гипотеза 2) получила частичную эмпирическую поддержку (за исключением манифестных переменных потенциала по литературе и склонности к типу профессии «человек — техника»). Гипотеза о путях от латентного фактора

«Учебная успеваемость» к латентным факторам «Культурные потенциалы» и «Склонность к типу профессии» получила эмпирическую поддержку в части потенциала в области познания и склонности к типу профессии «человек — художественный образ».

Наши данные свидетельствуют о том, что продуктивность учебной деятельности может статистически влиять на рост культурного потенциала в области познания и склонность к типу профессии «человек — художественный образ».

Список литературы

1. Голубева Э. А. Опыт комплексного исследования учащихся в связи с некоторыми проблемами дифференциации обучения // *Вопр. психол.* 1991. № 2. С. 132–140.
2. Дорфман Л. Я. Конструкт «Я» и культурные потенциалы личности // *Визуальная культура XX века и проблемы современного образования / под ред. Т. И. Гадаловой, Р. Д. Зобачевой и др.* Пермь, 1999. С. 299–307.
3. Дружинин В. Н. Интеллект и продуктивность деятельности: модель «интеллектуального диапазона» // *Психол. журн.* 1998. Т. 19, № 2. С. 61–71.
4. Дудорова Е. В. Культурные потенциалы, интеллект и склонность к типу профессии // *Интегральная индивидуальность, Я–концепция, личность / под ред. Л. Я. Дорфмана.* М.: Смысл, 2004. С. 179–201.
5. Дудорова Е. В. Интеллект как процесс и знание в области культуры: когнитивные, личностно-мотивационные и продуктивные аспекты: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 22 с.
6. Климов Е. А. Как выбирать профессию: книга для учащихся старших классов средней школы. М.: МГУ, 1990. 158 с.
7. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: МГУ, 1995. 224 с.
8. Петров В. М. Анкета «Ваша жизнь и культура». М., 1998. 15 с.
9. Петров В. М. Математика и социальные процессы: гиперболические распределения и их применение. М.: Знание, 1980. 64 с.
10. Печенков В. В. Проблемы индивидуальности общие и специально человеческие типы ВНД // *Способности. К 100-летию со дня рождения Б. М. Теплова / отв. ред. Э. А. Голубева.* Дубна: Феникс, 1997. С. 189–219.
11. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
12. Broadbent, D. E., Fitzgerald, P., & Broadbent, M. H. P. (1986). Implicit and explicit knowledge in the control of complex systems // *British Journal of Psychology.* 77. 33–50.
13. Ericsson, K. A., Krampe, R. T., & Tesch-Romer, C. (1993). The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance // *Psychological Review.* 100. 363–406.
14. Hunter, J. E. (1983). A causal analysis of cognitive ability, job knowledge, job performance, and supervisor ratings // In F. Landy, S. Zedeck, & J. Cleveland (Eds.), *Performance measurement and theory* (p. 257–266). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
15. Ree, M. J., Carretta, T. R., & Teachout, M. S. (1995). Role of ability and prior job knowledge in complex training performance // *Journal of Applied Psychology.* 80. 6. 721–730.
16. Rouse, W. B., & Morris, N. M. (1986). On looking into the black box: Prospects and limits in the search for mental models // *Psychological Bulletin.* 100. 349–363.

ACADEMIC PERFORMANCE AS FACTOR OF KNOWLEDGE IN CULTURAL DOMAINS AND INCLINATIONS IN TYPE OF VOCATION

C. V. Dudorova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Consideration in complex relation of the academic performance, knowledge in cultural domains (cultural potentials), inclinations in type of vocation. Participants were 166 undergraduates at Perm Teachers Training University. Academic performance was measured by scores obtained on exams. Cultural potentials were measured using the «Culture in your life» inventory» [8], inclination in type of vocation were measured using

the of the «Differential-diagnostic questionnaire» [6]. Data obtained by correlation analysis demonstrated that, with growth academic performance cultural potentials in domains gnostic and literature, and inclination in type of vocation «human — artistic image» growth, a inclination in type of vocation «human — technique» — lower. On results of the structural modeling were demonstrated what academic performance maybe by factor growth of cultural potentials in domains gnostic and inclination in type of vocation «human — artistic image».

Keywords: academic performance; cultural potentials; inclination in type of vocation.

УДК 159.955.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРОДА ПЕРМИ У ИНОСТРАНЦЕВ*

О.И. Кильченко

Пермский государственный университет, 614990, ул. Букирева, 15
e-mail: 2520557@inbox.ru

В исследовании реализован онтологический подход к проблеме взаимосвязи человека и городской среды. Реконструировано содержание и выявлен компонентный состав психологической репрезентации городской среды Перми у иностранцев в связи с характеристиками времени пребывания респондентов в городе, их возраста и пола. Установлено, что содержание репрезентации городской среды Перми у иностранцев формируется преимущественно в пространстве потребностей и целей субъектов, адресованных среде.

Ключевые слова: онтологическая парадигма; городская среда Перми; психологическая репрезентация городской среды; структура репрезентации.

В настоящем исследовании предпринят анализ содержания (визуально-образного и вербального) и структуры психологической репрезентации городской среды Перми у представителей зарубежных стран в связи с возрастными, половыми характеристиками респондентов, а также временем их пребывания в городе. Вслед за Ю.Г. Панюковой, под психологической репрезентацией среды понимаются ментальные структуры, в которых среда представлена в индивидуальном сознании [9; 10].

Актуальность работы определяется следующим: преимущественное количество исследований по проблеме восприятия городской среды выполнена с опорой на положения когнитивного подхода, реализующего гносеологическую парадигму анализа взаимосвязи челове-

ка и среды (изучение чувственного образа среды и степени его соответствия параметрам реального окружения) [2; 3; 6; 8; 12; 13]. В то же время малоизученной остается проблема активности, субъектности во взаимосвязи человека и городской среды (изучение ценностно-смыслового уровня психологических репрезентаций, возможное в рамках реализации онтологической исследовательской парадигмы) [9; 10]. Кроме того, в существующих исследованиях по проблеме восприятия городской среды в качестве респондентов выступают коренные жители города [3; 6; 12], вместе с тем неисследованными остаются представления о городе у лиц из иной социокультурной среды (жители зарубежных стран) и специфика этих представ-

© Кильченко О.И., 2010

* Работа выполнена при поддержке РГНФ и министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края (проект № 08-06-82607а/У)

лений в связи с разными показателями (возраст, пол, временной опыт пребывания в городе).

Теоретической базой исследования послужила концепция системно-структурной организации репрезентации пространственно-предметной среды Ю.Г. Панюковой [9; 10].

В качестве эмпирических методов использовались:

1. Метод анализа внешней репрезентации — активность включенности (по Р. Голледжу [цит. по: 5]), реализующийся в процедуре рисования графического наброска (карты-наброска) Перми, репрезентирующего городскую среду (респондентам предлагалось изобразить г. Пермь). В отличие от метода когнитивных карт, данный метод актуализирует не только пространственные, физические характеристики среды, представленные в сознании субъекта, но и ценности и смыслы, которыми субъект наделяет городскую среду.

2. Метод косвенного оценивания, реализующийся в процедуре составления списка ассоциаций, описывающих г. Пермь и отражающих его особенности (изучение неосознаваемых компонентов представлений о Перми).

3. Метод опроса, реализующийся в процедуре анкетирования, направленного на выявление общих сведений о респонденте (пол, возраст, профессия, уровень образования, цель пребывания в Перми, количество визитов, длительность проживания в городе).

Объектами анализа выступили:

а) рисунки, схема контент-анализа которых включала:

- определение типов рисунков: *карта-схема* (схематичный план местности, включающий объекты городской среды; пространственная схема, свидетельствующая о хорошей ориентировке в городской среде), *карта-эскиз* (рисунок со слабой структуриро-

ванностью элементов, их синкретичностью и диспропорциями), *ассоциативное изображение* (изображения, которым не представляется возможным дать однозначное описание) [11];

- анализ компонентного состава рисунков: *точечные элементы* (объекты городской среды — здания); *линейные элементы* (улицы, пути, маршруты перемещений в городе); *площадные элементы* (площади); *края* (границы); другие объекты, свидетельствующие об эмоциональной окрашенности представлений (солнце, улыбающиеся лица людей) — модифицированная схема Покока [цит. по: 4].

На этапе обработки рисуночных данных применялся метод контент-анализа [7]. Использовался как сегментарный, так и сплошной подсчет (в отношении идентифицированных /узнанных, обозначенных/ объектов городской среды). Идентифицированные объекты подвергались процедуре ранжирования в соответствии с процентной долей испытуемых, использовавших эти объекты в рисунках. Из статистических критериев применялся критерий ϕ^* — угловое преобразование Фишера;

б) неслучайные ассоциации (использованные тремя или большим количеством испытуемых), в совокупности образующие ассоциативную семантическую универсалию [1]. Ассоциации классифицировались по критерию соответствия формальному или содержательному компоненту репрезентации среды [9; 10]. Ассоциации, репрезентирующие формальный компонент, воспроизводят состав, структуру информационного содержания восприятия (чувственный уровень репрезентации, которому соответствуют параметры «открытость-закрытость», «структурированность-хаотичность», «динамика-статика», «размер» и др.). Ассоциации, от-

ражающие содержательный компонент репрезентации, характеризуют ценностно-смысловой уровень репрезентации городской среды (ему соответствуют прагматический параметр репрезентации — «освоенность», «польза», «ресурсность», «контроль» и этико-эстетический параметр репрезентации — «безопасность», «близость», «привлекательность», «свобода»). Ассоциативные семантические универсалии представляют собой в данном случае модель репрезентации опыта средового познания.

Участниками исследования выступили жители США, Великобритании, Германии, Венгрии, Сербии, Сирии, Китая, Армении в количестве 106 чел., из которых 52 чел. имели опыт кратковременного пребывания в Перми (от 3 дней до 6 недель, среднее время пребывания 14 дней), 54 чел. — опыт длительного пребывания (от 1,5 до 16 лет, средний период проживания 7,4 года). Половой состав выборки: мужчин — 64 чел., женщин — 42 чел.. Возрастные характеристики выборки: лиц в возрасте ранней зрелости — 47 чел. (20-25 лет, средний возраст — 21,4 года), лиц в возрасте средней зрелости — 51 чел. (26-64 лет, средний возраст — 39,1 года), лиц в возрасте поздней зрелости — 8 чел. (65 лет и выше, средний возраст — 71 год).

Особенности психологической репрезентации городской среды Перми в связи с характеристикой времени пребывания

Инвариантными параметрами психологической репрезентации выступают характеристики «большой», «грязный», «красивый», «старый». При этом количество ассоциаций «грязный» и «красивый» в описаниях иностранцев, длительное время находящихся в Перми, значимо больше, чем количество ассоциаций в описаниях иностранцев, пребывающих в Перми непродолжительное время ($\varphi^* = 2,17^{**}$ и $\varphi^* = 2,6^{***}$ соответственно).

должительное время ($\varphi^* = 2,17^{**}$ и $\varphi^* = 2,6^{***}$ соответственно).

Выявлены тенденции, характеризующие динамику вербального содержания репрезентации в связи с увеличением времени пребывания в городе:

а) приобретает выраженность содержательный компонент репрезентации городской среды, соответствующий ценностно-смысловому уровню (доля ассоциаций, отражающих содержательный компонент репрезентации, в группе иностранцев, длительное время пребывающих в Перми, составляет 83,5 % против 67,4 % — в группе иностранцев, находящихся в городе непродолжительное время);

б) уменьшается разнообразие характеристик, соответствующих таким этико-эстетическим параметрам репрезентации, как «привлекательность», «безопасность» (ассоциации «безумные водители», «привлекательный»);

в) снижается частотность характеристик, репрезентирующих такой прагматический параметр репрезентации, как «польза» (ассоциации «хорошая еда», «хороший общественный транспорт»);

г) усиливается тенденция использовать обобщенные, социально желательные оценки (ассоциация «хороший»);

д) ослабевает тенденция использовать полярные оценки (ассоциации «старый» — «новый», «привлекательный» — «отвратительный»).

Визуально-образное содержание репрезентации у иностранцев, находящихся в городе краткое время, характеризуется большей структурированностью, детализацией (объектной насыщенностью), дифференцированностью, субъектностью (Пермь как населенный людьми город — об этом свидетельствуют присут-

вующие в рисунках схематические изображения человеческих фигурок). Иностранцы, непродолжительное время находящиеся в Перми, значимо чаще, чем длительно находящиеся в Перми выходцы из других стран, используют в рисунках города изображения зданий ($\varphi=1,93^*$), улиц ($\varphi=1,66^*$), других объектов ($\varphi=2,77^{***}$). Объекты городской среды, приведенные на рисунках данной группы испытуемых, — это места размещения респондентов на время пребывания в городе, маршруты движения.

У иностранцев, длительно пребывающих в Перми, визуально-образные представления о городе дифференцированы в меньшей степени (респонденты этой группы значимо чаще, чем респонденты, пребывающие в Перми краткое время, используют в изображениях города карты-эскизы — $\varphi=1,8^*$), деперсонализованы (в рисунках респондентов встречаются изображения границ-контуров с незаполненным внутри пространством, что, вероятно, отражает субъективные трудности в освоении территории города; у отображенных компонентов среды отсутствуют субъективные /»автобиографические» значения, связанные с запечатлением в рисунках событий личной памяти, жизненной истории субъектов). Выходцы из других стран, проживающие в Перми долгое время, значимо чаще, чем кратковременно пребывающие, обозначают на рисунках города края (границы) ($\varphi=1,78^*$).

Идентифицированными объектами городской среды, занимающими первые ранговые места, выступают:

- в группе кратковременно пребывающих в Перми иностранцев — Кама, театр оперы и балета, отель «Урал», ПГУ (отражение программы пребывания в Перми);

- в группе иностранцев, длительно пребывающих в Перми, — Кама, ЦУМ, драматический театр «Театр» (маркеры освоенной части городской территории).

Общие тенденции, характеризующие динамику вербального и визуально-образного содержания репрезентации в связи с увеличением времени пребывания в городе, таковы:

- а) снижается интенсивность процесса ассоциирования при описании города;
- б) приобретают выраженность стереотипы в описаниях города;
- в) ослабевает тенденция дифференцировать компоненты (характеристики) городской среды.

Полученные результаты позволяют предположить, что выходцы из других стран, длительное время находящиеся в Перми, испытывают трудности в освоении (ассимиляции) городской среды (физической и социальной), что может свидетельствовать о затрудненной адаптации иностранцев к новым условиям проживания.

Особенности психологической репрезентации городской среды Перми в связи с характеристикой пола

Инвариантными параметрами репрезентации города выступают характеристики «большой», «грязный», «красивый», «деловой», «дружелюбный», «старый», «холодный». Количество ассоциаций «большой» в описаниях женщин значимо больше ($\varphi^* = 2,83^{***}$), чем количество ассоциаций в описаниях мужчин, что свидетельствует о большей выраженности параметра «размер» применительно к городу в репрезентациях женщин.

Специфика вербального содержания психологической репрезентации городской среды у мужчин заключается в следующем:

- а) наличие обобщенных оценок городской среды (ассоциация «хороший»);

б) обозначение такой характеристики, как социабельность (ассоциация «доброжелательные люди»);

в) обозначение такой характеристики, как безопасность среды (этико-эстетический параметр — ассоциации «безумные водители», «безопасный»).

Специфические особенности вербального содержания репрезентации городской среды у женщин таковы:

а) наличие эмоциональных и полярных оценок городской среды (ассоциации «симпатичный», «забавный», «старый» — «новый»);

б) интенциональность в отношении городской среды (ассоциация «интересный»);

в) обозначение такой характеристики, как красота, внешняя привлекательность городской среды (эстетический параметр — ассоциации «красивый», «несколько красивых зданий»).

Визуально-образное содержание репрезентации городской среды у мужчин характеризуется большей, чем у женщин, дифференцированностью и детализацией (идентифицировано большее количество объектов городской среды), что свидетельствует о лучшей ориентации мужчин в пространстве города. Мужчины чаще, чем женщины, используют в рисунках г. Перми изображение границ ($\varphi=1,81^*$).

Идентифицированными объектами городской среды, занимающими первые ранговые места, выступают:

- в группе мужчин — Кама, Центральный рынок, ЦУМ, драматический театр «Театр» (торгово-развлекательные объекты и объекты культуры);
- в группе женщин — Кама, ж/д вокзал Пермь-2, улица Ленина (объекты, обеспечивающие перемещение в пространстве).

Таким образом, для мужчин-иностранцев ценностно-смысловыми ориентирами высту-

пают такие характеристики городской среды Перми, как безопасность, социабельность, для женщин-иностранок — эстетическая выразительность и привлекательность.

Анализ особенностей психологической репрезентации городской среды Перми в связи с характеристикой возраста

Инвариантными параметрами репрезентации города являются характеристики «большой», «грязный», «красивый», «деловой», «доброжелательные люди», «холодный», «старый», «дружелюбный», «хороший общественный транспорт», «интересный».

Специфика вербального содержания репрезентаций у лиц в возрасте ранней зрелости связана с выраженностью прагматического параметра (ассоциация «хорошая еда»).

Специфика вербального содержания репрезентаций у лиц в возрасте средней зрелости определяется:

а) большей, чем у респондентов в возрасте ранней зрелости, интенсивностью процесса ассоциирования при описании городской среды;

б) большей дифференцированностью характеристик городской среды;

в) наличием обобщенных и полярных оценок городской среды («хороший», «старый» — «новый», «отвратительный» — «привлекательный»).

Визуально-образное содержание репрезентации у лиц в возрасте ранней зрелости характеризуется эмоциональной окрашенностью (в рисунках респондентов этой группы присутствует такой символ, как солнце, который может репрезентировать либо положительную эмоциональную окрашенность представлений респондентов о городе, либо потребность последних в получении заботы).

Визуально-образное содержание репрезентации у лиц в возрасте средней зрелости харак-

теризуется большей, чем у лиц в возрасте ранней зрелости, дифференцированностью и детализацией (идентифицировано большее количество объектов городской среды).

Идентифицированными объектами городской среды, занимающими первые ранговые места, выступают:

- в группе лиц в возрасте ранней зрелости — Кама, здание администрации Пермского края, отель «Урал» (административные объекты и объекты гостиничного бизнеса);
- в группе лиц в возрасте средней и поздней зрелости — Кама, ж/д вокзал Пермь-2, улица Ленина, Комсомольской проспект (объекты, обеспечивающие перемещение в пространстве).

Таким образом, ценностно-смысловыми ориентирами для иностранцев в возрасте ранней зрелости выступает такая характеристика городской среды Перми, как полезность; для иностранцев в возрасте средней и поздней зрелости — безопасность.

В целом по выборке было установлено, что содержание репрезентации городской среды Перми у иностранцев формируется преимущественно в пространстве потребностей и целей субъектов, адресованных среде. В оценке городской среды преобладает содержательный компонент репрезентации, который задается ценностно-смысловым уровнем. Были определены общие тенденции, характеризующие динамику вербального и визуально-образного содержания репрезентации: ослабление дифференциации компонентов (характеристик) городской среды — в связи с фактором времени пребывания в городе; усиление дифференциации — в связи с фактором возраста.

Были выявлены инвариантные и вариативные параметры репрезентации городской среды, а также объекты городской среды, иденти-

фицированные респондентами. В целом по выборке инвариантными параметрами репрезентации выступают параметр «большой» (соответствующий формальному компоненту репрезентации — характеристика размера), параметры «красивый», «грязный» (соответствующие содержательному компоненту репрезентации — эстетические характеристики). Инвариантные объекты городской среды — Кама, улица Ленина, ж/д вокзал Пермь-2 (их можно рассматривать как значимые ориентиры, символы Перми). В целом включенность иностранцев в освоение городского пространства Перми невысока (в рисунках в основном отражены объекты, размещенные на локальной городской территории: ареал ж/д вокзала Пермь-2 — улица Сибирская).

Список литературы

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. 350 с.
2. Блиникова И.В. Роль зрительного опыта в репрезентации окружающей среды // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: ИП РАН, 1998. С. 101-132.
3. Виноградова Е.И. Представление о ментальных картах города Екатеринбурга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // http://archvuz.ru/numbers/2006_22/k25 — Загл. с экрана.
4. Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 302 с.
5. Зинченко Т.П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб.: Питер, 2002. 320 с.
6. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
7. Метод контент-анализа в психологических исследованиях: учеб.-метод. пособие / А.Ю. Бергфельд, Е.В. Шевкова, Н.А. Шиленкова и др.; под общ. ред. О.И. Кильченко; Перм. ун-т. Пермь, 2007. 113 с.
8. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2001. 336 с.
9. Панюкова Ю.Г. Психологическая репрезентация

- пространственно-предметной среды обыденной жизни. Красноярск: КГПУ, 2003. 376 с.
10. Панюкова Ю. Г. Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды (Системно-структурная организация, возрастные и индивидуальные особенности): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 43 с.
 11. Сазонов Д.Н. Социально-психологические особенности репрезентации городской пространственно-предметной среды у жителей города: автореф. ... канд. психол. наук. Курск, 2009. 22 с.
 12. Шабанов Л.В. Методологические проблемы исследования восприятия образа города [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <http://envpsylab.ucoz.ru/load/17-1-0-53> — Загл. с экрана.
 13. Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004. 239 с.
-

PSYCHOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CITY OF PERM FROM FOREIGNERS

O.I. Kilchenko

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The study implemented an ontological approach to the problem of the relationship between man and an urban environment. Reconstructed content and identified the components of the psychological representation of the urban environment of Perm among foreigners in connection with the characteristics of the residence time of the respondents in the city, their age and sex. Found that the content of the representation of the urban environment of Perm, foreigners are formed predominantly in the space needs and goals of the subjects addressed to the environment.

Key words: the ontological paradigm; the urban environment of Perm; the psychological representation of the urban environment; the structure of the psychological representation.

УДК 159.955.4

ВИДЫ И МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АЛЕКСИТИМИИ*Д.Г. Трунов*

Пермский государственный университет, 614990, ул. Букирева, 15

e-mail: trunoff@hotmail.ru

Вводится термин «функциональная алекситимия» для обозначения трудностей в вербализации эмоционального опыта, не связанных с какими-либо органическими расстройствами. Рассматриваются различные виды и механизмы функциональной алекситимии: педагогическая, психологическая, лингвистическая. Предлагается схема коррекции функциональной алекситимии в условиях психологического консультирования.

Ключевые слова: функциональная алекситимия, педагогическая алекситимия, психологическая алекситимия, лингвистическая алекситимия, эмотивная лексика, эмоциональный опыт, вербализация.

Вероятно, в любом руководстве по психологическому консультированию можно прочесть, что едва ли не самым главным звеном в процессе психологической помощи являются «вопросы о чувствах». В то же время на практике вопрос «Что вы чувствуете?» является вопросом, на который, пожалуй, консультанту труднее всего получить ответ. В какой-то степени это естественно, потому что это действительно один из самых главных вопросов в консультировании, и если бы клиент знал ответ на этот вопрос, то, быть может, он просто не пришел на консультацию. Вот и получается, что вопреки ожиданиям консультанта, на вопрос «Что вы чувствуете?» он обычно получает ответ: «Не знаю». Чаще всего консультант интерпретирует этот ответ как «сопротивление», «нежелание думать» и даже не подозревает, что в данной ситуации отсутствие полноценного ответа на вопрос «Что вы чувствуете?» — это, в некотором смысле, естественное положение вещей...

Функциональная алекситимия

Термин «алекситимия» ввел американский психоаналитик П. Сифнеос (P. Sifneos) в 1969 г.; он образован от греч. α (отрицание), λεξις («слово») и θυμός («душа, чувства, мысли»), т.е. дословно: «недостаток слов для выражения чувств» [1]. В психологии и психиатрии этот термин означает, что человек не может выразить в словах свое эмоциональное состояние, чувства, настроение и т.д. Это происходит потому, что человек не связывает то, что с ним происходит — свой эмоциональный опыт, свои ощущения и т.д., — с определенными названиями.

Обычно психиатры и неврологи рассматривают затруднения в вербализации человеком своих чувств как симптом органического поражения головного мозга (врожденного или приобретенного, при котором повреждаются связи, ответственные за функцию распознавания висцеральных импульсов и вербального определе-

ния эмоций [1; 2]) или результат недоразвития центральной нервной системы (например, несформированность межполушарных взаимодействий [6]).

Однако кроме органических причин многие авторы (психологи и психотерапевты) указывают на другие факторы, приводящие к феномену алекситимии [1; 2; 4; 10]. В связи с этим появляется необходимость разграничения *органической* алекситимии и *функциональной* алекситимии. Последняя определяется как *трудность в вербальном описании эмоционального опыта, не связанная причинно с какими-либо органическими расстройствами*¹.

С чем же тогда связана функциональная алекситимия? На рис. 1 отражены различные виды алекситимий и, в частности, различные варианты и причины функциональной алекситимии.

Педагогическая алекситимия

Как уже говорилось, при алекситимии человек не соединяет свой эмоциональный опыт с определенными названиями. Для того чтобы разобраться в функциональных причинах алекситимии, необходимо задуматься, как вообще человек узнает о том, что такое-то ощущение или чувство соответствует такому-то слову? Очевидно, это знание он приобретает еще в детстве и оно как-то зависит от его воспитания. Как же ребенок узнает о том, что он чувствует? Видимо, первыми ему должны сообщить об этом его родители, называя то или иное его состояние, поведение соответствующими словами². Затем

он получает этот опыт от других людей и из других источников: из книг, фильмов и пр. Благодаря всему этому человек усваивает, что за определенными наименованиями — так называемой *эмотивной лексикой* — закрепляется определенное эмоциональное содержание (впечатления, ощущения и другие реакции). Если же по каким-либо причинам человек не приобретает опыта обозначения чувств (например, на эмоциональный опыт ребенка не обращалось специального внимания), то он приобретает педагогическую алекситимию, или имеет весьма скудный запас эмотивной лексики.

Для полноценного усвоения эмотивной лексики необходимо наличие в педагогическом прошлом человека «вербальной обработки» эмоционально значимых ситуаций, включающей обязательно три компонента (условия): (1) достаточно большой запас эмотивной лексики у родителей, (2) обозначение родителями эмоциональной реакции ребенка тем или иным словом или словосочетанием, относящимся к эмотивной лексике, (3) позитивное принятие эмоциональной реакции ребенка его родителями. В дальнейшем наличие первого и второго компонента обеспечивает знание эмотивной лексики, а наличие третьего компонента позволяет применять эти знания по отношению к себе³.

¹ Термин «функциональная алекситимия» представляется нам более удачным, чем «вторичная алекситимия», предложенный I. Fukunishi [1]

² А среди родителей ответственность за развитие эмотивной лексики, в первую очередь, возлагается на мать [4; 10]. Это связано, во-первых, с тем, что обычно мать чаще находится рядом с ребенком в эмоциональных ситуациях, чем другие родственни-

ки, а во-вторых, с тем, что женщины по сравнению с мужчинами обладают сами более широким запасом эмотивной лексики.

³ Третий компонент может рассматриваться как фактор не только педагогической, но также психологической алекситимии.

Рис. 1. Виды алекситимий

Чаще всего «жертвами» педагогической алекситимии становятся, конечно, мальчики (то есть будущие мужчины). В основном это связано с социокультурными факторами, в частности с гендерными педагогическими стереотипами, ограничивающими, во-первых, вербальную коммуникацию родителей с мальчиками в эмоционально значимых ситуациях, а во-вторых, окрашивающими эту коммуникацию в негативные тона. Другими словами, с мальчиками либо не говорят об их чувствах, либо воспринимают их переживания негативно. В результате мы имеем «настоящих мужчин», то есть мужчин, которые «не распускают нюни», «не жалуются», «не плачут» и т.д. Конечно, педагогически обусловленные социокультурные стереотипы «закрытого», «сдержанного», «невозмутимого» и т.д. человека присущи не только мужчинам, но и женщинам. Последние также ограничиваются в выражении

своих чувств. Помимо некоторых социальных преимуществ такого воспитания, мы встречаемся с рядом серьезных проблем психологического и медицинского характера. В частности, по данным многочисленных исследований, имеется корреляция между распространением психосоматических заболеваний и алекситимией¹.

Психологическая алекситимия

Психологическая алекситимия — следующий вид функциональной алекситимии; она тесно переплетается с педагогической, но в то же время имеет свои специфические индивидуально-психологические факторы.

Психотравматическая алекситимия — это частный случай психологической алекситимии, обусловленный наличием психотравмирующей

¹ Обзор литературы по этому вопросу см. в [2].

ситуации, при которой блокируется переживание тех или иных чувств в силу их высокой интенсивности, в силу того, что на них наложен «социальный запрет», их не принято выражать вслух, в силу их резкого несоответствия собственной Я-концепции, в силу боязни «не справиться со своими эмоциями, если они начнут выходить» и т.д. Защита от мучительного переживания чувств, возникающих в психотравмирующей ситуации, естественным образом приводит к «вытеснению» этих чувств из сферы сознания и к невозможности их последующего вербального описания и выражения.

Ситуативная алекситимия — это также частный случай психологической алекситимии, обусловленный ситуативно-коммуникативными факторами: стеснение, стыд, нежелание «раскрываться», недоверие к консультанту, отсутствие гарантий психологической безопасности, боязнь быть непонятым, боязнь осуждения и т.д.

В других случаях человек может достаточно позитивно относиться к своему эмоциональному опыту и достаточно хорошо ощущать его, но тем не менее он не может описать этот опыт в словах. Причинами этому могут быть самые разные. Например, *многообразие чувств*, которые испытывает человек. В этом случае человек чувствует слишком много, чтобы просто ответить на вопрос «Что вы чувствуете?». Другая причина — *противоречивость чувств*, которые испытывает человек. В этом случае вопрос «Что вы чувствуете?» вводит его в замешательство, так как, отвечая на него, он будет противоречить сам себе или выглядеть крайне нелогичным или просто «ненормальным». Эти и другие причины могут вызывать алекситимию, которая консультантом будет

восприниматься как «сопротивление» и вызовет ответные непрофессиональные реакции.

Лингвистическая алекситимия

Наконец, можно говорить о функциональной алекситимии, которая не столько зависит от педагогического прошлого или психологического настоящего, сколько связана с *принципиальной* невозможностью найти адекватные языковые средства для обозначения внутреннего опыта.

Кроме этого, существует еще один чисто семиотический фактор, затрудняющий вербальное выражение эмоционального опыта. Еще Ф.Ницше писал, что языковой знак — это не совсем подходящий инструмент для обозначения внутренней реальности, так как интроспективный язык не способен уловить тонкости психической жизни человека. «Гнев, ненависть, любовь, сострадание, страсть, радость, горе — все это имена для обозначения *крайних* состояний: средние и низкие степени их ускользают от нас, а между тем они-то и ткнут тонкую паутину, составляющую наш характер, и нашу судьбу» [8. С. 45]. Это приводит к тому, что человек просто «не всматривается» в ту часть психического опыта, для которой «не достает слов», «потому что там трудно точно мыслить»; человек может лишь *смутно* осознавать то, что не выражено в словах, поскольку для сознания человека «там, где прекращается область слова, прекращается также область бытия» [Там же].

Таким образом, тонкость, индивидуальность, изменчивость внутреннего мира не может полнокровно существовать в языке как «более грубой среде». Эта неподдающаяся описанию часть психической реальности про-

должает существовать лишь в области нерелеферируемого, а значит — неосознаваемого.

А.Маслоу считал, что язык предназначен для описания «внешней», а не психической реальности. И хотя, по его мнению, «этот недостаток действительно может быть в какой-то мере восполнен поэтическим или возвышенным стилем, но большинство переживаний все равно остаются невыразимыми и вообще не могут быть описаны никакими словами» [7. С. 124]. Не предназначенные непосредственно для описания психической жизни языковые знаки могут служить по отношению к ней лишь опосредованным *иносказательным* средством. Эмотивная лексика — это метафорическая попытка определить скрытое внутреннее, через явное внешнее, попытка часто неудачная, но единственно возможная [9].

Любопытно, что, по словам О.Мандельштама, именно «в русской поэзии чаще, чем в какой-либо другой, повторяется тема старого сомнения в способности слова к выражению чувств» [5. С. 59]. И это, несмотря на то, что по исследованиям А.Вежбицкой, именно в русском языке более всего по сравнению с другими языками разработано поле эмотивной лексики, отражающей самые разные нюансы психического опыта [3].

Таким образом, ответ «Не знаю», который может иногда очень раздражать консультанта, — это нормальная реакция на невозможность уложить богатство психического опыта в имеющиеся слова, это искренняя, но неудачная попытка подобрать название для событий своей внутренней жизни. Именно в этот момент — перед лицом спрашивающего консультанта — человек особенно ощущает диссонанс между вопросом «Что вы чувствуете?» и многообразием своего эмоционального опыта. Возможно,

клиенты, не отвечающие на этот вопрос, напротив, *слишком* хорошо чувствуют то, что с ними происходит, и одновременно с этим они понимают, что не могут найти подходящих слов для описания своих чувств, что «мысль изреченная есть ложь»¹.

Заключение

Подводя итоги обсуждения темы функциональной алекситимии, следует заметить, что все ее виды (педагогическая, психологическая и лингвистическая) очень тесно взаимосвязаны. В каждом конкретном случае было бы очень трудно определить наверняка, почему человек не может вербализовать свой эмоциональный опыт, например, связано ли это с многообразием чувств, которые он испытывает (психологический фактор), или с объективными ограничениями эмотивной лексики, существующими в языке (лингвистический фактор), или с недостаточным словарем (активным и пассивным) эмотивной лексики у данного человека (педагогический фактор). Тем не менее одна из главных задач психолога-консультанта, от которой зависит успех его работы, состоит в том, чтобы помочь клиенту преодолеть функциональную алекситимию, с какими бы факторами ни была она связана. Это означает, что консультант не просто ограничивается вопросом «Что вы чувствуете?», а берет на себя ответственность за процесс *совместного* поиска подходящих слов для описания эмоционального опыта клиента.

«Коррекция» функциональной алекситимии в условиях психологического консульти-

¹ Строчка из известного стихотворения Ф.Тютчева «Silentium» (1830), которое можно квалифицировать как «апологию» функциональной (лингвистической) алекситимии.

рования основана на том, что не клиент рассказывает консультанту о своем эмоциональном опыте (он не может это сделать «по умолчанию»), а консультант сам делает предположения о тех или иных чувствах клиента на основании полученной от него информации. Задача психотерапии, по мнению А. Маслоу, «в большей мере заключается в обобщении в едином понятии всевозможных осознаваемых, но безымянных, а потому “бессознательных” субъективных переживаний, или, если еще проще, в том, чтобы дать безымянному переживанию наименование» [7. С. 170]. Этот процесс «именования» можно представить в виде следующих этапов:

1. Консультант задает клиенту обычные вопросы, направленные на исследование проблемной ситуации, например: что произошло? что вы делали? что вы говорили? что вы хотели сказать? о чем вы думали? и др.

2. Консультант получает ответы от клиента и эмпатически осмысливает их с точки зрения содержащегося в них эмоционального подтекста.

3. Консультант вербализует чувства клиента, то есть подбирает названия для того эмоционального опыта, который по его предположению испытывает клиент. Консультант строит свои фразы в форме эмпатических высказываний, например: «Если я вас правильно понял, вы обиделись на него?».

4. Клиент «примеряет» на себя эмпатические высказывания консультанта и предоставляет ему обратную связь. Так в форме диалога происходит подтверждение, уточнение и более точная дифференциация чувств клиента.

Такого рода «разговор о чувствах» не вызывает «сопротивления» клиента (в отличие от прямого вопроса «Что вы чувствуете?») и при-

водит к следующим психотерапевтическим эффектам: появление у клиента навыка вербального формулирования эмоционального опыта¹; более глубокое понимание, осознание и принятие клиентом своего эмоционального опыта; появление «нового» эмоционального опыта, который не был концептуализирован клиентом.

Список литературы

1. Былкина Н.Д. Алекситимия (аналитический обзор зарубежных исследований) // Вест. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1995. № 1. С. 43-53.
2. Былкина Н.Д. Развитие зарубежных психосоматических теорий // Психол. журн. 1997. № 2. С. 149-160.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: М.: Русские словари, 1996.
4. Курек Н.С. Эмоциональное общение матери и дочери как фактор формирования аддиктивного поведения в подростковом возрасте // Вопр. психол. 1997. № 2. С. 48-60.
5. Мандельштам О. Слово и культура: Статьи. М.: Сов. писатель, 1987.
6. Манелис Н.Г., Касаткин В.Н., Горина Н.С., Виноградова Н.М., Чиркова О.Ю. Нейропсихологическая модель мозговой организации высших психических функций у детей, страдающих бронхиальной астмой // Вопр. психол. 2000. № 1. С. 46-53.
7. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997.
8. Ницше Ф. Утренняя заря: Мысли о моральных предрассудках. Свердловск: Воля, 1991.
9. Трунов Д.Г. Иносказательная природа самоотчуждения как социокультурного феномена: автореф. ... канд. филос. наук. Пермь, 2000.
10. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопр. психол. 1999. № 2. С. 61-74.

¹ При этом речь не идет о научении клиента новым словам, а именно об опыте вербализации, т.е. о связывании своего эмоционального опыта с уже известными словами.

THE TYPES AND MECHANISMS OF FUNCTIONAL ALEXITYMIA

D.G. Trunov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The term «functional alexitymia» is entered for indication of the difficulties in verbalisation of the emotional experience without some organic disorders. They are considered different types and mechanisms functional alexitymia: pedagogical, psychological, linguistical. It is offered scheme to correction functional alexitymia in the psychological consultancy.

Keywords: functional alexitymia, pedagogical alexitymia, psychological alexitymia, linguistical alexitymia, emotive lexicon, emotional experience, verbalisation.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.335.7

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РОЖДАЕМОСТЬЮ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*****Е.В. Демидова***

Пермский государственный университет, 614099, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: kathriona@rambler.ru

Анализируется государственная политика в области рождаемости в России в последние годы. Рассматриваются позитивные и негативные проявления осуществляемых мер по стимулированию рождаемости. На основе изучения взглядов ведущих демографов приводится ряд рекомендаций.

Ключевые слова: демографический кризис; материальное стимулирование рождаемости; потребность в детях; демографическая грамотность.

В современной России происходит процесс депопуляции — систематического уменьшения численности населения страны вследствие суженного режима воспроизводства населения, когда последующее поколение численно меньше предыдущего. Крайне низким в настоящее время остается суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за всю ее жизнь): в 2006 г. он составил 1,29 ребенка, тогда как, по расчетам демографов, для простого воспроизводства населения (когда последующее поколение численно равно предыдущему) необходимо, чтобы он составлял 2,1 ребенка в среднем на одну женщину. Для того чтобы начался прирост населения, суммарный коэффициент рождаемости должен быть равен 2,6 ребенка в среднем на одну женщину [14].

Низкий уровень рождаемости в России объясняется не только невысокими доходами населения. Даже в тот период начала XXI в. до кризиса осени 2008 г., когда экономический упадок постперестроечных времен был преодолен и была достигнута определенная стабильность и уверенность в завтрашнем дне, уровень рождаемости, как и в середине 1990-х гг., оставался крайне низким.

По мнению ряда демографов, в частности А.И. Антонова [2; 3], фундаментальной причиной снижения рождаемости в нашей стране, начавшегося еще в 1970-е гг., является ослабление потребности в детях. Оно вызвано отмиранием хозяйственной функции семьи (для реализации которой необходимо большое количество детей в семье), распространением внесемейных ориентаций и ценностей индивидуализма. Соответственно в современном россий-

ском обществе преобладает потребность в 1-2 детях, что ведет к изменению социальных норм рождаемости и уменьшению числа детей в семье. Иными словами, снижение рождаемости вызвано во многом социальными, а не экономическими причинами. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть, в какой степени при реализации современной демографической политики в России учитываются глубинные социальные причины демографического кризиса в стране.

В 1990-е гг. в рамках государственной политики в области рождаемости не ставилось специальной задачи повышения рождаемости в стране, а только осуществлялась материальная поддержка семей с детьми, размеры и реализация которой оставляли желать лучшего. Фокусирование внимания на проблеме низкой рождаемости и необходимости ее повышения произошло только на рубеже XX-XXI вв., поскольку именно к этому моменту существенно сократился уровень иммиграции с постсоветского пространства, маскировавшей отрицательный естественный прирост населения в 1990-е гг., и стали очевидны масштабы демографического кризиса.

Революционным стало послание Федеральному собранию 2006 г., основной темой которого являлась демографическая ситуация в стране. Президент охарактеризовал демографическую проблему как самую острую проблему в современной России. Он обратил особое внимание на такие вопросы, как необходимость повышения ценности семьи и детей в общественном сознании, возникновение для женщины угрозы потери работы или необходимости отказа от профессиональной карьеры в случае рождения второго ребенка при одновременном усилении ее материальной зависимости от мужа. Кроме того, в качестве причин, сдержи-

вающих рождаемость, были названы низкие доходы, плохие жилищные условия, сомнение в возможности обеспечить будущему ребенку необходимое образование, медицинскую помощь и просто приемлемый уровень жизни. В послании был анонсирован пакет мер по стимулированию рождаемости, включая выплату материнского капитала [15. С. 2].

С 1 января 2007 г. вступил в силу Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», известный как «закон о материнском капитале», призванный ослабить действие причин, сдерживающих рождаемость, о которых говорилось в послании, и тем самым простимулировать женщин на рождение второго ребенка.

Согласно данному закону лица, получившие государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, могут распоряжаться его средствами в полном объеме либо по частям по следующим направлениям:

- 1) улучшение жилищных условий (не только приобретение жилья, но и, например, его строительство или покупка строительных материалов);
- 2) получение образования ребенком (детьми);
- 3) формирование накопительной части трудовой пенсии.

Первоначально материнский капитал был установлен в размере 250 тыс. руб. с указанием на необходимость его ежегодного пересмотра с учетом темпов роста инфляции [20].

За прошедшее с момента принятия закона время размер материнского капитала был трижды проиндексирован, в частности, с 1 апреля 2009 г. он составляет 312,16 тыс. руб.

Кроме того, за 3 года в «закон о материнском капитале» был внесен ряд поправок с це-

лью расширения стимулирующего воздействия данной меры государственной политики в области рождаемости. Так, с 1 января 2009 г. средства материнского капитала можно направлять на погашение ипотечных кредитов, при этом возможностью использовать средства материнского капитала обладает не только лицо, получившее сертификат, но и лицо, состоящее с ним в зарегистрированном браке. Такое решение устраняет препятствие по его использованию, вызванное тем, что ипотечный кредит, как правило, зарегистрирован на мужа, а сертификат на материнский капитал записан на жену. По решению Правительства РФ в 2009 г. в условиях финансового кризиса 12 тыс. руб. из материнского капитала разрешено потратить его обладателям на собственные нужды [5. С. 3].

Помимо развития дополнительных мер в настоящее время продолжается реформирование традиционных форм государственной поддержки семей, имеющих детей. С 1 января 2007 г. в Федеральном законе «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» существенно изменены условия назначения ежемесячного пособия по уходу за ребенком, выплачиваемого в течение 1,5 лет после рождения: право на это пособие теперь распространяется и на граждан, не подлежащих обязательному социальному страхованию, т.е. на неработающих граждан. В частности, согласно новой редакции закона ежемесячное пособие могут получать женщины, обучающиеся на очной форме обучения в образовательных учреждениях начального, среднего, высшего и послевузовского профессионального образования и находящиеся в отпуске по уходу за ребенком. Возможность получения ежемесячного пособия по уходу за ребенком неработающими женщинами являет-

ся важным шагом вперед в развитии государственной политики в области рождаемости.

Непосредственное исполнение, реализация государственной демографической политики ложится на плечи региональных и муниципальных органов власти, которые, кроме того, имеют право проводить самостоятельную демографическую политику, не противоречащую федеральному законодательству. По мере осознания масштабов демографического кризиса на федеральном уровне происходит активизация демографической политики в регионах, в том числе и в Пермском крае.

С 2007 г. во исполнение федеральной целевой программы «Жилище» в регионе действует краевая целевая программа «Обеспечение жильем молодых семей в Пермском крае на 2007-2010 годы». Одной из заявленных целей данной программы является улучшение демографической ситуации в Пермском крае, при этом рост рождаемости в молодых семьях за указанный период рассматривается как один из критериев эффективности программы и как один из ее целевых показателей. Согласно данной программе молодой семье (возраст супругов до 35 лет) из средств регионального и местного бюджетов предоставляется социальная выплата для улучшения жилищных условий в размере 35% средней стоимости жилья для молодых семей, не имеющих детей, и 40% средней стоимости жилья для молодых семей, имеющих одного и более детей, а также для неполных молодых семей [7]. Актуальность данной программы не вызывает сомнений, т.к. жилищная проблема является, пожалуй, самой острой проблемой для молодой семьи, во многом влияющей на решение о рождении ребенка: например, о сроках рождения первенца или о рождении второго ребенка.

Пермский край с середины 1990-х гг. сохраняет за собой звание региона-инноватора государственной политики в области рождаемости. Так, в дополнение к целевой программе «Обеспечение жильем молодых семей в Пермском крае на 2007-2010 годы» молодым семьям при рождении (усыновлении) ребенка предоставляется дополнительная субсидия из средств краевого бюджета в размере 5% средней стоимости жилья [7].

С 1 октября 2007 г. действует пилотный проект, согласно которому семьям, имеющим детей в возрасте от 1,5 до 5 лет, не посещающих муниципальные дошкольные образовательные учреждения, выплачивается пособие в размере 2260 руб. в месяц с ежегодной индексацией в соответствии с инфляцией [16]. Данная мера, несомненно, является актуальной, поскольку в регионе, как и в стране в целом, существует проблема обеспеченности дошкольными учреждениями.

Кроме того, в Пермском крае неработающим женщинам с 30 недель беременности и беременным женщинам, проживающим в семьях, имеющих среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, выплачивается единовременное социальное пособие. Одновременно с этим в крае установлено специальное единовременное пособие при многоплодных родах [17].

Иными словами, политика в области рождаемости на федеральном и региональном уровнях продолжает совершенствоваться. Однако необходимо трезво оценивать данные меры, для того чтобы, не умаляя их достоинств, выявить и устранить те недостатки, которыми они, без сомнения, обладают.

Прежде всего, отметим, что признание властями демографического кризиса острейшей проблемой в современной России, а преодоле-

ние его — одной из приоритетных государственных задач на ближайший период может быть оценено только положительно и заслуживает однозначного одобрения. Тем не менее современная политика в области рождаемости обладает существенными недостатками и содержит ряд проблемных вопросов, которые необходимо рассмотреть более подробно.

Основные проблемы управления рождаемостью в современной России можно разделить на две группы: проблемы реализации принятых законодательно государственных мер в области рождаемости и, что более существенно, проблемы адекватности и эффективности самих этих мер.

Первая группа проблем является более простой для рассмотрения и менее трудной для решения. В первую очередь, к ним относятся проблемы, связанные с областью законодательства. Для законодательной базы государственной политики в области рождаемости характерны общие недостатки современной законодательной базы России, в частности, отсутствие четкого разграничения полномочий, а также работоспособного механизма взаимодействия между уровнями власти. С этой точки зрения даже разрекламированный «закон о материнском капитале» далек от совершенства. Во-первых, в законе четко не прописано, каким образом будет отслеживаться перемещение претендента на материнский капитал по территории страны. Сертификаты на материнский капитал выдаются в отделениях Пенсионного фонда по месту жительства, а в законе не предусмотрены меры по выявлению тех граждан, которые захотят, поменяв место жительства, еще раз получить «лишние» 312 тыс. руб от государства. Во-вторых, не предусмотрены последствия ситуации, когда ребенок умирает, а сертификат уже выдан. В-третьих, отсутствует

полная ясность в ситуации рождения женщиной первыми родами близнецов: формально такая женщина имеет право претендовать на материнский капитал, т.к. имеются 2 свидетельства о рождении и в органах ЗАГС дети записаны по порядку, т.е. есть «первый», а есть «второй» ребенок. Однако на Internet-форумах имеется немало свидетельств того, что в такой ситуации было отказано в выплате материнского капитала. Кроме того, закон не учитывает реального положения дел в работе Пенсионного фонда: в течение месяца после получения заявления Пенсионному фонду, помимо всего прочего, необходимо проверить достоверность всех документов заявителя, посылая запросы в различные организации, что в российской действительности за такой срок не представляется возможным.

В целом же из-за невыполнения действующего законодательства в области охраны материнства значительная часть работающих женщин, особенно в частном секторе, не получает пособия по беременности и родам, отпуска и пособия по уходу за детьми и во многих случаях даже теряет работу после рождения ребенка.

Таким образом, реализация разработанных государством мер в области рождаемости сопряжена с определенными проблемами. Однако гораздо более важно оценить сами меры и попытаться определить последствия, к которым может привести их осуществление, т.е. рассмотреть вторую группу проблем управления рождаемостью в современной России.

Нетрудно заметить, что современная российская государственная политика в данной области направлена на материальное стимулирование рождаемости. Абсолютное большинство отечественных и зарубежных демографов негативно оценивает подобную направленность государственной политики.

Политика материального стимулирования рождаемости, ориентированная на достижение скорого и зримого эффекта, приводит к смещению «календаря рождений», т.е. к сокращению интервалов между рождением первых и вторых детей. Непродолжительный эффект увеличения рождаемости, обусловленный этим, создает только видимость улучшения демографической ситуации без существенного изменения итоговой рождаемости поколения. Подобного мнения придерживаются не только отечественные, но и зарубежные демографы — представители стран, имеющих гораздо больший, чем Россия, опыт управления рождаемостью. В частности, можно привести мнение британского демографа Маргарет Саттеруэйт: «Меры вроде единовременных постановлений правительства по материальному стимулированию рождаемости подвигнут женщин, откладываявших рождение одного или двоих детей по причинам финансовой неустроенности, завести их уже завтра, но это вряд ли как-то отразится на конечном количестве детей, ими рожденных» [18. С. 84].

Ученые нередко проводят параллель между современной ситуацией в стране и ситуацией середины 1980-х гг., когда были приняты существенные меры по поддержке семей с детьми: введение оплачиваемых декретных отпусков, ежемесячных пособий, увеличение числа дошкольных учреждений. В этот период как раз проявился эффект смещения «календаря рождений», произошла аккумуляция вторых рождений, в результате чего был быстро исчерпан потенциал матерей, желающих иметь двоих детей, что обернулось обвалом рождаемости в начале 1990-х. Демографы предупреждают о возможном повторении этих последствий в начале 2010-х гг.

Помимо этого, материальное стимулирование рождаемости дестабилизирует и общест-

венные процессы. Скачущая численность возрастных групп приводит к неравномерности распределения нагрузки на детские дошкольные, образовательные, медицинские, досуговые учреждения, в результате чего они оказываются перегруженными в один период и недогруженными в другой. Следовательно, первоначально происходит активное строительство данных учреждений, а затем их закрытие с соответствующей потерей работы их сотрудниками. С такой же проблемой нерационального использования ресурсов в дальнейшем сталкиваются вузы и армия [4. С. 92].

К проблемам политики материального стимулирования рождаемости следует отнести и то, что она а priori обречена на возрастающую стоимость. При этом рост расходов, скорее всего, будет происходить в геометрической прогрессии. Это вызвано привыканием семей к выплатам: через некоторое время размеры выплат перестанут оказывать влияние на репродуктивное поведение и потребуются их очередное весомое увеличение.

Наряду с этим ряд исследователей, в частности А.И. Антонов, обращают внимание на то, что политика материального стимулирования рождаемости имеет не столько прямой эффект, сколько косвенный. Так, всплеск рождаемости в середине 1980-х гг. объяснялся не скромными пособиями по уходу за ребенком, а кратковременным изменением общественного климата в пользу семейных ценностей под влиянием государственных мер помощи семьям с детьми. Для людей важна была не денежная помощь сама по себе, а возможность почувствовать внимание к себе, ощущение окружения заботой, осознание, что государство приложит усилия для блага их детей. Этот психологический фактор, по мнению Антонова, непременно сработает (сработал) и в данном случае: после вве-

дения материнского капитала и появления многочисленных репортажей в СМИ о матерях, получивших сертификат [1]. А подобный эффект, несомненно, будет кратковременным, и потребуются введение новых государственных мер.

На критику политики материального стимулирования рождаемости в целом накладывается критика реализации данной политики в России. Если единовременные выплаты по рождению ребенка в последние годы достигли отметки, существенной для среднего россиянина (9500 руб. для всех родивших женщин и единовременное пособие по беременности и родам, которое рассчитывается исходя из ежемесячного заработка), то ежемесячные пособия имеют гораздо меньшие размеры (не более 7500 руб.) [5. С. 3]. Они выплачиваются только в течение первых 1,5 лет после рождения ребенка, тогда как расходы на детей постепенно увеличиваются по мере их взросления, и семья нуждается в последующих формах поддержки, не получая которую, она отказывается от последующих рождений. Важно увеличивать ежемесячные пособия, т.к. именно ежемесячные, а не единовременные расходы на детей, являются основной причиной снижения уровня жизни в семьях с детьми. Стимулирование рождаемости должно предполагать целостный взгляд на проблему. Если государству удастся «соблазнить» женщину родить ребенка, необходимо продумать и весь дальнейший путь его воспитания; поддержав однажды, целесообразно поддерживать его и в дальнейшем. Политику в области рождаемости не следует трактовать только как политику, нацеленную на увеличение числа рождений, очень важно учитывать и «качественные» характеристики рожденных детей. Надо создавать соответствующие условия для того, чтобы рожденных детей вырастить здоровыми и образованными людьми.

ми [6]. Однако в современной России политика в области рождаемости пока не удовлетворяет данным требованиям.

Результаты различных исследований, в том числе и широкомасштабного социологического исследования по оценке россиянами социальной политики государства, проведенного в 2006 г. специалистами Института социологии РАН под руководством его директора М.К. Горшкова [13], свидетельствуют о том, что женщины отказываются от рождения второго ребенка отнюдь не только из-за материальных соображений. На первый план выходят сопутствующие этому личные проблемы: потеря перспектив на работе, организационные проблемы, отказ от активного образа жизни, от досуговой деятельности и т.д. Помочь с решением этих проблем могло бы развитие сети дошкольных, школьных и внешкольных детских учреждений, а не просто дополнительные денежные выплаты.

По данным этого же исследования, наиболее негативные оценки государственной политики в области рождаемости встречаются среди жителей мегаполисов. Это связано с тем, что в мегаполисах болезненнее, чем в других типах поселений, воспринимают проблемы, связанные с работой детских дошкольных учреждений. Воспитывать детей в мегаполисах относительно тяжелее, чем где бы то ни было: стоимость жизни в них дороже, различные риски для детей — от личной безопасности до угрозы наркомании — достаточно высоки, огромны риски для матери, связанные со снижением ее конкурентоспособности на рынке труда. Кроме того, в мегаполисах окончательно происходит разрыв молодой семьи с родительской семьей, которая, как правило, остается жить в других городах и селах, в результате чего становится невозможной помощь бабушек и дедушек в

воспитании ребенка. Система же государственной помощи семьям с детьми (дошкольные, школьные, внешкольные детские учебные и воспитательные учреждения), которая могла бы позволить россиянам самостоятельно решать свои материальные проблемы, со своими задачами в мегаполисах, да и в целом в стране, справляется плохо. Необходимо создавать условия для того, чтобы рождение детей не входило в противоречие с карьерными и образовательными планами молодых женщин.

В западных странах принято считать, что политика стимулирования рождаемости должна быть направлена преимущественно на социальные группы, занимающие высокое положение, например на успешных женщин. Логика сторонников этой точки зрения такова: женщина, сделавшая себя сама, выучившаяся, занявшая достойное положение в обществе и на рынке труда, мобильная и стремящаяся к творческому самовыражению, таким же образом будет воспитывать и собственных детей. Она даст им хорошее образование, оплатит расходы, передаст позитивные установки и дух творческой активности. Безусловно, на данный момент для России такая политика не так актуальна, т.к. «класс» бизнес-леди не столь многочислен, но поскольку он постепенно растет и будет расти дальше, необходимо включать его в орбиту государственной политики в области рождаемости. Государству выгодно сегодня именно таких женщин стимулировать к рождению ребенка, т.к. в дальнейшем государственные расходы на его содержание, как было отмечено выше, будут минимальны.

Однако проблема заключается в том, что у государства нет на сегодняшний день стимулов для данной категории женщин. Сомнительно, что тот же материнский капитал — решающий аргумент в пользу рождения детей для успеш-

ных семей. Женщина, имеющая хорошее образование, много работающая и хорошо зарабатывающая, при решении дилеммы «карьера или еще один ребенок» сталкивается с проблемами, не связанными с вопросами денежных доходов: она хочет, например, чтобы у детей в квартире были собственные комнаты. Сумма же материнского капитала позволяет в крупных городах при нынешних ценах на жилье приобрести лишь около 10 кв. м или сократить на несколько лет срок выплаты ипотечного кредита.

Иными словами, по мнению большинства демографов, государственная политика в области рождаемости в России идет по пути наименьшего сопротивления. К примеру, удовлетворить потребность в собственном жилье сложнее, чем выдать родовой сертификат или материнский капитал; создавать современную инфраструктуру дошкольных учреждений гораздо дороже, чем выплачивать ежемесячное пособие до 1,5 лет (или же, как в Пермском крае, выплачивать пособие матерям, чьи дети не посещают детские сады). Демографическая политика в России, в том числе и политика в области рождаемости, смещается в область доступного и информационно яркого действия.

Всю приведенную выше критику материального стимулирования рождаемости не следует рассматривать как призыв к отказу от его проведения. Речь идет о том, что ни в коей мере нельзя ограничиваться только этим направлением политики в области рождаемости. Экономическое стимулирование рождаемости (материальные выплаты и улучшение жилищных условий) приведет лишь к улучшению условий реализации потребности в двух детях, т.е. подтолкнет к решению родить второго ребенка тем женщинам, кто этого хочет, но не окажет влияния на саму эту потребность, не вызовет желания у российских женщин родить третьего ре-

бенка. Безусловно, для современной России и это станет огромным успехом, но не поможет преодолеть демографический кризис.

По мнению А.И. Антонова, предпринимаемое в настоящее время материальное стимулирование рождаемости должно быть лишь первым шагом в осуществлении государственной политики в области рождаемости. Главным же должен стать второй этап — повышение потребности в детях. Чтобы этого достичь, необходимо сфокусировать систему ценностных приоритетов населения на семью с несколькими детьми и устранить внесемейный характер общественного мнения [1]. Очень важно создать положительное информационное поле вокруг многодетной семьи. К примеру, СМИ могли бы больше внимания уделять известным людям, политикам, бизнесменам, которые растят много детей.

Другой российский демограф, А.Б. Синельников, заявляет, что сами семьи не считают свою однодетность проблемой, поэтому необходимо продемонстрировать таким семьям негативные стороны рождения только одного ребенка. При нынешнем уровне смертности 30% сыновей и 12% дочерей умирают раньше, чем их матери. Родители, решая ограничиться одним ребенком, обычно не думают о том, что могут из-за его преждевременной смерти вновь стать бездетными уже в пожилом возрасте. Но если в сообщениях о несчастных случаях, которыми сейчас пестрит пресса, всегда будет указываться семейное положение жертв, многие люди поймут, что иметь одного ребенка — это слишком мало.

Также, по мнению А.Б. Синельникова, следует сформировать общественное мнение, осуждающее детей, которые бросают своих пожилых родителей на произвол судьбы или сдают их в дома престарелых. Иначе исчезнет один из

стимулов к рождению детей: они перестанут быть гарантией от одинокой старости. Политика, активизирующая повышение рождаемости, только тогда достигнет своих целей, когда она будет сопровождаться эффективной семейной политикой, направленной на укрепление брака, усиление связи и взаимопомощи между поколениями, а также повышение престижа домашнего хозяйства [19].

Однако, несмотря на усилия информационной политики, проводимой в поддержку государственных мер в области рождаемости, в настоящее время в обществе сохранился негативный образ многодетной семьи, как иждивенческой, асоциальной, девиантной. «В обывательских представлениях многодетная семья — это ненормально. Многодетные — это безответственные люди, не имеющие устойчивых навыков контрацепции и прерывания беременности, которые хотят жить за счет государства, плодят нищету» [10].

Свою лепту в отношение общества к многодетным семьям вносит и государственная власть. В законодательстве РФ статус многодетной семьи не определен ни на федеральном уровне, ни на уровне субъектов. В некоторых регионах, например в Марий Эл, при стабильно высокой убыли населения и минимальном количестве льгот для многодетных семей, семьи с тремя детьми многодетными не считаются. «Закон о материнском капитале» рассчитан на стимулирование женщин к рождению второго ребенка, но не третьего и последующих. Все это вызывает серьезные опасения о будущем страны, так как, по мнению абсолютного большинства демографов, для стабилизации численности населения России (без его прироста) необходимо, чтобы более половины семей имело трех и более детей. В то же время по данным переписи населения 2002 г. из об-

щего числа семей, имеющих детей моложе 18 лет, число семей с 1 ребенком составляет 65%, с 2 детьми — 28%, с 3 и более детьми — всего лишь 6% [12. С. 267]. За прошедшие после переписи 8 лет ситуация существенно не изменилась. Без всесторонней поддержки многодетных семей и проведения масштабных мер по увеличению рождений в семьях третьих и последующих детей демографический кризис в России будет только усугубляться.

Помимо рассмотренных проблем управления рождаемостью в современной России, существует еще проблема необоснованной оценки ее результатов средствами массовой информации и правительством.

Для определения эффективности политики в области рождаемости необходимо научиться отличать:

- а) эффект сознательно проводимой политики государства от эффекта изменения численности женщин репродуктивных возрастов;
- б) эффект демографической политики от результатов социально-экономической политики;
- в) эффект смещения «календаря рождений» от собственно повышения рождаемости.

В первом случае речь идет о том, что увеличение числа родившихся может быть результатом увеличения числа женщин репродуктивного возраста, тогда как рождаемость остается на прежнем уровне, поскольку не происходит роста суммарного коэффициента рождаемости (числа детей, рожденных женщиной в среднем в течение ее жизни). В последние годы в активный репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение женщин, рожденных в середине 1980-х гг., когда активизация демографической политики, перестройка и антиалкогольная кампания вызвали всплеск рождаемости. Соответственно в последние несколько

лет вне зависимости от государственных мер должен был произойти рост показателя числа родившихся за год.

Во-вторых, с 2000 г. постепенно росло качество жизни россиян, в том числе росли доходы, а это не могло не сказаться на репродуктивном поведении в силу более высокой оценки условий реализации потребности в детях. Рост числа рождений происходит с 2000 г., т.е. начался он задолго до появления новейших инициатив в области демографической политики, что указывает на действие результатов социально-экономической политики в целом.

В-третьих, необходимо учитывать такое явление, как описанный выше эффект смещения «календаря рождений», который также дает прирост числа родившихся, но не свидетельствует о повышении потребности в детях.

Помимо всего прочего, демографические процессы, в том числе и рождаемость, являются инерционными, т.е. быстрое социальное управление ими невозможно. Принципиальные демографические изменения происходят при смене одного-двух или даже более поколений. Результаты социальных воздействий на инерционные процессы становятся заметными на протяжении двух-трех десятков лет, в лучшем случае в рамках брачных поколений.

В свете всего сказанного вызывает недоумение многочисленные упоминания в СМИ о «значительном росте рождаемости» и «ярком успехе демографической политики». К сожалению, подобные фразы звучат не только из уст журналистов, но и из уст первых лиц государства. Так, в своем последнем послании Федеральному Собранию 26 апреля 2007 г. В.В. Путин отметил увеличение рождаемости, произо-

шедшее за 2006 г. и первые месяцы 2007 г., назвав их первыми результатами демографической политики и свидетельством правильности государственных мер [9. С. 2]. Официальный сайт, посвященный приоритетным национальным проектам, в июне 2007 г. заявил: «Результаты новой государственной политики — введения материнского капитала и увеличения пособий по уходу за ребенком — стали заметны уже в апреле нынешнего года (2007г.): рождаемость в стране выросла на 8,5%» [11]. Напомним, что «закон о материнском капитале» вступил в действие с 1 января 2007 г., и к тому моменту выдача сертификатов еще только началась.

Данные демографической статистики, которые публикуются в СМИ и приводятся в официальных отчетах государственных учреждений, как правило, принимают во внимание «первые» и «вторые и последующие» рождения (т.е. происходит объединение числа родившихся детей по принципу «2 и более»). В частности, в докладе главы Минздравсоцразвития России Т.А. Голиковой на заседании Межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Здоровье» 20 ноября 2009г. было отмечено, что «в процентном отношении с 2005 по 2009 г. коэффициент рождаемости вырос при вторых и последующих рождениях» [8].

На упомянутом выше сайте, посвященном приоритетным национальным проектам, приведена следующая статистика рождений по месяцам за 2008 г. [11]:

Округ	Показатели	Всего	Месяцы			
			Январь	Февраль	Март	Апрель
Центральный	1-й ребенок:	95 650	16 573	15 016

	2-й и более:	52 098	7 667	7 420
...

С точки зрения реальной оценки государственной политики в области рождаемости было бы важнее посмотреть на статистику третьих и последующих рождений, т.к. только их прирост может вывести страну из демографического кризиса. Несомненно, недавние меры по материальному стимулированию рождаемости привели к увеличению количества вторых детей в России, но мало сказались на появлении третьих. Возможно, подобный статистический подсчет объясняется тем, что для демонстрации успехов демографической политики выгоднее объединить эти цифры и скрыть отсутствие значительного прироста третьих детей.

Таким образом, сегодня намеренно или ненамеренно эффект увеличения числа женщин репродуктивных возрастов и итоги восьмилетнего роста социально-экономического благополучия выдаются за яркий успех политики, проводимой в области рождаемости.

Иными словами, необходимо повышение демографической грамотности тех, кто отвечает за проведение политики в области рождаемости, подготовка и переподготовка кадров в области демографической и семейной политики, повышение информированности населения о демографической ситуации в стране и ее последствиях.

Наряду с этим важно инвестировать средства в глубокое изучение репродуктивного поведения россиян и анализ возможных последствий реализации мер государственной политики в области рождаемости, прежде чем тратить огромные суммы на выполнение различных задач.

Таким образом, государственная политика в области рождаемости в постсоветской России «прошла путь» от традиционных форм под-

держки семей с детьми до осознания необходимости принятия целенаправленных мер по стимулированию рождаемости для преодоления демографического кризиса. Государственная политика в области рождаемости сама по себе является одним из факторов, влияющих на изменение рождаемости. Однако по итогам научного рассмотрения можно сделать вывод, что при управлении рождаемостью в современной России в должной мере не принимаются во внимание научные знания о рождаемости и репродуктивном поведении, результаты социологических исследований и опыт зарубежной демографической политики; при этом делаются оптимистические заявления об улучшении демографической ситуации уже в ближайшее время. Следовательно, для выхода из демографического кризиса необходимо значительное усовершенствование политики в области рождаемости в России и изменение отношения власти и населения к демографической проблеме.

Список литературы

1. Антонов А.И. О соответствии мер и средств демографической политики её долгосрочным целям (опыт демографической экспертизы) // Демограф. исслед.: науч. интернет-журн. 2006. № 4. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=23&idArt=416 (дата обращения: 10.01.2010).
2. Антонов А. И. Причины и последствия депопуляции в России // Почему вымирают русские: последний шанс: сб. ст. / под ред. А.И. Антонова. М.: ЭКСМО, 2004. С. 35-51.
3. Антонов А.И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980.
4. Быстров А.А. Материнский капитал: стимулирование рождаемости? // Социол. исслед. М.: Наука, 2008. № 12. С. 91-96.
5. Дебютный отчет // Рос. газ. 07.04.2009. № 4883.
6. Елизаров В.В. Проблемы усиления экономической поддержки семей с детьми и стимулирова-

- ния рождаемости // Демограф. Исслед.: науч. интернет-журн. 2006. № 10. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=601 (дата обращения: 10.01.2010).
7. Закон Пермского края о краевой целевой программе «Обеспечение жильем молодых семей в Пермском крае на 2007-2010 годы» от 7 дек. 2006 г. № 33-КЗ // Пермский региональный сервер. URL: <http://www.perm.ru/region/laws/> (дата обращения: 08.01.2010).
 8. Кризис не повлиял на рост рождаемости в Российской Федерации // Официальный сайт Министерства здравоохранения и социального развития РФ. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/health/prior/47> (дата обращения: 07.01.2010).
 9. «Мне выступить с политическими завещаниями преждевременно» // Рос. газ. 27.04.2007. № 4353.
 10. Многодетные семьи: возможность преодоления демографического кризиса в России // Демограф. исслед.: науч. интернет-журн. 2006. № 11. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=599 (дата обращения: 10.01.2010).
 11. О демографии // Официальный сайт о приоритетных национальных проектах. URL: <http://www.rost.ru/main/demography.shtml> (дата обращения: 08.01.2010).
 12. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.14. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.
 13. Официальный сайт Института социологии РАН (разд. «Аналитические доклады»). URL: http://www.isras.ru/analytical_report_SociaPpolicy_0.html (дата обращения: 10.01.2010).
 14. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo27.htm (дата обращения: 07.01.2010).
 15. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 11.05.2006. № 4063.
 16. Постановление Правительства Пермского края «О пилотном проекте «Предоставление пособий семьям, имеющим детей в возрасте от 1,5 до 5 лет, не посещающих муниципальные дошкольные образовательные учреждения» от 15.10.2007. № 232-п // Пермский региональный сервер. URL: <http://www.perm.ru/region/laws/> (дата обращения: 08.01.2010).
 17. Постановление Правительства Пермского края «О предоставлении мер социальной поддержки малоимущим семьям, имеющим детей, и беременным женщинам» от 06.07.2007 № 130-п // Там же (дата обращения: 09.01.2010).
 18. Саттеруэйт М. Россия, застрявшая в переходе // Эксперт. 2006. № 35 (529). С. 82-87.
 19. Синельников А. Б. Трансформация семейных отношений и её значение для демографической политики в России // Демограф. исслед.: науч. интернет-журн. 2006. № 5. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683 (дата обращения: 10.01.2010).
 20. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 9 дек. 2006 г. № 256-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

SOCIAL PROBLEMS OF THE STATE INTERFERENCE IN FERTILITY IN MODERN RUSSIA

E. V. Demidova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The recent national fertility policy in Russia is analyzed. Positive and negative aspects of the pursued pronatalist policy are considered. The list of recommendations, based on the study of the leading demographer' views, is provided.

Key words: demographic crisis; financial incentives of fertility; need for children; awareness of demographic issues

УДК 304.3

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОТНОШЕНИИ К ЗДОРОВЬЮ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.С. Гордеева

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru

Рассматриваются гендерные различия в отношении к здоровью. Представлены наиболее распространенные научные взгляды, связанные с гендерными различиями в здоровье, самосохранительном поведении мужчин и женщин. Определены понятия «гендер», «самосохранительное поведение». Показана важность социологических исследований, касающихся здоровья и здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровье; гендер; самосохранительное поведение; образ жизни.

В настоящее время проблема сохранения и укрепления здоровья в России актуальна для всех возрастных групп населения. Студенческая молодежь относится к группе населения с повышенным риском заболеваний в связи с большой психоэмоциональной и умственной нагрузкой. Многим молодым людям приходится адаптироваться к новым условиям проживания и обучения в вузах. Многочисленные исследования показывают, что значительная часть современной молодежи не ориентирована на сохранение собственного здоровья и в 80-85 % случаев отмечаются нарушения в состоянии организма молодых людей. Особую тревогу вызывает состояние здоровья девушек. Женщина — продолжательница человеческого рода, и от ее психофизического состояния зависит нравственное и физическое здоровье подрастающего поколения. Здоровье личности является индикатором ее социальной перспективности; это один из немногих аспектов жизнедеятельности,

где гендерные различия долгое время были не в пользу женщины.

Под гендером понимается социальный пол человека, который характеризует особенности социальных функций мужчины и женщины. Гендер формируется в процессе социализации личности и включает в себя психологические, социальные и культурные различия между мужчинами и женщинами [10.С.27].

Исследование гендерных отношений постепенно становится неотъемлемой частью большинства социальных и гуманитарных наук, при этом разные научные сообщества демонстрируют разную степень заинтересованности во включении гендерной тематики в интеллектуальное поле своих исследований. В России среди сложившихся обществоведческих дисциплин наиболее интенсивно в последние годы осваивает гендерную проблематику социология.

Всякая социологическая теория предполагает интерпретацию социально организованных

отношений между полами. Обсуждение мужественности и женственности и их соотношения мы можем найти у Маркса и Дюркгейма, Зиммеля и Парсонса, Хабермаса и Бурдьё, Гидденса и Лумана, Гофмана и Гарфинкеля. Логика марксистской социологии при всех вариантах приводит исследователей к утверждению, что гендерные отношения, т.е. отношения между полами, это один из аспектов производственных отношений, которые мыслятся как отношения эксплуатации человека человеком. При этом разделение труда между мужчиной и женщиной рассматривается как первичное, необходимое условие существования человеческого рода. Эмиль Дюркгейм связывает изменение положения полов с общественным разделением труда и развитием цивилизации. В результате социального развития, считает Дюркгейм, один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой — интеллектуальными. В основании диссоциации функций находятся дополняющие друг друга различия.

Колоссальное влияние на осмысление отношений между полами в социологической науке имели труды Талкотта Парсонса и, в частности, совместная монография Парсонса и Бэйлза. Согласно взглядам этих авторов, женщина выполняет экспрессивную роль в социальной системе, мужчина — инструментальную. Экспрессивная роль женщины заключается в осуществлении заботы, создании эмоционального климата, поддержании психологического баланса в семье. Её роль — это монополия домашней хозяйки, сфера ответственности женщины. Инструментальная роль мужчины состоит в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль добытчика, защитника. Механизмом создания гендера является гендерный дисплей — набор ритуализированных действий, совершаемых

индивидом в ситуациях взаимодействия лицом к лицу. Данные действия воспринимаются как выражение естественной половой сущности индивидов. «Гендерная игра», осуществляемая в социальных взаимодействиях, становится «естественным» проявлением сущности (биологического пола) актеров, которая организована социально. Половые различия наделяются социальным смыслом в соответствии с принципами институциональной рефлексивности.

Гендерный подход на Западе формировался как когнитивная практика женского движения. В России женское движение не являлось массовым и политически сильным, однако и оно начинает вырабатывать новые способы осмысления положения полов в обществе, а также формирует запрос на теоретическую разработку данной тематики [5.С.15].

В гендерных исследованиях сложилась традиция сравнивать социальный статус мужчины и женщины по таким показателям, как власть, доход и престиж. Уровень здоровья — важное дополнение к традиционным гендерным показателям, свидетельство уровня развитости экономики и культуры, благополучия общества [11.С.134]. Существует так называемый гендерный стереотип, согласно которому женщины оценивают свое здоровье ниже, чем мужчины, но живут дольше [8]. Уровень здоровья определяется действием биологического и социокультурного факторов. Полагают, что преимущество женщин в уровне здоровья обеспечивается, прежде всего, действием биологического фактора. По расчетам специалистов разница в средней продолжительности жизни мужчин и женщин, обусловленная биологическим фактором, составляет 1,9-2,1 года. Остальное — результат действия социокультурных факторов, которые после выравнива-

ния полов к периоду половой зрелости оказывают решающее влияние на различия в продолжительности жизни и состоянии здоровья человека [11.С.134].

Влияние социокультурного фактора проявляется в традиционном ролевом поведении мужчин и женщин в семье, когда мужчины обеспечивают в семье достаток, а женщины занимаются домашним хозяйством, рождением детей и уходом за ними, несут ответственность за здоровье детей, членов семьи и ее психологическое благополучие. Поэтому будущим матерям необходимы навыки заботы о здоровье, знания о культуре питания, бытовой гигиены и др. Ответственность женщины за здоровье детей определяет существенную социальную значимость ее адекватных ценностных ориентаций, направленных на культуру самосохранительного поведения и выживание рода. Таким образом, биологические особенности и исторически сложившиеся ролевые функции женщин обуславливают развитие более высокой, чем у мужчин, культуры самосохранения [Там же].

Понятие «самосохранительное поведение» в социологии определяется как система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни [2.С.268]. Впервые в нашей стране пилотажные исследования самосохранительного поведения начала проводить небольшая группа социологов и демографов под руководством проф. А.И. Антонова, сначала в Центре по изучению проблем народонаселения (на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова) в 1980-1983 гг., затем в Институте социологии АН СССР в 1984-1986 гг. По результатам исследований, проведенных этой группой, было обнаружено, что мужчины в целом более пес-

симистичнее, чем женщины, оценивают свое здоровье. Как «хорошее» его оценили лишь 30% опрошенных мужчин в сравнении с 48% женщин, а доля тех, кто оценил свое здоровье как «плохое», среди мужчин оказалась в 2,5 раза больше, чем среди женщин. При этом из всех факторов, в наибольшей степени влияющих на здоровье, у мужчин на первом месте оказались «условия жизни» (41%), а важность «усилий самого человека» в достижении хорошего здоровья отметили лишь 29%. У женщин такие мнения выразили соответственно 28 и 39%. Таким образом, женщины проявили более высокую компетентность в вопросе сохранения здоровья [2.С.269].

Вместе с тем отмечается, что у женщин несколько ограничен доступ к ресурсам в системе здравоохранения, меньше возможностей сохранить свое здоровье. Это объясняется трудоемкостью домашних забот и полным рабочим днем на производстве. Приводятся данные, свидетельствующие о том [8], что женщины в среднем тратят на все виды домашнего труда в неделю 30,3 час., а мужчины — 14,0 час.

Исторически сложилось так, что в России традиционные функции женщин в сфере здоровья реализовывались в достаточно агрессивных установках. Нагрузки женщин (работа по дому, рождение и воспитание детей) дополнились после революции 1917 г. традиционно мужскими: обеспечение наравне с мужчинами материального благополучия семьи, защита ее интересов в обществе, ответственность за воспитание детей. Советская среднестатистическая семья не могла прожить только на зарплату мужа, и поэтому жена также работала полный рабочий день, имела соответствующий уровень квалификации и социальной ответственности. Здоровье населения провозглашалось общественным

достоянием, но забота о личном здоровье считалась проявлением индивидуализма и мещанства. Конечно, идея вторичности ценности здоровья в обществе и изъятие из общественной жизни «защитной дискриминации» не могли не затронуть культуры женского самосохранения и самодостаточности, в которую стали активно включать и вредные привычки, ненормативную лексику и т.п.

В целом советская социальная политика сформировала уровень культуры самосохранения населения намного ниже стандартов в этом вопросе развитых стран, что и стало особенно заметно тогда, когда в России произошел переход к рыночной модели экономического развития. Первые места стали «занимать» хронические заболевания, появление которых в основном связывалось с образом жизни. Различались гендерные факторы ухудшения здоровья: мужчины в первую очередь страдали от набора вредных привычек (в основном алкоголь и курение), от нервного перенапряжения на работе, женщины — от малоподвижного образа жизни, плохой организации питания и отдыха.

Реформы 90-х гг. XX столетия оказали двоякое воздействие на ценностные ориентации различных слоев населения применительно к здоровью. Появилось социальное неравенство в объеме и качестве оказания медицинских услуг. Люди с хорошими стартовыми условиями вхождения в рынок (денежный достаток, образование и востребованная профессия, социальный связи) стали усваивать нормы поведения населения развитых стран, где здоровье является неотъемлемой характеристикой профессионального роста и социального благополучия. В основной массе населения нашей страны расхождение по уровню доходов отразилось в первую очередь на условиях поддержания здоровья. При низкой культуре самосохранения и

инструментальной ценности здоровья массовой стратегией поведения в отношении здоровья стала его эксплуатация. Так, дополнительная занятость, постоянный стресс и напряжение, ухудшение условий дополнительного труда, отказ от отпусков, отсутствие свободного времени — все это вынужденные жертвы, на которые малообеспеченные люди шли ради поддержания уровня жизни. Здоровье основной массы населения начиная с 1990-1992 гг. имело отчетливую тенденцию к ухудшению.

В настоящее время изучение механизмов, обуславливающих гендерные различия в состоянии здоровья, осуществляется в рамках двух концептуальных подходов.

В соответствии с первым из них и с теорией неравного воздействия женщины теряют здоровье вследствие ограниченности доступа к материальным и общественным ресурсам, ресурсам здравоохранения, а также повышенного стресса, связанного с реализацией гендерных и семейных ролей. Женщины занимают иные, по сравнению с мужчинами, структурные позиции: они чаще либо не работают, либо трудятся на низкооплачиваемых должностях и воспитывают детей в состоянии развода с мужем. Отмечаются также гендерные различия в стереотипах поведения: среди мужчин в большей степени распространены курение, злоупотребление алкоголем, наличие несбалансированной диеты, что касается женщин, то они менее физически активны. Эмпирически подтверждается также то, что женщины испытывают больший груз ответственности в выполнении своих социальных ролей. Примечательно и то, что женщины обладают менее выраженным психологическим ресурсом, необходимым для совладания со стрессогенными воздействиями — для них, в частности, характерен пониженный уровень осознаваемого контроля над жизненными

обстоятельствами. В то же время женщины чаще, нежели мужчины, используют возможности получения социальной поддержки [2.С.268].

Согласно второму концептуальному подходу женщины теряют здоровье вследствие того, что они специфически реагируют на материальные, поведенческие и социально-психологические условия жизни. Наиболее важными предикторами хорошего здоровья для женщин, в отличие от мужчин, является полная трудовая занятость в сочетании с заботой о семье, а также наличие социальной поддержки. Если курение и злоупотребление алкоголем — более значимые детерминанты статуса здоровья мужчин, то избыточный вес и недостаточная физическая активность в большей степени отражаются на здоровье женщин. Кроме того, стресс может восприниматься мужчинами и женщинами по-разному и соответственно приводить к различным последствиям для их здоровья. Женщины более подвержены воздействию определенных стрессоров. Они болезненно реагируют на стрессы, переживаемые другими людьми, особенно супругом, в то время как мужчины чаще страдают от экономических стрессов. Женщины оказываются более уязвимыми в плане состояния психического здоровья, поскольку выполнение ими семейных и родительских ролей в целом сопряжено с большими психоэмоциональными нагрузками.

Таким образом, здоровье мужчин и здоровье женщин, даже находящихся в равных социальных условиях, может иметь различную степень устойчивости вследствие неодинакового стрессового воздействия факторов окружающей среды на механизм адаптации их организмов [3.С.114].

В качестве доказательной базы правомерности второго подхода к гендерным различиям

в здоровье служат результаты лонгитюдного опроса, проведенного в ноябре 2004 — январе 2005 г. И.П.Поповой.

Согласно результатам исследования женская модель поведения в отношении здоровья отличается большей гибкостью к изменению условий. Для женщин свойственно понимание заботы о здоровье как характеристики современного человека. Они в два раза чаще мужчин не согласны с утверждением о том, что постоянная забота о своем здоровье — проявление эгоизма. Формирование установок и стереотипов в отношении к собственному здоровью у мужчин и женщин происходило под влиянием различных факторов. Мужчины в наибольшей степени находились под воздействием поведения окружающих и в наименьшей степени — под влиянием семейных традиций и медицинских сведений из средств массовой информации. Набор факторов, которые в основном формировали отношение к своему здоровью женщин, иной, подтверждающий их большую прагматичность и ситуативность поведенческой модели. Среди наиболее значимых факторов поведенческих установок женщины прежде всего называют ухудшение своего здоровья и страх перед возможным заболеванием, а далее следуют образование, воспитание и информация, полученная от медиков.

Взгляды мужчин и женщин на способы поддержания своего здоровья имеют как сходства, так и различия. Женщины чаще придерживаются диеты, избегают вредных привычек, значительно чаще посещают врача в целях профилактики заболеваний и регулярно принимают лекарства. Парадоксален факт, что, несмотря на явное поведение в направлении здорового образа жизни, женщины гораздо чаще, чем мужчины, не удовлетворены результатами предпринимаемых усилий. В то же время муж-

чины более чем в два раза чаще считают, что для поддержания здоровья они делают достаточно.

Показательно, что мужчины гораздо чаще демонстрируют стремление ни в чем не ограничивать свою жизнь и отсутствие силы воли относительно заботы о собственном здоровье, жалуются на отсутствие времени и желания делать что-то в этом направлении. Женщины объясняют недостаточность усилий для укрепления здоровья отсутствием должного запаса денежных средств.

Исследование И.П. Поповой выявило парадоксальный разрыв в предполагаемых и реальных действиях мужчин и женщин.

Мужчины в три раза чаще, сопоставительно с женщинами, ничего не стали бы предпринимать в случае плохого самочувствия, предпочитая ждать, когда все пройдет само собой. Женщины значительно чаще используют целый спектр каналов возможной помощи — от советов близких до обращения к врачу. Таким образом, женскую модель поведения в отношении своего здоровья отличают большая гибкость, прагматичность как на уровне установок, стереотипов, так и на уровне действия в реальных ситуациях. Мужская модель в большей степени подвержена воздействию установок и стереотипов, формирующих своего рода кодекс норм, предписывающих не заботиться о своем здоровье [9.С.47].

Несмотря на то что в охране здоровья и развитии системы здравоохранения заинтересованы все граждане, независимо от пола, заявляет Е.А.Баллаева, женщины пользуются медицинскими услугами более интенсивно ввиду биологических особенностей, связанных с репродуктивной функцией [1].

Образ жизни, и в частности гиподинамия, современного человека часто приводит к пере-

грузке механизмов адаптации организма, а следовательно, и к нездоровью. Научно-технический прогресс резко изменил трудовую деятельность человека. Все это ведет к тому, что учащиеся, студенты, работники умственного труда в процессе своей деятельности, как правило, не испытывают физических нагрузок в необходимых объемах и достаточной интенсивности. Следовательно, неотъемлемым условием сохранения здоровья человека являются занятия физкультурно-спортивной деятельностью [6.С.61].

Физическая культура как феномен общей культуры уникальна. Именно она, по словам проф. В.К. Бальсевича, является естественным мостиком, позволяющим соединить социальное и биологическое в развитии человека. Более того, как доказывает Н.Н. Визитей, она является самым первым и базовым видом культуры, который формируется в человеке. Физическая культура с присущим ей дуализмом может значительно влиять на состояние организма, психики, статус человека [7.С.10].

В современной России, по мнению экспертов, уменьшилась численность занимающихся в спортивных клубах. «В России физическая культура — далеко не массовый рынок, наша пропаганда здорового образа жизни оставляет желать лучшего, — заявил Дмитрий Янин, председатель правления Международной конфедерации обществ потребителей, — в этом плане мы находимся на уровне развития Америки 1950-х годов. Безусловно, сократилось количество людей, посещающих фитнес-клубы». Слова эксперта подтверждают данные исследования ВЦИОМ, проведенного в 2009 г.: только один из десяти россиян регулярно занимается спортом. И реже всего россияне делают это в фитнес-клубах (8%). При этом более половины россиян (53%) вообще не занимаются

физическими упражнениями в организованной форме [4].

Для женщин характерен более низкий уровень физической активности, чем для мужчин. В разных странах эти различия вызваны рядом исторических и социальных условий, в которых оказывалась женская половина человечества.

По мнению специалистов, у многих женщин отрицательное отношение к физическому совершенствованию закладывается в образовательных учреждениях с низким уровнем физического воспитания.

Как полагает проф. Л.И. Лубышева, именно физическая культура позволяет представить человека как биосоциальное единство и вместе с тем предлагает широкий спектр форм, средств и методов управления индивидуальным состоянием личности. Физическая культура является одним из самых значительных и эффективных феноменов, оказывающих воздействие на сохранение и приумножение здоровья человека, поскольку любая из ценностей физической культуры в той или иной мере «работает» на здоровье человека [7.С.10].

Анализ научно-методической литературы позволяет утверждать, что в ходе исторического развития общества складывались и трансформировались социальные функции мужчин и женщин. В социологических исследованиях гендерный подход требует изучения психологических, социальных и культурных различий между мужчинами и женщинами. При этом одной из социальных проблем является формирование ценностного отношения к здоровью с учетом определенных стереотипов поведения, социальных ролей и биологических особенностей, свойственных лицам разного пола.

Выявлены некоторые черты сходства и различия в образе жизни, поведенческих реакциях,

связанных с самосохранительным поведением мужчин и женщин.

Однако в настоящее время отсутствуют научные работы, посвященные формированию ценностных ориентаций на укрепление своего здоровья в среде учащейся молодежи на основе гендерных различий. На наш взгляд, гендерный подход в исследовательской деятельности может быть востребован в процессе пропаганды здорового образа жизни, формирования физической культуры личности, профилактики заболеваний у человека в системе здравоохранения, а также с целью регуляции стереотипов поведения в пользу увеличения продолжительности жизни.

Список литературы

1. Баллаева Е.А. Гендерный анализ политики в сфере здравоохранения и индикаторы гендерного равенства в сфере охраны здоровья. URL:<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/276286.html> (по состоянию на 3.11.2009).
2. Борисов В.А. Демография: учеб. для вузов. М.: Нога Бене Медиа Трейд Компания, 2003.
3. Браун Дж.В., Русинова Н.Л., Панова Л.В. Гендерные неравенства в здоровье // Социол. исслед. 2007. № 6. С.114–122.
4. ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/> (по состоянию на 21.10.2009).
5. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социол. исслед. 2000. № 11. С.15–23.
6. Краснов И.С. Методологические аспекты здорового образа жизни россиян // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2004. № 2. С.61–63.
7. Лубышева Л.И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью // Теории и практика физической культуры. 1997. № 6. С.10–15.
8. Назарова И.Б. Гендерные стереотипы применительно к индивидуальному здоровью. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/276286.html> (по состоянию на 3.11.2009).
9. Попова И.П. Поведение в отношении здоровья и

- материальное положение: гендерные аспекты (на данных лангитюдного опроса) // Здорово-охранение Российской Федерации. 2007. № 1. С.47–50.
10. Федоров А.И. Поведенческие факторы здорового образа жизни подростков: гендерный аспект // Мир спорта. 2006. № 4. С.27–30.
11. Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социол. ис-след. 2000. № 11. С.134–141.
-

GENDER DIFFERENCES IN TREATMENT OF HEALTH:
SOCIOLOGICAL ASPECT

S. S.Gordeyeva

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Gender differences in treatment of health are considered in the article. The most commonly encountered scientific views concerning gender differences in health and self-preservative behaviour of men and women are presented. Definitions are given to the notions “gender” and “self-preservative behaviour”. The importance of sociological researches of health and healthy lifestyle is shown.

Keywords: health; a gender; savings behaviour; way of life.

УДК 316.334.22:002

**ТЕМА ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА В
ПЕЧАТНЫХ СМИ: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА****А.В. Сюлина, Е.Б. Плотникова*

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: soccntr@psu.ru

Рассматриваются результаты контент-анализа специфики освещения форм, направлений и уровней частно-государственного партнерства, а также основных барьеров для его развития в федеральных и региональных печатных СМИ.

Ключевые слова: частно-государственное партнерство; межсекторное взаимодействие; контент-анализ.

Взаимодействие власти и частного бизнеса — необходимый элемент рыночной экономики. Сотрудничество этих двух движущих сил общественного развития существует давно, и оно не является редкостью. Все чаще в средствах массовой информации упоминается о той или иной форме отношений государственных и бизнес-структур, направленных на развитие региона или страны в целом.

В данной статье представлены результаты исследования степени освещения практических элементов взаимодействия бизнеса и государства, входящих в общее понятие частно-государственного партнерства, а также некоторых аспектов взаимодействия бизнеса с властью, в частности, корпоративной социальной ответственности и сотрудничества с некоммерческими организациями.

Изучение материалов средств массовой информации показало, что тема взаимодействия государственных и бизнес-структур затрагивается довольно часто, но, к сожалению, в редких

статьях и заметках можно найти описание того, как этот феномен осуществляется на практике.

Так в результате анализа материалов центральной прессы установлено, что в газетах федерального масштаба присутствует высокий процент сюжетов о взаимодействии бизнеса и власти на федеральном уровне, в региональных же средствах массовой информации в большей степени освещается опыт регионального и местного взаимодействия.

Сравним удельный вес статей по исследуемой теме за период с января 2005 по сентябрь 2008 г. в следующих источниках: 3,3% — Business Class, 7,7% — Новый компаньон, 21,3% — Российская газета и 16,2% — Коммерсантъ.

Из табл. 1 видно, что перечисленные средства массовой информации имеют тенденцию к более конкретному описанию частно-государственного партнерства. Среди них «Российская газета» выделяется более высоким удельным весом искомого материала и широтой освещения.

Высокий удельный вес сообщений, имеющих отношение к исследуемой теме, коррелирует с высоким процентом сообщений, где исследуемая категория (частно-государственное партнерство, социальная ответственность, ме-

тоды взаимодействия НКО и власти) является главной: 27% — для «Российской газеты» и «Коммерсанта», 9% — для «Нового компаньона» и 13% — для «Business Class».

Таблица 1. Уровень отражения материала по исследуемой теме в источниках

Характер материала	Business class		Новый компаньон		Российская газета		Коммерсант	
	Частотность	Доля, %	Частотность	Доля, %	Частотность	Доля, %	Частотность	Доля, %
Абстрактно-теоретический	27	2,6	24	2,3	130	12,3	77	7,3
Абстрактно-теоретический, включающий примеры	25	2,4	45	4,3	121	11,5	103	9,8
Конкретный	103	9,8	90	8,5	128	12,2	180	17,1

При этом нужно отметить, что исследуемые проблемы достаточно подробно анализируются в материалах, представленных в центральной прессе (27%), в то время как для региональной прессы подробный анализ описываемых форм несвойствен.

В целом, проблемам частного-государственного партнерства в источниках федерального масштаба уделяется достаточно много внимания.

Наибольшее количество сюжетов о взаимодействии бизнеса и власти было отмечено в 2005 и 2006 гг. (45,6%), в 2007-2008 гг. степень освещения данной темы снижается.

Формы и направления частного-государственного партнерства

Достаточно долго отношения бизнеса и власти носили характер сотрудничества, но в последние годы термин «сотрудничество» успешно заменяется экспертами на «частно-государственное партнерство» (ЧГП). Это сочетание достаточно продолжительное время входило в лексикон как участников взаимодействия, так и общественности. И на сегодняшний день не всякий совместный проект бизнеса

и государства можно назвать частно-государственным партнерством. При этом следует заметить, что механизм ЧГП разрабатывают только сами его участники.

До сих пор не существует четкой дефиниции частного-государственного партнерства. В общем виде его можно определить как взаимодействие представителей бизнеса с представителями власти, как с отдельными людьми, так и с государственными организациями, результатом которого может выступать проект, чаще всего направленный на развитие инфраструктуры и заключенный на взаимовыгодной основе. В рамках проекта могут быть заключены соглашения в виде договора, контракта и др. Взаимодействие может состоять также в разделении обязанностей между государством и частным капиталом, которое может варьироваться в широких пределах: от исполнения негосударственными компаниями функций подрядчика до полной передачи отдельных видов государственной деятельности в частные руки.

При исследовании материалов средств массовой информации мы выявили, что первые упоминания термина «частно-государственный» относятся к середине 2005 г.,

где он употребляется в значении формы взаимодействия бизнеса и власти с образованием частно-государственной компании.

Таблица 2. Использование проектной формы работы по отраслям

Сфера	Проекты	
	Частотность	Доля, %
Жилищное строительство	109	19,2
Промышленное строительство	78	13,7
Транспортная инфраструктура	77	13,6
Национальная промышленность	59	10,4
Освоение природных ресурсов	47	8,3
Образование	38	6,7
ЖКХ	28	4,9
Здравоохранение	21	3,7

Тем не менее среди форм совместной работы бизнеса и государства в прессе чаще всего упоминается проектная форма (68,5%). Данную форму можно назвать наиболее общей, так как сами проекты, как правило, включают более конкретные формы взаимодействия, такие как договора или аренда. Ближе к 2007 г. наравне с проектом, а иногда как его синоним, употребляется категория «частно-государственное партнерство», которая рассматривается как единственная форма взаимодействия бизнеса и власти и включает более конкретные методы совместной деятельности, в том числе и проект.

Необходимо отметить, что проектная форма деятельности так или иначе присутствует во всех возможных направлениях совместной деятельности бизнеса и власти. Менее всего, как отражает табл. 2, совместная деятельность присуща для социально значимых сфер: образование, жилищно-коммунальное хозяйство и здравоохранение. Это говорит о том, что данные сферы продолжают оставаться под контролем государства с небольшой мерой участия в них бизнеса.

Заключение совместных соглашений также является достаточно распространенной формой

взаимодействия бизнеса с государством. В общем смысле соглашение используется как равнозначное понятиям «договор», «контракт». Но при описании форм взаимодействия бизнеса и власти соглашение выступает как альтернатива вышеупомянутым другим формам.

Данная форма взаимодействия чаще всего упоминается в статьях, посвященных транспортной сфере, сфере строительства и промышленности.

В период с 2005 по сентябрь 2008 г. назывались также и другие формы совместной работы. Так, чаще всего было упомянуто инвестирование (5,5%). Как правило, это крупное финансовое вложение бизнеса в какой-либо государственный проект. Это может быть также совместно созданная программа для какой-либо сферы деятельности (2,8%); одним из самых распространенных методов выбора партнера из среды частного бизнеса в России является конкурс (2,6%) и аукцион (1,7%), где государство выступает в качестве лидера и выбирает себе партнера для реализации проекта по заранее оговоренным условиям; примерно в такой же степени часто упоминаются арендные отношения (1,7%), когда государство позволяет пользоваться, к примеру, территорией для строительства каких-либо зданий и т.п. Что касается упоминания именно частно-государственного партнерства в прессе, то для данного периода это редкое явление: всего лишь 1,2% газетных статей посвящено этой теме с конкретной формулировкой «частно-государственное».

В зависимости от того, в каком именно сегменте экономики реализуется механизм частно-государственного партнерства, формы партнерства могут быть различными. Выбор формы сотрудничества во многом зависит от специфики самой отрасли. Если говорить о таком сегменте рынка, как национальная промышленность, жилищное строительство и транспортная инфраструктура, то для них характерно заключе-

ние контрактов — одной из наиболее простых форм взаимодействия. Названные сферы являются одними из самых распространенных отраслей, где государство выбирает себе в партнеры бизнес.

Контрактная форма взаимодействия является аналогом договорной формы. А концессия, как правило, предполагает сдачу государством в эксплуатацию какой-либо организации части своих природных богатств, предприятий и технологических комплексов, других объектов.

Таблица 3. *Формы взаимодействия государства и бизнеса по отраслям*

Отрасль	Соглашения		Контракты		Концессии	
	Частотность	Доля, %	Частотность	Доля, %	Частотность	Доля, %
Транспортная инфраструктура	22	3,9	9	1,6	11	1,9
Жилищное строительство	19	3,3	15	2,6	–	–
Национальная промышленность	19	3,3	19	3,3	–	–
ЖКХ	17	3,0	–	–	–	–
Промышленное строительство	13	2,3	–	–	–	–
Освоение природных ресурсов	8	1,4	–	–	–	–

Таблица 4. *Формы частно-государственного партнерства по уровням*

Формы партнерства	Федеральный		Региональный		Местный	
	Частотность	Доля, %	Частотность	Доля, %	Частотность	Доля, %
Проекты	195	26,3	180	24,3	207	27,9
Контракты	20	2,7	18	2,4	30	4,0
Соглашения	36	4,9	67	9,0	40	5,4
Концессии	17	2,3	19	2,6	6	0,8

Таблица 5. *Степень освещения исследуемой темы в материале СМИ*

Уровень	Абстрактно-теоретический		Абстрактно-теоретический с использованием примеров		Конкретный	
	Частотность	Доля, %	Частотность	Доля, %	Частотность	Доля, %
Федеральный	136	36,2	125	33,2	115	30,6
Региональный	69	17,5	121	30,7	204	51,8
Местный	65	17,2	67	17,7	246	65,1

Транспортная инфраструктура, как показывают данные, является той отраслью, в которой чаще всего можно встретить частно-государственное партнерство. Среди проектов транспортной инфраструктуры можно назвать проекты железнодорожного транспорта, взаимодействие бизнеса и власти для улучшения условий перевозки населения и др.

Кроме наиболее распространенных, значимых направлений деятельности, в прессе освещается совместная деятельность бизнеса и власти в следующих отраслях: инфраструктура (в

том числе социальная) — 11%, культура — 3%, дорожное строительство — 2%.

Уровни частно-государственного партнерства

Нами рассматривались три уровня, на которых может осуществляться частно-государственное партнерство: федеральный, региональный и местный. Федеральный уровень включает границы всей России, региональный уровень — рамки Пермского края, а местный рассматривается в рамках г. Перми.

Таблица 4 иллюстрирует то обстоятельство, что совместная деятельность в форме проектов распространена на всех уровнях, при этом чаще всего в СМИ встречается упоминание проектов, реализующихся в г. Перми, т.е. на местном уровне.

Конкретизация взаимодействия бизнеса и власти в виде упоминания таких форм, как контракты, также относится к местному уровню, тогда как соглашения и концессии чаще встречаются при описании практики взаимодействия бизнеса и власти на региональном уровне. Подобное распределение, скорее всего, можно объяснить спецификой отношений представителей частного бизнеса и государственных чиновников в данном регионе, учитывая историю их становления.

Если говорить о направлениях взаимодействия, то в зависимости от уровня, на котором оно происходит, можно выявить локализацию сфер и направлений совместной деятельности.

Как уже упоминалось, транспортная инфраструктура является той сферой, которая управляется совместно бизнесом и государством на всех трех уровнях. В рамках всей России наиболее часто описывается взаимодействие частного бизнеса и власти в области национальной промышленности, которая, как известно, является основополагающей для развития страны.

В условиях региона и города чаще всего можно встретить описание партнерства в сфере жилищного строительства, жилищно-коммунального хозяйства (14% для города) и промышленного строительства (16% для региона), также влияющего на социально-экономическое состояние всего города.

Если в статье упоминается представитель частного бизнеса как партнер государства, то в каждом 4-м случае речь идет о крупной организации. Реже описывается партнерство со средними (17%) и мелкими компаниями (4%).

Когда же речь заходит о взаимодействии бизнеса и власти на федеральном уровне, нельзя не подчеркнуть того, что материалы СМИ носят абстрактно-теоретический характер, в то время как более локальные взаимодействия, в частности региональные и местные, освещаются с использованием примеров, с описанием конкретных механизмов сотрудничества.

Препятствия развитию частно-государственного партнерства

Примерно в третьей части материалов СМИ повествуется о каких-либо проблемах и препятствиях, возникающих в процессе взаимодействия бизнеса и власти, влияющих на его эффективность. Отсутствие инициативы со стороны власти — одно из самых серьезных и распространенных препятствий к эффективному сотрудничеству, упомянутых в прессе (25,5%). К категории наиболее трудноразрешимых проблем можно отнести также недостаточность правовой базы (21,3%). Немало статей посвящено этой проблеме, причем обращаются к ней не только представители бизнеса, но и сами властные структуры, так как некоторые формы взаимодействия могут идти вразрез с существующим законодательством. Факторами, сдерживающими развитие ЧГП, можно считать нестабильное финансовое положение бизнеса (17,9%), недостаток информации о возможностях участия в совместных проектах, отсутствие в регионе стратегического планирования (по 11%), коррупция в органах власти (8,7%), нестабильность политической обстановки (4,6%).

Кроме вышеперечисленных препятствий, часто говорится о недоверии партнеров друг другу и об их непоследовательности относительно своих обязательств; безусловно, это — фактор, тормозящий эффективность частно-государственного партнерства.

Характер обсуждения данной темы

Анализируя характер материала, освещающего частно-государственное партнерство, можно отметить его позитивную оценку более чем в половине случаев.

В то же время взаимодействие бизнеса и власти рассматривается и с использованием критики (28%), но материалов, подпадающих под категорию «исключительно критическое освещение», обнаружено всего 6%.

Данный факт обусловлен тем, что частно-государственное партнерство имеет тенденцию к развитию. Несмотря на все проблемы во взаимодействии бизнеса и власти, государство все чаще обращается за помощью к частному капиталу или опыту управления большими корпорациями представителями бизнеса.

Подводя итог анализу средств массовой информации, освещающих тему частно-государственного партнерства, можно выделить несколько тенденций, в освещении данной темы. Во-первых, частно-государственное

партнерство как форма взаимодействия бизнеса и власти находится в стадии активного развития. Данный термин достаточно прочно входит в лексикон участников партнерства и общественности, но имеет лишь единичные описания практической его реализации в средствах массовой информации. Во-вторых, данная форма отношений бизнеса и власти реализуется в наиболее значимых социально-экономических направлениях, что характеризует ЧГП как эффективную для развития страны форму межсекторного взаимодействия. А средства массовой информации, как правило, склонны проявлять интерес к описанию крупных проектов и, соответственно, к описанию и анализу взаимодействия государства с крупными предприятиями и организациями. В-третьих, количественные и качественные характеристики описания частно-государственного партнерства на региональном уровне зависят от специфики отношений бизнеса и власти, а также истории их становления в данном регионе.

THE TOPIC OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN PRINT MEDIA: EXPERIENCE OF CONTENT-ANALYSIS

A. Syulina, E. Plotnikova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The results of content analysis of the specifics of lighting forms, directions and levels public-private partnership, as well as the main barriers to its development in federal and regional print media.

Key words: public-private partnership; intersectoral interaction; content analysis

УДК 303.4253

СОСТОЯНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

К.А. Антипов

Пермский государственный технический университет, 614990, Пермь, Комсомольский проспект, 29
e-mail: agantip@psu.ru

Рассматривается состояние местного самоуправления, социально-политические проблемы его функционирования. Анализируются перспективы решения проблем и дальнейшее развитие данного института гражданского общества.

Ключевые слова: местное самоуправление; государственное управление; муниципальная власть; коррупция; местное сообщество.

Местное самоуправление (МСУ) является необходимым элементом демократического государства и гражданского общества. Процесс становления местного самоуправления в современной России идёт уже более 15 лет, однако, скорее всего, мы находимся лишь в его начальной стадии. Необходимо констатировать, что местное самоуправление ни в сознании политиков, ни в сознании населения окончательно не утвердилось как социальный институт. Несмотря на то что законодательная основа местного самоуправления усиливается, укрепление данного института в ближайшей перспективе вряд ли произойдёт.

По нашему мнению, неразвитость и слабость местного самоуправления на современном этапе можно объяснить, проанализировав три основных, проблемных для местного самоуправления блока:

- 1) государственная политика в области МСУ;
- 2) текущее состояние муниципальной власти;

- 3) характеристика местного сообщества как основы местного самоуправления.

Государственная политика в области МСУ

Местное самоуправление, закреплённое впервые в Конституции РФ в качестве одной из основ нашей государственности, как уровень власти, как показывает практика и исследования, было провозглашено поспешно. Отсутствовало какое-либо внятное объяснение политики государства относительно его внедрения и развития. Ведущей целью политического руководства того периода была быстрая замена системы местных советов, доставшихся в «наследство» от СССР, системой местного самоуправления по образцу западных демократий. Существовал и определённый, характерный для периода начала — середины 90-х гг. XX в., законодательный идеализм. Он состоял в том, что многим государственным деятелям, законодателям казалось, что достаточно ввести «сверху» какие-либо демократические институты и они не-

пременно заработают. Причём, заработав, возьмут на себя значительную часть дел, которыми государственной власти заниматься не хотелось. Школы, больницы, благоустройство, инфраструктура поселений и прочее было передано в ведение создаваемого местного самоуправления. Не секрет, что большинство из данных объектов не только не в состоянии приносить прибыль, но и требуют существенных финансовых затрат. Поэтому финансово-экономическая база значительного числа муниципальных образований была слабой, а подавляющее большинство из них в значительной степени зависело и зависит от дотаций из бюджетов вышестоящих уровней.

Изначально законодательная база была подготовлена под общественную теорию местного самоуправления, согласно которой местное самоуправление является самостоятельным. Но о какой самостоятельности можно говорить, если муниципальные бюджеты были и остаются весьма зависимыми?

Словосочетание «местное самоуправление» в 90-е гг. прошлого века было достаточно модным, примерно как сейчас «инновационное развитие», «модернизация» и «нанотехнологии». Но вскоре стало очевидным, что местное самоуправление не является каким-либо исключительным институтом и не решит накопившиеся проблемы.

Даже само словосочетание «местное самоуправление» было малопонятно гражданам. Так, по данным фонда «Общественное мнение» в августе 2000 г. значительный процент граждан (20%) впервые столкнулись с понятием «местное самоуправление», 42% слышали о нем и 28% знали, что это такое, а 10% затруднились с ответом на вопрос [12].

В 2009 г. нами было проведено социологическое исследование в Пермском крае, имею-

щее целью выявить состояние местного самоуправления и отношение к нему граждан. Выборка составила 879 чел. в возрасте от 18 до 65 лет. На вопрос анкеты: «Знаете ли вы, слышали ли или слышите впервые сейчас словосочетание «местное самоуправление»? — были получены такие данные: 39,6 % заявили, что знают о нем много; 56,7 — что-то слышали; 1,1 — услышали впервые; 1,9 % — затруднились ответить (0,7% на определённый вопрос не ответили). То есть можно констатировать, что прогресс с точки зрения узнаваемости понятия «местное самоуправление» гражданами присутствует. Население привыкло к данному уровню власти. Но это лишь формальная, а не содержательная характеристика.

А вот относительно природы местного самоуправления в нашей стране граждане по привычке склоняются к мысли о его государственном характере. Как известно, формально, с точки зрения закона, в нашей стране местное самоуправление является самостоятельным и независимым от государственного управления, не входит в вертикаль власти. В ходе первого нашего исследования в 2000 г., где в выборку попало 835 чел., 26,6% опрошенных считали, что местное самоуправление самостоятельно [2.С.78], а в исследовании 2009 г. так считали ещё меньше — 18,9% респондентов. Подавляющее большинство — 60% в 2000 г. и 66,9% в 2009 — высказали другое мнение, что местное самоуправление подчинено государственному управлению. Не исключено, что граждане уловили тенденцию к огосударствлению местного самоуправления, как и других институтов гражданского общества, которая отчетливо проявляется сейчас в изменении законодательства о выборах, общественных организациях.

Очевидно также то, что на части территории нашего государства местного самоуправ-

ления, даже слабого, фактически нет. Речь идёт, прежде всего, о ряде национальных республик с их кланово-авторитарной системой руководства. Там действительно существует вертикаль власти, где главы муниципальных образований по сути — вассалы руководителя субъекта, а сами муниципальные выборы находятся под контролем региональной элиты. Руководителям других субъектов (краёв, областей) такая ситуация очень импонирует. Поэтому типичным является и желание региональных руководителей назначать и снимать глав муниципальных образований, вообще не учитывая мнения населения. Это, безусловно, позволит им ставить своих назначенцев на привлекательные посты глав муниципальных образований напрямую или через формальное одобрение местного представительного органа. Мы согласны с утверждением, что «в российских условиях просматривается хроническая готовность видеть муниципальные учреждения частью вертикали исполнительной власти, поместить их в субординацию вышестоящим властям вопреки смыслу местного самоуправления» [3.С.16].

Однако согласно данным двух упомянутых исследований, проведённых нами в Пермском крае, большинство граждан поддерживало выборность населением руководителей местного самоуправления (57,7%) в 2000 г. [2.С.82]. И в 2009 г. большинство респондентов высказалось за избрание руководителей местного самоуправления населением на свободных выборах (78,7 %). Всего 8,4 % заявили, что их должен назначать глава субъекта Российской Федерации, а 12,4 % затруднились ответить на подобный вопрос (0,5% вопрос оставили без ответа). То есть большинство граждан уже привыкло к процедуре избрания глав муниципальных образований и считает её правильной. И даже не-

смотря на низкий уровень доверия населения, многим местным руководителям, граждане хотели бы сохранить за собой право избирать глав муниципалитетов.

Возможно также установление контроля над местным самоуправлением со стороны государственной власти через партизацию местного самоуправления. «Фактическая борьба за органы местного самоуправления уже идет и через их постановку под партийный контроль через создание в их представительных органах фракций проправительственной «Единой России», и через изменения выборного законодательства, предоставляющего возможность перехода от всенародных выборов глав исполнительных органов местного самоуправления к их избранию из числа депутатов, либо через переход полномочий мэров к нанятым по контракту менеджерам» [9.С. 73].

По нашему мнению, было бы неправильным допустить партизацию местных органов власти. «Нет партийных способов подметать улицы и вывозить мусор» [4.С.55]. Для избирателя на местном уровне гораздо интереснее личность кандидата, а не его партийная принадлежность, потому что в действительности он ожидает от него, чтобы тот создал для него комфортные условия жизни. Абсолютно нерационально вводить местные партийные списки или рассматривать кандидатуры партийных выдвиженцев. Поддерживать партия может, но не выдвигать.

Реформа местного самоуправления — это далеко не единственная реформа, в рамках которой государственная власть не имеет чёткой стратегии по поводу того, как реформировать и что в результате она хочет получить. То же самое можно сказать и в отношении реформы образования, научных учреждений, армии, судебной системы и т.д. Отсутствие общей стратегии

и хаотичность способны погубить самое благое начинание на долгие годы вперёд. Отсутствие стратегии реформ и реальной, а не декларативной концепции государственного строительства всячески тормозит развитие института местного самоуправления и деформирует основы гражданского общества.

Текущее состояние муниципальной власти

Институциональная слабость местного самоуправления связана не только с отсутствием государственной стратегии, но и с состоянием и функционированием самих органов местного самоуправления. Муниципальная власть существенным образом поражена теми же недугами, что и власть федеральная и региональная. Но если о различных деформациях власти верховной информация даётся дозированно или не даётся вовсе, то о муниципальной власти такой информации намного больше, так как она решает вопросы, близкие человеку, и результат её деятельности жители ощущают «на собственной шкуре». Никакие, даже полностью подконтрольные местные СМИ не могут скрыть ветшающую инфраструктуру, разбитые муниципальные дороги, проблемы с теплом и водоснабжением, плохую уборку улиц и др. Наиболее значимыми проблемами муниципальной власти, по нашему мнению, являются:

- 1) коррупция;
- 2) низкий профессионализм;
- 3) закрытость власти, отсутствие обратной связи власти и общества;
- 4) безответственность власти.

Тема коррупции является одной из ключевых проблем власти в последние годы. Коррупция признаётся угрозой национальной безопасности и государственности в целом. Именно в последние годы коррупция превратилась в систему. Существенной причиной коррупции на

местном уровне является отсутствие реальной борьбы с этим явлением, несмотря на обилие антикоррупционных программ, вводимых антикоррупционных экспертиз законодательства и заявлений руководителей разного ранга о необходимости усиления борьбы с данным явлением.

Коррупционность местного уровня является скорее следствием коррупционности регионального и федерального уровней, только коррупционные сделки ниже по сумме. Если государственные чиновники высшего уровня декларируют доходы, откровенно и явно не соответствующие действительности, то почему бы главам муниципальных образований не извлекать выгоду из своего положения. Нельзя не согласиться с таким мнением: «...что касается усилий правоохранительных, судебных, финансовых органов, органов юстиции и других центральных органов, то грустная правда состоит в том, что эти организации составляют звено в общей цепочке коррупции, и антикоррупционные меры часто противоречат личным и групповым интересам работающих в них чиновников» [7.С.35].

Органы местного самоуправления продолжают сохранять высокий уровень коррумпируемости, который не только не имеет тенденции к снижению, а наоборот. Так, по данным Генерального прокурора РФ Ю.Чайки, в 2008 г. удалось выявить более 40 тыс. преступлений против государственной власти и интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Глава Следственного комитета прокуратуры А. Бастрыкин заявил, что ущерб от должностных преступлений чиновников в 2008 г. составил 900 млн. руб. [10] Цифра выглядит явно заниженной.

А в 2009 г. органами прокуратуры выявлено более 260 тысяч нарушений закона, принесено

десятки тысяч протестов, представлений, направлены в суды многие тысячи заявлений, возбуждены уголовные дела [13.С.3]. Можно процитировать Генерального прокурора Ю.Чайку: «В последнее время чаще стали привлекаться к ответственности именно руководители органов государственной власти и местного самоуправления. Против таких лиц лишь за 9 месяцев ушедшего года судами рассмотрено 806 уголовных дел о коррупционных преступлениях. В том числе — в отношении руководителей органов исполнительной власти, глав муниципальных образований и местных администраций» [Там же.]. При этом следует отметить, что количество самих возбуждённых дел смехотворно мало в масштабах страны. Умалчивается и то, сколько реально возбуждённых уголовных дел дошло до суда, сколько из них либо рассыпалось в суде, либо чиновники отделались мягким наказанием. В Пермском крае в 2009 г. уголовные дела были возбуждены на нескольких глав муниципальных образований, но скорее всего большинство из них, как показывает практика, рассыплется на том или ином этапе следствия и судопроизводства.

Не удивительно, что у граждан словосочетание «честный чиновник», так же как «честный инспектор ГИБДД», вызывает лишь смех. В ходе нашего исследования в 2009 г. был задан вопрос: «С какими качествами у Вас ассоциируется местная власть?». Респонденты могли выбрать несколько вариантов как положительных, так и отрицательных качеств. Первые четыре места заняли такие качества, как «корруптивная» (45,6%), «безответственная» (37,2%), «лживая» (29,0%), «несамостоятельная» (26,4%). Как видим, корруптивность местной власти поставлена гражданами на первое место. Такие качества, как «ответственная»

(10,9%), «надёжная» (7,5%), «заботливая» (4%) и «честная» (4%), не являются лидирующими.

Муниципальные чиновники по природе должны бы быть намного ближе к народу, чем чиновники других уровней, однако они также превратились в корпорацию, существующую не для блага жителей, а работающую на себя. Пока отсутствует системная борьба с коррупцией, которая сможет лишить муниципалитеты многих возможностей, говорить о повышении доверия граждан муниципальной власти не имеет смысла. Но, к сожалению, сами органы, которые обязаны ею заниматься, разъединены коррупцией во всех её вариациях. Поэтому, с одной стороны, данные органы декларируют усиление борьбы с коррупцией и количество реально возбуждаемых уголовных дел растёт, с другой — никто не ставит целью нанесение по системе коррупционных действий решительного удара.

Кроме высокой коррупционности местной власти, вызывает тревогу усиление закрытости местной власти.

По своей природе муниципальная власть должна быть более открытой для населения, более прозрачной. Вместе с тем можно согласиться, что «информирование населения о деятельности муниципальных органов в России находится на стадии становления. На сегодняшний день эта функция местных властей в законодательстве только декларируется как обязанность, но не разработаны механизмы предоставления информации» [1.С.27].

Информирование жителей муниципальной властью с использованием СМИ может быть неодинаковым. Как правило, информация дозируется, зачастую искажается, делается акцент на одних действиях власти и замалчиваются другие, иногда предоставляются только сухие данные без их объяснения, что делает их мало-

понятными. Было бы рациональным законодательно утвердить список вопросов, требующих обязательного информирования населения и разъяснения. Например, для большинства жителей муниципальных образований остаются неясными финансовая сторона местного самоуправления, механизм управления муниципальной собственностью, обоснование принятия муниципальных планов и программ и мера их реализации.

О низкой степени информированности населения и высокой степени отчужденности граждан от местной власти частично может служить факт, полученный в ходе нашего исследования 2009 г.: почти каждый третий респондент (31,3%) не смог назвать фамилию главы местного самоуправления своего города (района).

В ходе исследования мы также выяснили, как сами граждане оценивают свою информированность о решениях, действиях и планах местной власти. Степень своей информированности опрошенные оценивали по пятибалльной системе, а именно от «1» — очень плохая информированность, до «5» — очень хорошая. Результаты были следующие: «1» поставили 18,7% опрошенных; «2» — 24,5; «3» — 43,9; «4» — 9,9; «5» — 1,6%. Следовательно, можно сделать вывод, что хорошо информированы о делах и планах немногим более чем каждый десятый опрошенный (11,5%). Большинство граждан имеет низкую информированность о местных проблемах, решениях власти, планах муниципалитетов.

Но здесь есть вина не только органов власти. Многие граждане достаточно пассивны и не готовы конструктивно воздействовать на власть, требовать её большей открытости. Кроме того, в силу развития электронных средств массовой информации, их широкой доступности

и быстроты получения информации события федерального или международного уровня становятся для человека очень близкими, зачастую ближе тех, что происходят в его городе или районе.

Поэтому действительно граждане могут детально знать о событиях в другой стране, о политическом скандале в парламенте, но иметь смутные представления о значимых вопросах местной жизни. Местные СМИ, как правило, экономически очень сильно зависят от поддержки муниципальной власти, поэтому дают информацию только в выгодном ей ключе. К тому же степень распространённости информационных местных печатных СМИ гораздо ниже, чем в СССР. Значительная часть информации носит рекламный или ангажированный характер.

Редко используются консультативные механизмы, в том числе прописанные в законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»: опросы граждан, собрания граждан. Власть воспринимает жителей как объект управления, вступать в диалог с которым можно лишь перед выборами, да и то только в форме воздействия на электорат. Господствует мнение, что гражданам информация неинтересна, да и не разбираются они в тонкостях управления муниципальными образованиями. А раз такая информация отсутствует, то со стороны власти возникает чувство неуязвимости и неподконтрольности, а со стороны населения — чувство, что власть его обманывает и многое скрывает. Возможно, и сама муниципальная власть не готова к открытости, так как у наиболее активных и просвещённых представителей населения могут появиться не совсем «удобные» вопросы. Например, о предоставлении муниципальных заказов, о продаже земель,

о регулировании тарифов, о необходимости тех или иных проектов и т.д.

Один из главных пороков любой власти, в том числе и муниципальной, — безответственность перед гражданами. Если высшие руководители государства, руководители регионов не отвечают за результат своей деятельности, то муниципальная власть стремится к тому же самому. Необходимо обеспечить ответственность власти перед населением не декларативную, а реальную и персональную. Следует выработать чёткие критерии оценки деятельности муниципальной власти, в основе которых лежит степень удовлетворения потребностей местного сообщества.

Представители муниципальной власти персонально не отвечают за провалы своей профессиональной деятельности перед местным сообществом. Многие из них считают, что они отвечают только за муниципальные выборы. Но даже муниципальные выборы как способ формирования муниципальной власти, где население даёт мандат доверия своим представителям, очень часто игнорируются гражданами. Чтобы не быть голословным, можно привести следующий пример. Он достаточно типичен и не является исключением для многих других территорий. Явка на муниципальных выборах, как правило, очень низкая. Например, в Пермском крае в 2009 г. на выборы глав муниципальных образований (поселений) и представительных органов ни в одной из территорий явка не дотянула и до 50%, а во многих территориях — даже и до 30%. В Нытвенском городском поселении явилось 21,83%, в Осинском ГП — 22,78%, в Чайковском ГП — 24,53%, в Краснокамском ГП — 23,13% [6]. При подобной явке на выборы не приходится рассчитывать на высокую легитимность избираемых муниципальных органов власти. При этом необходимо учи-

тывать и тот факт, что и на местном уровне используется административный ресурс на всех этапах предвыборной кампании и самих выборов.

Справедливости ради стоит отметить, что низкая степень явки населения на муниципальные выборы характерна и для тех стран, где местное самоуправление очень давно и прочно утвердилось. «В большинстве демократических стран электоральная активность граждан на общенациональных выборах, как правило, превосходит показатели участия в местных выборах разного уровня» [5.С.9].

В нашем исследовании (2009) был задан вопрос об удовлетворённости граждан тем, как городская (районная) власть решает местные проблемы. Ответы на этот вопрос среди опрошенных распределились следующим образом: 2,7% — да, вполне удовлетворен; 56,8% — не совсем; 35,9% — нет, не удовлетворен; 4,3% — затруднились ответить, 0,2% — не ответили. Но несмотря на низкую оценку работы местных властей, граждане не всегда способны конструктивно воздействовать на власть, призвать её к ответственности.

У многих руководителей муниципальных образований, депутатов и муниципальных служащих не сложилось какого-то системного представления о сущности и содержании местного самоуправления, его роли в организации жизнедеятельности местных сообществ. Часть из них рассматривает данный институт местной власти в качестве «правопреемника» бывших местных советов, а другая — как «закрытую корпорацию», которая управляет местными финансами, собственностью, иногда «снисходя» и до общения с народом. Все вышеуказанные проблемы неразрешимы по отдельности, а системного решения, пока, на наш взгляд, не предвидится. Смена вывесок на зданиях, зани-

маемых органами местного самоуправления и территориальными структурными подразделениями местных администраций, еще не означает качественных изменений в содержании их работы.

Характеристика местного сообщества как основы местного самоуправления

Институционализация местного самоуправления, превращение его в развитый институт гражданского общества невозможны без инициатив, активности и влияния на власть местного сообщества. Муниципальное образование — это форма, а содержание её — это, безусловно, прежде всего местное сообщество, его граждане. Но есть ли в наших муниципальных образованиях, поселениях то, что можно назвать «местное сообщество», или есть просто группы граждан с разнородными интересами?

Сам термин «местное сообщество», активно используемый учёными, политиками, общественными деятелями, понимается неоднозначно. Сложной является его социологическая интерпретация. Наиболее удачное определение, по нашему мнению, сформулировано В.А.Лапиным, который трактует местное сообщество как «сообщество людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами в решении вопросов жизнедеятельности посредством использования и развития местных материальных и социальных ресурсов на принципах самоуправления» [8.С.25].

Существует точка зрения, что «местных сообществ, понимаемых как сообщества жителей города, относящихся к муниципальной власти как к своему представителю, готовых контролировать её деятельность и способных к осознанной её замене в случае неудовлетворительной работы, — таких сообществ пока не сложилось» [11. С.113].

Нам представляется, что местные сообщества при всех их недостатках всё-таки есть. Но они складываются на уровне поселений, а не муниципальных районов. Они достаточно аморфны, пассивны, неоднородны и различаются не только по размеру поселения, но и по другим характеристикам. Внутри местного сообщества можно выделить субъекты; ими являются социальные группы, формально оформленные и не оформленные. Они уже осознают свои интересы, являются более сплочёнными, социально активными. К ним можно отнести отдельных граждан, инициативные группы, представляющие интересы жителей (подъезд, дом, квартал и др.). Кроме того, есть некоммерческие организации (НКО), союзы, ассоциации, органы ТОС, кондоминиумы, ЖСК, ТСЖ и др.

По отношению к местному самоуправлению данные группы отличаются :

- уровнем участия в формах реализации права на местное самоуправление;
- мотивацией участия в решении вопросов местного значения;
- уровнем сплочённости в решении местных проблем;
- характером взаимодействия с органами власти;
- степенью взаимодействия друг с другом и т.д.

Если отслеживать данные признаки групп местного сообщества в современной России, то можно сделать ряд выводов.

Названные элементы необходимо и развивать, и опираться на них в местном самоуправлении. Наивно полагать, что всё население будет участвовать в самоуправлении. Даже в странах муниципальной демократии такого нет. Но данные группы представляют собой точки роста, они — то и составляют гражданское общество на местном уровне. К сожалению, по-

тенциал для их увеличения и усиления достаточно ограничен. Так, согласно данным нашего исследования 2009 г. менее одной трети респондентов (31,2 %) знают о существовании местных общественных организаций, но особого желания участвовать в их деятельности не испытывают. Также граждане считают, что в их деятельности участвует максимум 10% населения. Но даже такая цифра выглядит оптимистично. Сами граждане полагают, что участию в подобной деятельности им мешает: отсутствие необходимой информации (46,2%); концентрация на личных (семейных, повседневных) проблемах (32,1 %); неверие в свои силы (16,7 %).

Подводя итог, необходимо отметить, что местное самоуправление, его развитие невозможно рассматривать без учёта тех системных проблем, с которыми столкнулось наше общество: отсутствие стратегии государственного развития, коррупция на всех уровнях власти, упадок инфраструктуры и др. Слабость гражданского общества, попытки власти вогнать его в очень узкие рамки сказывается на всех его политических и неполитических институтах. Законодательно местное самоуправление закреплено как «идеальная» конструкция, но достижение данного идеала, видимо, малоосуществимо в ближайшее время.

Местное самоуправление реализуется в нашей стране в тяжёлых условиях, можно сказать, что данному институту не повезло. Мы видим лишь контуры того, что должно быть местным самоуправлением. Местное сообщество, способное к конструктивной деятельности, контролю за властью, проявлению инициатив немногочисленно и действует разобщенно. А без

активных и ответственных граждан развитие ни местного самоуправления, ни гражданского общества невозможно.

Список литературы

1. Алиев Т. Местное самоуправление как демократический институт власти // Власть. 2008. № 8.
2. Антипов К.А. Местное самоуправление в современном российском обществе. Пермь, 2002.
3. Арановский К.В., Князев С.Д. Местное самоуправление в Российской Федерации: отечественная модель и зарубежный опыт // Академ. юрид. журн. 2007. № 1.
4. Барабашев Г.В. Муниципальные органы современного капиталистического государства. М.: МГУ, 1971.
5. Борисов В.А. Связи с общественностью в муниципальной политике. М., 2004.
6. Выборы в органы местного самоуправления 11 октября 2009 года. URL: <http://www.permkrai.izbirkom.ru/way/949929.html> (дата обращения: 11.10.2009)
7. Кодан С.В., Иванова С.А. Проблемы коррупции в государственных органах: технологии противодействия // Чиновник. 2004. № 6.
8. Лапин В.А. Природа муниципальной власти и местного самоуправления в России // Личность. Культура. Общество. 2000. Т.2, вып. 1.
9. Матвеев М.Н. Является ли местное самоуправление в России частью местного государственного управления // Вестник СамГУ. 2005. № 4.
10. Сташков Б. Генпрокурор рассказал о масштабах коррупции в России. URL: <http://www.lenta.ru/news/2009/02/24/corrupt/>
11. Сунгуров А.Ю. Городское сообщество в российских городах: в поисках жанра // Городской альманах. 2006. Вып. 2.
12. Тестирование понятия «местное самоуправление»: Опрос населения 16.08.2000 // URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd001715>
13. Яшманов Б. Рецепт от генпрокурора // Рос. газ. 2010. 12 января.

THE STATE OF SELF-GOVERNMENT AS INSTITUTION
OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

K.A. Antipiev

Perm State Technical University, 29, Komsomolsky Str., Perm, 614990

The article analyzes the state of local self-government, social and political problems of it, its perspectives and solutions of its problems, also further development of this institution of civil society.

Key words: local-government; state government; municipal power; corruption; local community.

УДК 316.656:303.425.6

ГОРОДСКОЙ СОЦИУМ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Г.В. Разинский, О.А. Чибисова

Пермский государственный технический университет, 614990, Пермь, Комсомольский проспект, 29
e-mail: labsoc@pstu.ac.ru

Рассматривается влияние кризисных явлений на состояние общественного мнения жителей Перми.

Ключевые слова: социум; кризис; общественное мнение; стратегии поведения.

Лаборатория социологии ПГТУ на протяжении трех лет (2007 — 2009) проводит мониторинг общественного мнения населения г. Перми. На каждом из этапов этого мониторинга на основе случайной районированной выборки опрашивались представители основных групп городского населения по всем семи районам города (объем выборки одного этапа составил 1400 единиц наблюдения).

Особенностью последнего (2009 г.) этапа мониторинга явилось то, что он проводился в период серьезных экономических изменений в мире в целом, в стране и в Перми, в частности. При рассмотрении влияния системного глобального экономического кризиса на ситуацию в городе следует учитывать, что экономические и социальные закономерности тесно взаимосвязаны, хозяйственная жизнь является сложным переплетением собственно экономических, властных и культурных отношений, а экономические отношения опираются на разнообразные социальные структуры (организации, ценностно-нормативные системы, межличностные взаимодействия).

Проведенное исследование позволило зафиксировать отражение кризисных явлений в сфере занятости, в социально-экономическом положении, образе и качестве жизни, поведении и социальном самочувствии различных групп населения города.

Так, доля безработных среди опрошенных, с учетом репрезентативности и сопоставимости с предыдущими этапами выборки, увеличилась по сравнению с 2008 г. в 2 раза (4,3% и 8,5% соответственно, в 2007 г. она составляла 3,2%). При этом 78,5% безработных и 30,8% незанятых стали таковыми за последние полгода. За данный период лишались работы чаще мужчины, молодежь (до 30 лет) и респонденты в возрасте 40-49 лет, те, кто имеет общее среднее и начальное профессиональное образование, учащиеся, студенты, предприниматели, жители Дзержинского, Мотовилихинского, Индустриального и Свердловского районов.

За счет увеличения доли тех, для кого угроза безработицы значительна (от 14,3% до 17,2%), и тех, кто уже стал за последнее время безработным (от 9,9% до 13,1%), увеличилось и

значение коэффициента угрозы безработицы: от $K=1,95$ в 2008 г. до $K=2,21$ в 2009 г. (угроза безработицы для себя), от $K=1,78$ в 2008 г. до $K=2,17$ в 2009 г. (для работающих членов семьи). Наиболее остро ощущают угрозу безработицы мужчины, респонденты в возрасте 19-29 лет, ИТР и специалисты промсферы, рабочие промсферы, учащиеся, студенты, те, кто имеет общее среднее и начальное профессиональное образование, жители Мотовилихинского, Индустриального и Кировского районов.

Для ИТР и специалистов промсферы, рабочих промсферы, руководителей, служащих-неспécialистов, опрошенных со средним специальным и высшим образованием, среднего возраста (30-50 лет), проживающих в Дзержинском и Кировском районах, изменения в трудовой деятельности за последние полгода связаны в большей мере с изменением графика труда (переход на неполную рабочую неделю, рабочий день, неоплачиваемый отпуск и т.п.).

Значительная доля опрошенных (20,1%) отметила, что за последние полгода в их трудовой деятельности были случаи задержки заработной платы с выплатой ее не в полном объеме. Особенно это коснулось респондентов в возрасте 40-49 лет, служащих-неспécialистов, специалистов непромсферы, ИТР и специалистов промсферы, руководителей, тех, кто имеет высшее образование, — это проживающие в Индустриальном, Кировском и Мотовилихинском районах.

Велика также и доля тех, кому приходилось выполнять работу, не соответствующую своей квалификации, специальности (17,1%). Это относится прежде всего к молодым людям от 18 до 30 лет, имеющим высшее, а также общее среднее и начальное профессиональное образование, служащим — неспециалистам, рабочим

промсферы, проживающим в Свердловском, Ленинском и Дзержинском районах.

Ухудшились, по мнению 15,9% опрошенных, возможности для профессионального роста, деловой карьеры. Данное обстоятельство в большей мере отмечают в возрастной группе до 25 лет и 30-39 лет, респонденты с более высоким уровнем образования, ИТР и специалисты промсферы и специалисты непромсферы, учащиеся и студенты — жители Индустриального и Ленинского районов.

Все вышеизложенные факты свидетельствуют о серьезных проявлениях кризиса в сфере занятости и трудовых отношений.

Кризисные явления в экономике еще в большей мере усугубили прослеживаемую и на предыдущих этапах исследования ситуацию, когда номинальный рост доходов не приводит к качественному изменению условий существования опрошенных. При росте уровня дохода опрошенных их субъективная оценка своего материального положения (K) снизилась: от 2,11 в 2007 г. до 1,94 в 2009 г.¹ Самые низкие оценки своему материальному положению дают респонденты старших возрастных групп (старше 40 лет), рабочие промсферы, безработные и пенсионеры, те, кто имеет более низкий уровень образования, а также, те, чья семейная жизнь не устроена, — это жители Мотовилихинского, Кировского, Орджоникидзевского и Дзержинского районов.

Наблюдается также снижение оценки респондентами перспектив своего материального положения (от 2,11² в 2007 г. и 2,17 в 2008 г. до 1,88 в 2009 г.).

¹ Коэффициент может принимать значения от 1 до 3; чем больше его значение, тем выше оценка своего материального положения.

² Коэффициент может принимать значения от 1 до 3; чем больше его значение, тем больше положительных изменений происходит.

По оценкам опрошенных за последние полгода произошли изменения в худшую сторону по материальному достатку и уровню жизни семьи; 49,3% респондентов отметили, что их положение по данному показателю «стало хуже» (средний коэффициент изменения 1,55¹). Особенно это характерно для средней возрастной группы (40-60 лет), служащих-неспécialистов, ИТР и специалистов промышленности, рабочих промышленности и безработных, тех, кто имеет общее среднее, начальное профессиональное и среднее специальное образование, — жителей Кировского, Орджоникидзевского и Держинского районов Перми. В меньшей мере негативные изменения в материальном положении затронули молодежные группы 18-30 лет (с одной стороны, наиболее активных, с другой — имеющих, вероятно, родительскую поддержку), учащихся, студентов, руководителей, тех, кто имеет высшее образование, — жителей Ленинского района.

Происходящие изменения в материальном положении повлекли за собой некоторые изменения в стиле потребления опрошенных. Стиль потребительского поведения респондентов в количественном выражении по сравнению с прошлыми этапами ухудшился: $K=1,52$ при 1,55 в 2008 г. и 1,58 в 2007 г.², при равно распространенном экономном и прагматичном типах потребления (48,5% и 48,9 %) произошло уменьшение доли горожан с демонстративным типом потребительского поведения (от 4% в 2008 г. до 1,1 в 2009 г.)

Отмечается также ухудшение по условиям, возможностям для проведения отпуска, сво-

бодного времени (среднее значение коэффициента 1,61). В большей степени отрицательные изменения по данному показателю зафиксированы для пермяков в возрасте 50-60 лет, а также молодежной группы 25-39 лет, служащих неспециалистов, ИТР и специалистов промышленности, рабочих промышленности, тех, кто имеет среднее специальное образование, жителей Кировского и Свердловского районов города. В минимальной степени это относится к жителям Ленинского района, молодежным группам до 25 лет и респондентам 40-49 лет, учащимся, студентам, предпринимателям, а также рабочим неспециальной сферы, респондентам, имеющим относительно невысокий уровень образования, который формирует соответственно и относительно невысокий уровень притязаний в досуговом поведении.

Если рассмотреть ответы респондентов на вопрос о планах на очередной отпуск в этом году, то значительно (практически в 2 раза) в сравнении с прошлыми этапами исследования увеличилась доля тех, кто проведет свой отпуск на приусадебном участке, даче (21% в 2008 г. против 42,3% в 2009 г.). Несколько сократилось число горожан, которые связывают свой отпуск с серьезными финансовыми затратами (отдых на юге, по путевке за рубеж, по путевке в России, санаторное лечение и т.п.), доля таковых в 2008 г. в среднем составляла 4,8%, в 2009 г. — 3,1%. Увеличилась в сравнении с 2008 г. доля тех, кто поедет к родственникам (28,4% в 2009 г. против 19,6% в 2008 г.). Около трети опрошенных (32,5%) собираются провести отпуск дома, занимаясь домашними делами, 12% — займутся ремонтом квартиры, дома, 37,8% — планируют выезжать на природу, охоту, рыбалку, собирать грибы, ягоды, 6% респондентов планирует в период отпуска подрабатывать. Такая тенденция характерна в равной мере

¹ Коэффициент может принимать значения от 1 до 3; чем больше его значение, тем больше положительных изменений произошло.

² Коэффициент может принимать значения от 1 до 3; чем ниже значение коэффициента, тем экономнее потребительское поведение - респондентов.

практически для всех возрастных, социально-профессиональных и территориальных групп населения города. Исключение составляют молодежные группы (до 40 лет), по своему профессиональному статусу служащие-неспециалисты и учащиеся, студенты, здесь ориентация на финансово-затратные виды проведения отпуска выражена более сильно, чем в среднем среди опрошенных (средний процент выбора этих типов отдыха составил соответственно 4,5; 5,2 и 5,8% против 3,1% в целом по массиву). Таким образом, в формах и видах проведения отпуска происходит смещение в сторону менее затратных и привносящих при этом определенный вклад в домашнее хозяйство (в виде урожая, результатов охоты, рыбалки, собирательства, улучшения бытовых условий, дополнительного заработка) способов проведения свободного времени.

Значительная доля опрошенных (39,7%) отмечает и ухудшение условий и возможностей поддержания здоровья (коэффициент изменения равен 1,63). Это относится прежде всего к старшим возрастным группам (от 40 лет и старше), пенсионерам и безработным, служащим-неспециалистам, руководителям, к тем, кто имеет среднее специальное образование, — жителям Кировского и Свердловского районов. Наиболее благоприятная по данному показателю ситуация характерна для молодежи (до 25 лет), учащихся, студентов, рабочих непромсферы — жителей Ленинского и Мотовилихинского районов города.

В уровне защиты своих личных прав и свобод ухудшение за последние полгода зафиксировали прежде всего старшие возрастные группы (от 50 лет), пенсионеры и безработные, респонденты с более низким уровнем образования (проживание в Кировском и Орджоникидзевском районах). В меньшей мере это проявилось

для молодежи (до 30 лет), учащихся, студентов, рабочих непромсферы, людей с более высоким уровнем образования, тех, кто проживает в Ленинском и Мотовилихинском районах. Среднее значение коэффициента изменения составляет 1,76. В целом же эта сфера не является актуальной для опрошенных.

Наименьшие негативные изменения за последние полгода по оценкам опрошенных произошли в жилищно-бытовых условиях. Коэффициент изменения здесь составил в среднем 1,82. В большей мере отрицательные изменения отмечают респонденты старших возрастных групп (старше 50 лет), пенсионеры, безработные и рабочие промсферы, те, кто имеет общее среднее и начальное профессиональное образование, жители Кировского и Орджоникидзевского районов. Меньше всего негативные изменения по данному показателю ощутили молодежные группы (18-30 лет), руководители, предприниматели, учащиеся, студенты, респонденты, имеющие высшее образование, жители Индустриального, Ленинского и Дзержинского районов.

Следует также подчеркнуть, что изменения в худшую сторону по всем вышеперечисленным показателям отмечают в большей мере семейные и респонденты с более низким уровнем материального благополучия, т.е. те, чье материальное положение ниже прожиточного минимума.

В целом прослеживается общая тенденция ухудшения качества жизни населения города. Значение среднего коэффициента изменения положения в сравнении с тем, каким оно было полгода назад, составляет 1,67, что свидетельствует об изменении в худшую сторону. Наибольшие негативные изменения в своем положении за прошедшие полгода отмечают женщины, респонденты в возрасте старше 50 лет,

безработные, служащие-неспециалисты, ИТР, специалисты промсферы, рабочие промсферы, те, кто имеет неполное среднее и среднее специальное образование, семейные, низкодоходные группы, жители Кировского, Орджоникидзевского и Свердловского районов.

Данное обстоятельство подтверждается ответами на вопрос об изменениях в базовых стандартах горожан за последний год. Средний коэффициент изменения равен 1,68¹ и выражает в целом ухудшение по данным характеристикам качества жизни. Особенно это отличает старшие возрастные группы (50-60 лет), имеющих семью, безработных, пенсионеров, тех, кто имеет среднее специальное образование, проживающих в Кировском и Орджоникидзевском районах, низкодоходные группы.

Наибольшие негативные изменения по оценкам респондентов произошли в качестве отдыха и возможностях покупать товары длительного пользования (коэффициенты равны соответственно 1,59 и 1,63).

Следует отметить, что ввиду инертности культуры все вышеобозначенные изменения в сфере труда и занятости, материальном положении, качестве жизни на данный момент не находят серьезных, значимых отражений в основных ее элементах (ценностях, нормах, образцах поведения) либо проявляются лишь в гипотетической ситуации.

На том же уровне, что и на прошлых этапах мониторинга (18%), остается готовность горожан принять участие в протестных акциях. Несколько изменилась структура мотивации участия в подобных акциях. Более остро в качестве мотивов стали выступать экономические (рост цен, падение уровня жизни — 49,4% в

2007 г./ 75% в 2009 г.; высокий уровень безработицы — 11,7%/17,6%; низкий уровень зарплаты бюджетников — 18,9%/26%). При этом почти в два раза (с 24,2% до 14,8%) сократилась доля тех, кто не будет участвовать в протестных мероприятиях ни при каких обстоятельствах.

В ходе исследования были изучены *стратегии поведения* различных групп населения города в сложившейся кризисной ситуации.

Преобладающей, по полученным данным, является стратегия выжидания (по-прежнему трудиться на своем рабочем месте, дожидаясь «лучших времен», ничего не предпринимать, жить, как прежде) — 28,4%. В большей мере это характеризует молодежь до 18 лет и респондентов в возрасте от 30 до 40 лет, рабочих промсферы, ИТР и служащих промсферы, учащихся, студентов, тех, кто имеет среднее специальное образование, жителей Орджоникидзевского и Мотовилихинского районов.

Значительная часть горожан рассчитывает на получение помощи, поддержку со стороны (будет жить на пенсию и различные пособия, будет искать поддержку в религии, вере, обратится за помощью в общественные, благотворительные организации, органы социальной защиты населения). Доля такого типа поведения составляет 22%. К нему в большей мере склонны не имеющие особенных навыков самостоятельной жизни молодые люди до 18 лет, старшие возрастные группы (старше 50 лет), а также молодежь в возрасте наибольшей репродуктивной активности, когда они имеют возможность получать различные выплаты, связанные с рождением и воспитанием детей (25-

¹ Коэффициент может принимать значения от 1 до 3; чем больше значение, тем более положительные изменения произошли.

29 лет). По социально-профессиональному статусу это чаще рабочие и специалисты непроизводственной сферы, пенсионеры и безработные, по месту проживания — представители Индустриального и Ленинского районов. Следует также отметить, что данной стратегии поведения придерживаются высокодоходные группы (с оценкой материального положения семьи выше прожиточного минимума), средний доход на одного человека в семье составил в этой группе 6705,2 руб., что больше, чем в целом по массиву.

Следующий по распространенности тип стратегии связан с определенной активностью в профессионально — трудовой сфере (18,5%). Причем изменение в трудовом поведении связано прежде всего с поиском дополнительной работы (29,5%). Это соотносится и с тем фактом, что при уменьшении доли имеющих вторичную занятость в настоящий момент (с 32% в 2007 г. и 26,2% в 2008 г. до 23,7% в 2009 г.) произошло увеличение числа потенциально ориентированных на вторичную занятость (с 28,6% в 2007 г. и 24,5% в 2008 г. до 31,1% в 2009 г.) В подавляющем большинстве респонденты не готовы к изменению своего профессионального статуса, тем не менее 17,2% рассматривают этот вариант в случае, если снижение профессионального статуса компенсируется более высоким доходом, 12% — согласились бы на любую работу, 9,2% готовы на смену профессии с переобучением.

В целом на активное поведение в профессионально — трудовой сфере, как стратегия обеспечения приемлемого уровня жизни семьи в кризисный период, в большей мере ориентированы респонденты в возрасте 19-24 лет и 40-49 лет, со средним специальным образованием, рабочие производственной сферы и специалисты непроизводственной сферы, проживающие в Дзержинском и Кировском

районах, находящиеся на среднем уровне по своему материальному положению.

Достаточно значимой стратегией, по результатам исследования, оказалась активность в сберегательном поведении (вложение средств в недвижимость, перевод имеющихся рублевых средств в валюту, использование «материнского капитала» для погашения ипотечного кредита, экономный образ жизни, минимизация расходов). Доля данного типа действий составила 16,1%. В большей мере на стратегию сберегательного поведения ориентированы возрастные группы 19-24 года и 30-39 лет, предприниматели, руководители, служащие-неспециалисты, имеющие как высшее, так и самый низкий уровень образования, высокодоходные группы (средний доход на человека в семье составил 6818,5 руб.), проживающие в Дзержинском, Мотовилихинском и Ленинском районах. Преобладающим направлением здесь является минимизация расходов, экономный образ жизни; на это ориентированы 23,3% опрошенных, в особенности респонденты в возрасте от 25 до 30 лет, респонденты как с самым низким, так и с высшим уровнем образования, по семейному статусу — холостые и незамужние, а также предприниматели, руководители, служащие-неспециалисты и рабочие производственной сферы, жители Дзержинского и Мотовилихинского районов.

Значительно менее распространенными, чем указанные выше, являются стратегии миграционного поведения (переезд в другой город в пределах края, в другой регион страны, в сельскую местность, за границу), предпринимательского поведения (предпринимательская деятельность, сдача в аренду имеющейся недвижимости) и потребительского поведения (огородничество, садоводство на своем участке, покупка товаров первой необходимости, при-

обретение товаров длительного пользования, автомобиля) — доля этих стратегий составляет соответственно 6,5; 4,2 и 2,8%).

К миграционному поведению склонны в большей мере респонденты в возрасте 25-29 лет и 50-60 лет, рабочие непромсферы, руководители, те, кто имеет среднее специальное образование, имеющие семью, низкодоходные группы населения, жители Кировского и Мотовилихинского районов. Наиболее сильна ориентация на переезд в другой город в пределах Пермского края (4,9%), на переезд в сельскую местность готовы 3,1% опрошенных.

Стратегия предпринимательского поведения больше всего характерна для молодежи до 18 лет, респондентов 25-29 лет, а также для возрастной группы старше 60 лет (вероятно, за счет наличия недвижимости, которую можно сдавать в аренду), руководителей, служащих-неспециалистов, рабочих непромсферы, имеющих неполное среднее и высшее образование, в равной мере и низкодоходных, и высокодоходных групп, проживающих в Дзержинском и Орджоникидзевском районах города.

Стратегия потребительского поведения основана прежде всего на вложении средств в покупку товаров первой необходимости (13,8%) и товаров длительного пользования (4,4%), а также на возможности заниматься огородничеством, садоводством на своем земельном участке (8,7%). На данный тип поведения в кризисной ситуации ориентированы в большей мере старшие возрастные группы, специалисты непромсферы, служащие-неспециалисты, имеющие низкий уровень образования, семейные, низкодоходные группы населения (средний доход на человека в семье составляет 5925 руб.), жители Кировского, Свердловского и Ленинского районов.

Рассмотренные варианты поведения в сложившейся кризисной ситуации были сгруппированы также с учетом активно-деятельностной, патерналистско-иждивенческой и выжидательной позиции.

Преобладающей является выжидательная стратегия (58,2%). Наиболее сильно она выражена в возрастных группах до 18 лет, 30-39 лет, у рабочих как промышленной, так и непромышленной сферы, предпринимателей, респондентов с более низким уровнем образования, в группах со средним уровнем дохода, среди жителей Орджоникидзевского и Дзержинского районов.

На патерналистско-иждивенческую стратегию, доля которой составляет 32,6%, в большей степени ориентированы молодежь до 18 лет и респонденты в возрасте старше 60 лет, служащие-неспециалисты, незанятые, учащиеся, студенты, рабочие непромсферы, те, кто имеет общее среднее и начальное-профессиональное образование, высокодоходные группы населения (с оценкой материального положения «выше прожиточного минимума, доходом на одного члена семьи 6541,4 руб.), проживающие в Кировском, Индустриальном и Свердловском районах города.

Минимально распространена среди жителей Перми активно-деятельностная стратегия (7,7%). Такой тип поведения наиболее склонны выбирать опрошенные в возрасте 19-24 и 40-49 лет, безработные, ИТР и специалисты промышленности, специалисты непромсферы, имеющие более высокий уровень образования, респонденты, субъективно дающие среднюю оценку своему материальному положению, но имеющие более низкий среднедушевой доход в семье (5954,2 руб.), жители Ленинского и Мотовилихинского районов.

Следовательно, базовые ценности и социальные установки (прежде всего распространенность патерналистско-иждивенческих настроений) не способствуют активностно-деятельностному противостоянию горожан неблагоприятной социально-экономической конъюнктуре, увеличивая тем самым нагрузку на соответствующие государственные (в том

числе и городские) структуры управления. В целом же анализ общественного мнения жителей Перми дает основание для характеристики социального развития городского социума в условиях кризиса как застойной стабилизации, чреватой реализацией того или иного сценария дальнейших изменений.

THE CITY COMMUNITY IN THE SOCIAL AND ECONOMIC CRISIS

G. Razinsky, O. Chibisova

Perm State Technical University, 29, Komsomolsky Str., Perm, 614990

This article tells us about how the crisis makes an impact on public opinion in Perm.

Keywords: socium; crisis; public opinion; strategy of behaviour.

УДК 316.334.2

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ РЫНКА ТРУДА

В.Я. Звездин

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: agantip@psu.ru

Анализируется взаимосвязь профессионального образования с компетентной деятельностью специалиста на рынке труда. Рассматриваются основные виды и модели компетенций специалиста, в том числе преподавателя вуза.

Ключевые слова: рынок труда; компетентность; образование.

Конкурентоспособность будущего специалиста в условиях рынка труда основывается на следующих требованиях:

- острая заинтересованность всех отраслей народного хозяйства в высококвалифицированных, профессионально компетентных специалистах именно того профиля, который имеет значение в настоящее время;
- конкуренция работников на рынке безработицы, которая выдвигает требования не к формально полученному образованию, а к фактической квалификации, выражающейся в реальных знаниях, умениях, навыках и других качествах личности;
- новые взаимоотношения системы профессионального образования с наукой [6].

С учетом этих требований необходимы изменения в системе образования: повышение роли глубоких и динамичных образовательных структур; пересмотр системы критериев оценки личностных и профессиональных качеств выпускников, а также системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки пре-

подавательских кадров; акцентирование внимания на гуманитарных аспектах образования (личностных качествах особо важных в рыночных отношениях) — ответственности, чувстве долга, инициативности профессиональной мобильности и др. Предполагается, что данные изменения будут способствовать формированию основных видов компетенции специалиста.

Компетенция — готовность субъекта эффективно мобилизовать внутренние и внешние ресурсы для достижения поставленной цели в субъективно новой ситуации.

Компетентность — результат образования, выражающийся в овладении учащимися определенной совокупностью способов деятельности по отношению к определенному предмету воздействия.

Основным условием достижения конкурентоспособности специалиста является его компетентность как важный результат высшего образования. Компетентности классифицируются по формам, сферам, уровням, структурам и на-

правлениям. Компетентность будущих специалистов в значительной степени определяется компетенцией преподавателей и степенью модернизации системы образования, которая, в свою очередь, во многом зависит от маркетинга образовательных услуг и рынка труда, а также формирования базовых компетенций, необходимых для специалистов разных профилей на рынке труда.

Компетентность как результат образования обладает следующими параметрами:

- является интерпретированным результатом;
- позволяет решать комплекс задач (в отличие от элемента функциональной грамотности);
- существует в форме деятельности, а не в виде информации о ней (в отличие от знания);
- создана целым классом предметов воздействия, интегрирует с другими компетенциями;
- проявляется осознанно (в отличие от навыка).

Ключевые компетенции — это компетенции, которыми должен обладать каждый специалист и которые могут применяться в различных ситуациях.

Ключевые профессиональные компетентности предполагают:

- продвижение себя работником в сфере занятости или самозанятости (трудовое и профессиональное самоопределение);
- трудовые отношения как организация выполнения трудовых обязанностей работника;
- вертикальное и горизонтальное взаимодействие в коллективе.

Можно выделить следующие компетентности: информационную, коммуникативную, компетентность разрешения проблем.

Информационная компетентность предполагает:

- поиск источников, адекватных задачам;
- извлечение и первичную обработку информации;
- принятие решения на основе информации;
- предъявление информации.

Коммуникативная компетентность дифференцируется следующим образом:

- устная коммуникация: монолог;
- устная коммуникация: восприятие и интерпретация монолога;
- устная коммуникация: диалог;
- письменная коммуникация;
- продуктивная (взаимодействие в группе: процедура);
- продуктивная (взаимодействие в группе: содержание).

Компетентность разрешения проблем включает:

- целеполагание и планирование;
- идентификацию проблем;
- использование технологий деятельности;
- оценку результатов своей деятельности; оценку деятельности и достижений.

Выделяются следующие уровни сформированности ключевых компетентностей:

- уровень субъективности (от воспроизводства культурной нормы, образца до конструирования новых норм в ситуации неопределенности);
- уровень интеграции (от отдельных законченных действий к соорганизации ресурсов для успешной деятельности в конкретной ситуации, т.е. интеграции различных компетенций для разрешения проблемы).

Система образования всех уровней призвана формировать следующие общегражданские компетенции:

- ролевую — трудовую, социальную, политическую;

- культурно-ценностную: общекультурную, межкультурную;
- совершенствования: интеллектуального развития, духовного, эмоционального, физического развития;
- информационную — критического отбора информации, передачи информации;
- коммуникативную — языковую, речевую [4].

Особую роль играет структура профессиональной компетенции, выделим её основные компоненты:

1. Когнитивный: структура интеллекта, абстрактное мышление, зрительное мышление; внимание, лексический запас.
2. Личностный: личностная характеристика, доминантность (уступчивость), экстраверсия — интроверсия, рациональность — иррациональность, открытость — закрытость, логика — этика, интуиция — ощущения.
3. Мотивированный: профессиональные интересы; внутренняя — внешняя мотивация, мотивация достижения — мотивация избегания неудач; жизненные установки, творческая свобода, поиск определенностей, активность — пассивность, ответственность — легкомыслие [13].

В структуру карьерной компетенции входят мотивации к карьере, карьерные ориентации, профессиональные интересы, карьерная самоэффективность.

Если рассматривать основные виды компетентности в высшем образовании, то следует выделить общую профессиональную, общую социально — психологическую, специальную профессиональную компетентности.

Общая профессиональная компетентность включает компетенции в сфере научно-исследовательской, проектно-конструкторской, административно-управленческой, производственной, педагогической деятельности.

Общая социально-психологическая представлена компетенциями социальными, профессиональными, информационными, валеологическими и др.

Специальная профессиональная компетенция — степень подготовки выпускника, наличие профессиональных компетенций, необходимых для выполнения определенной профессиональной деятельности.

Объективные (внешние) компетентности:

- процессуальные особенности деятельности (темп, скорость, интенсивность, объем), разнообразие приемов и действий, использованных субъектом при выполнении предлагаемых заданий;
- результативные характеристики деятельности, уровень и качество результатов, полученных в итоге деятельности индивида.

Субъективные (внутренние) компетенции:

- комплекс внутренних побуждений, установок, мотивов поведения и деятельности, направленность интересов;
- степень выраженности внутренних побуждений, потребности деятельности [6. С.10].

Выделяются следующие основные направления компетентного подхода в высшем образовании:

1. Ознакомление субъектами образовательного процесса со структурой и спецификой будущей профессии (модель, профессиональная графика специалиста).
2. Внедрение активных форм обучения (проблемные лекции, семинары — дискуссии, деловые игры и др.).
3. Стимулирование действий преподавателя «в роли профессионала».
4. Использование общих организационно-педагогических факторов формирования компетенций: межфункциональность и интегрированность в построении учебных планов, программ курсов; гибкость в составлении учебных планов; предоставление

студентам курсов по выбору; больше практики в профессиональной деятельности преподавателей.

5. Ориентированность образовательной системы на интегрированное развитие мотивационных, аксеологических, когнитивных аспектов, способностей и профессионально важных качеств личности.

В общем, грани компетенции включают такие основные признаки, как мобильность знания, гибкость метода, критичность мышления. Крайне важно постоянное обновление знаний и успешное применение их в конкретных условиях, а также владение новой информацией. Потенциальная готовность решать задачи со знанием дела также является компетенцией, включающей в себя содержательный (знание) и процессуальный (умение) компоненты. То есть знать существо проблемы и уметь решать её практически, гибкость методов — значимое качество компетентности, как и способность среди многих решений выбрать оптимальное.

Компетенция преподавателя является составной, органичной частью общеобразовательной системы и её компетенции. Компетенция преподавателя — это методическая, организационная, коммуникативная, информационная, общекультурная компетенции и компетенция самосовершенствования. В целом они обеспечивают:

- мобильность образования, достигаемую за счет гибкой и разветвленной структуры, позволяющей учитывать особенности личности;
- открытость образования, обеспечивающую её адаптивность к внешней среде;
- фундаментальность знаний как основу системы непрерывного профессионального образования, которая дает возможность получать образование в течение всей жизни;

- междисциплинарность, способствующую получению многопрофильного образования;
- дифференцированность квалификации и уровней общего и профессионального образования;
- использование новых педагогических технологий;
- создание условий для вариантного, лично-отно ориентированного обучения и образования по выбору [7.С.10].

Повышению компетенции преподавателя способствуют: сплоченность педколлектива, разделяющего политику и цели руководства; реализация постоянно действующих программ повышения квалификации и организация системного внедрения образовательных инноваций; эффективная личностная система мотивации профессионала в перманентном повышении квалификации; налаженная практика обмена опытом и распространения перспективных педагогических, дидактических методических приемов, наличие системы поощрения преподавателей.

На формирование, эффективность компетенции субъектов в системе образования влияет система управления, её основные факторы: деятельность как воздействие одной подсистемы на другую; взаимодействие субъектов; неразрывность прямого и обратного взаимодействия.

Алгоритм управления учебной деятельностью:

- изучение состояния объекта управления, направленное на формирование его «идеальной» модели;
- поиск решений, направленных на разработку программы преобразования, модернизации;
- организация исполнения, обеспечение выполнения программы руководства; организация контроля за реализацией решений.

Особую значимость в модернизации высшего образования имеют методы активизации учебно-познавательной деятельности студентов. Метод—это основной многофункциональный инструмент педагогической деятельности, с помощью которого производится продукт обучения. Процесс образования в вузе (сегодня как никогда) должен быть основан на высокой активности студентов и их самостоятельной работе, которая начинается на аудиторных занятиях и логически продолжается во внеаудиторное время. Рекомендуется перед началом нового учебного курса студентам предлагать проблемное задание, в начале каждой лекции несколько минут отводить на дискуссионные вопросы по теме, в конце лекции обобщать и оценивать ответы студентов на них.

Особый интерес у студентов вызывают методы, основанные на активной деятельности непосредственно на занятии, построенные по принципу имитационного моделирования реальной профессиональной деятельности (деловые игры, тренинги и др.). Такие методы усиливают мотивацию студентов к активному участию в процессе учения, активизируют их познавательную деятельность. Основным элементом игровых (активных) методов является наличие проблемы, что позволяет широко использовать один из основных методов логики — индуктивный, переходя от частного знания (проблемы) к общему. Средствами формирования умений студентов являются: написание рефератов, статей, подготовка научных докладов.

Безусловно, не следует отказываться и от классических (традиционных) методов обучения, уникальность которых состоит в том, что они позволяют успешно реализовывать ведущие принципы вузовского образования — фундаментальность, научность, системность. Соотношение классических и инновационных методов обучения зависит от специфики учебной дисциплины и вуза профессиональной подго-

товки преподавателя, уровня теоретических знаний студентов.

Определение дальнейшей стратегии развития вуза, её комплексный анализ требуют использования таких методов исследования, как:

- маркетинг рынка образовательных услуг и рынка труда;
- сканирование среды;
- ситуационный анализ деятельности вуза;
- экспертная оценка деятельности вуза в контексте российских и мировых тенденций;
- сценарное планирование дальнейшего развития по этапам.

Этап целеполагания — выбор и обоснование основного идеала, политики основных направлений деятельности, стратегических целей и задач развития, разработка миссии и определение основных приоритетов развития вуза.

Диагностический этап — определение основной идеи стратегии развития вуза, его адаптация к изменяющейся окружающей социальной среде.

Этап формирования новой корпоративной культуры:

- стремление сотрудников к постоянному совершенствованию своего мастерства;
- анализ, переосмысление ситуации внутри вуза и вне его;
- формирование разделяемого сотрудниками вуза общего видения его будущего;
- командная деятельность: сочетание полемики с диалогом, формирование синергетического интеллекта коллектива;
- модернизация системы поддержки реализации основной цели, миссии вуза: поощрение инициатив, творчества, повышение квалификации сотрудников; развитие интерактивного общения в деятельности структурных подразделений; создание условий для раскрытия потенциальных возможно-

стей и творческой деятельности каждого сотрудника [8].

Системное мышление и корпоративность — сложные, важные и также необходимые феномены изменения организационной культуры.

Модель вуза как культурно-образовательного центра включает не только факультеты различного профессионального направления и уровня, органы управления образованием, но и подразделения науки, культуры, спорта и др. Поэтому ценностно-целевое предназначение вуза выражается через:

- сохранение идеалов, духовных ценностей, традиций и нравственных норм Отечества, подготовку специалистов нового типа с гражданской и нравственной позицией;
- создание системы непрерывного образования, соответствующей направлению и динамике социально-экономического развития региона и обеспечивающей опережающий характер подготовки специалистов, конкурентоспособных на рынке труда, достижение высокой степени согласованности с требованиями внешней среды [9].

Функциональность такой модели выражается в совокупности обучающей, воспитательной, организующей, координирующей, социальной, культурной, научно-исследовательской и других функций. Особо важную роль при этом играет адаптивная функция — гибкая организация образовательного процесса, позволяющая быстро приспосабливаться к динамическому социуму в соответствии с запросами рынка, постоянно пересматривать спектр образовательных услуг.

Поэтому на этапе планирования, разработки программ и проектов достижения конкретных целей необходимо использовать такие подходы и средства, как:

- диверсификация и оптимизация структуры подготовки специалистов, совершенствование основных реализуемых образователь-

ных программ на основе комплексного подхода и в соответствии с современными требованиями к качеству профессионального образования и социально-экономическими региональными условиями;

- разработка и внедрение системы активных образовательных технологий использования отечественных и мировых информационных ресурсов;
- развитие форм и содержания послевузовского образования;
- разработка программ для подготовки и повышения квалификации педагогических кадров;
- формирование системы дополнительного образования, способствующей личностному росту студентов и удовлетворению запросов населения региона;
- совершенствование системы воспитательной работы в вузе: формирование духовности и гражданственности, способности студентов адаптироваться к динамичным социальным условиям;
- создание комплексной системы современного информационного, методического и материально-технического образовательного процесса;
- развитие партнерских отношений вуза с учреждениями образования, культуры, науки, спорта, предприятиями производства и бизнеса с целью подготовки квалифицированных специалистов.

Критерии эффективности реализуемой модели развития вуза определяются мониторинговыми исследованиями: реализация намеченных ориентиров в деятельности вуза; необходимость корректировки стратегического плана развития вуза, уточнение и пересмотр поставленных целей [11].

Рынок предъявляет специалисту специфические с точки зрения системы образования требования, которые хорошо известны менеджерам предприятий по работе с кадрами. Компетентностный подход при подборе сотрудников, повышение квалификации, переподготовка и стажировка специалистов уже давно являются основой кадрового менеджмента. Каждый этап развития предприятия требует специалистов разных типов.

На этапе, когда бизнес активно растет и расширяется, востребованы люди креативные, инициативные и умеющие быстро принимать нестандартные решения. На этапе стабильности, когда бизнес хорошо структурирован, нужны люди хорошо организованные, склонные к соблюдению процедур, а не к их изменению. Это должно учитываться при планировании развития предприятия.

Различают планирование оперативное, тактическое, долгосрочное. Различия в видах планирования не столько в степени детализации плана, сколько в направлении вектора планирования. Традиционно он направлен в будущее.

Как планировать от имеющейся базы, знают многие, а как выстраивать план своих текущих действий, знают немногие. До 2002 г. Россия вставала на путь инновационного социально-экономического развития. В этой ситуации с большими трудностями столкнулись и образовательные учреждения всех уровней, в частности, в формировании компетентности специалистов как синергетического фактора, как со-

вокупности независимых друг от друга разных компетенций [15].

Компетенция — характеристика специалиста, его способность действовать, опираясь на единство знаний, профессионального опыта и поведения в соответствии с целью и ситуацией. Это качества, которыми должен обладать конкретный специалист, имеющий конкретный функциональный статус.

Компетенции могут заменять, дополнять друг друга в качестве составляющих квалификационных характеристик конкретной деятельности. С одной стороны, это учебные цели, которых должен достичь обучающийся, а с другой — это результат обучения, который можно сравнить с эталоном. Каждая профессия имеет свой профиль, набор компетенций, которые могут являться учебными целями изучения конкретных тем различных учебных дисциплин, например: «логика делового общения».

Описание компетенций требует большого опыта профессиональной деятельности. Оно должно быть обоснованным, рационально узнаваемым экспертами. Каждая компетенция должна быть сформулирована конкретно, в ней должны быть четко расставлены приоритеты, имеющие свой «эталон», и они должны быть достижимыми и диагностичными. Конкретно составленные профили компетенции позволяют долгосрочно планировать и прогнозировать необходимые кадровые ресурсы, быстро и эффективно формировать кадровый резерв, планировать обучение.

Таблица 1. Формирование требований (принципов) коммуникативной компетенции преподавателя

Профиль компетенции	Учебные цели (результаты обучения)	Средства, методы обучения	Способы контроля
Способность слушать и слышать	знать правила эффективного слушания; уметь слушать; демонстрировать способность конспектировать; демонстрировать способность повторить слова говорящего;	Тесты, дискуссия, методика малых групп и групповой динамики	Тесты, наблюдения, самооценка, оценка группы

	демонстрировать толерантность и др.		
Готовность к общению с людьми Установка — интерес к людям	продemonстрировать корректность; продemonстрировать эмпатию; продemonстрировать доброжелательность; продemonстрировать аутентичность; продemonстрировать корректность и т.д.	Тесты, дискуссии, методика малых групп и групповой динамики, кей-метод, деловая игра	Тесты, наблюдение, самооценка, оценка группы
Профиль компетенции	Учебные цели (результаты обучения)	Средства, методы обучения	Способы контроля
Речевые способности	1) демонстрировать терминологическую грамотность, владение тезаурусом; 2) демонстрировать отсутствие в речи жаргонных слов, диалектизмов, слов-сорняков, стандартных, избитых выражений; 3) демонстрировать правильное произношение слов в соответствии с орфоэпической нормой современного русского языка; 4) демонстрировать соблюдение общих правил грамматики, речевую культуру	Тесты, дискуссии, методика малых групп и групповой динамики, деловая игра	Тесты, подготовка к эссе, наблюдение, оценка группы

Личностные универсальные компетенции преподавателя вуза:

1. Инструментальные (способности):

- совокупность общетеоретических и частных аспектов диагностики и обучения: способность применять знания на практике и уметь делать логические выводы, интерпретировать результаты: способность получать новую информацию на современном уровне, обновлять знания, развивать память, абстрактно мыслить;
- умение использовать инновационные технологии, проследить результаты обучения, располагать к себе студентов, коллег, работать с современной аппаратурой и др.

2. Межличностные:

- готовность к общению с персоналом вуза, соблюдению субординации, способность организовывать работу персонала, считаться с интересами окружающих;
- способность слушать и слышать, использовать коллективные знания, быть тактич-

ным, толерантным, способным к сочувствию, выполнению воспитательных и педагогических функций, к обучению молодых преподавателей.

3. Системные:

- способность ориентирования в системе современных знаний и методик, прогнозирования результатов работы как всей системы, так и ее части (обратная связь); профилактика профессионального выгорания (исполнение своего долга); способность к принятию решений;
- когнитивные способности, формирование мотивации к самообразованию, к критическому и креативному мышлению, концептуальность мышления (способность выявлять закономерности, выделять ключевые моменты в сложных ситуациях);

способность быть гибким, исполнять свои обязанности, способность к самостоятельной работе, развитию интеллекта, к адаптации;

умение использовать на практике результаты научных исследований [12].

Содержание образовательных программ повышения квалификации работников высшей школы:

- умение быстро устанавливать контакт с людьми;
- вежливое располагающее общение;
- умение убеждать;
- умение слушать собеседника;
- умение публично выступать;
- желание общаться с другими людьми;
- хорошо поставленная грамотная речь [14].

В заключение особо выделим базовые компетенции, необходимые для специалистов разных профилей на рынке труда:

1. Компетенция получения новой информации на современном уровне и обновления знаний:

- умение находить информацию из различных источников и баз данных и оценивать её;
- умение идентифицировать информацию;
- умение классифицировать, обрабатывать и систематизировать её;
- способность анализировать и применять разнородную информацию.

2. Использование информационных технологий:

- способность к эффективному освоению и использованию постоянно развивающихся информационных и телекоммуникационных технологий;
- способность к постоянной вовлеченности в интерактивную коммуникативную среду;
- умение представлять письменные результаты своей деятельности через веб-интерфейс;
- готовность участвовать в научных и прикладных интернет-конференциях;

3. Способность к принятию решений проявляется при участии в конференциях:

- в обоснованной расстановке приоритетов и управлении ими и критической оценке сделанного выбора;
- в приверженности целям при принятии решений и абстрагировании от личных интересов;
- в способности к принятию решения в условиях недостаточной информации и умении сделать интуитивный выбор наилучшего варианта.

4. Концептуальность мышления:

- способность к индукции и логическому мышлению, умение видеть закономерности и тенденции;
- умение опираться на прошлый опыт, проводить аналогии для анализа настоящей ситуации;
- способность давать ясные объяснения, опираясь на прошлый опыт, наблюдения, знания;
- умение создавать новые концепции для объяснения создававшихся ситуаций и решения проблем.

Список литературы

1. Бажин А.С. Карьера и профессиональные компетенции специалистов // Высшее образование сегодня. 2007. № 9. С. 37-39.
2. Боярский Е.А., Коломиец С.М. Компетенции: от дифференциации к интеграции // Высшее образование сегодня. 2007. № 1. С. 8-12.
3. Давыденко Т., Жилияков Е. О кластерном подходе к формированию профессиональных компетенций // Высшее образование в России. 2008. № 7. С.67-76.
4. Девисилов В.А. Стандарты высшего профессионального образования компетентностного формата: вопросы структуры и содержания // Высшее образование сегодня. 2008. № 9. С.18–23.
5. Зернов В. Высшее образование как ресурс инновационного образования//Высшее образование в России. 2008. № 1. С.12–22.
6. Зимняя И.А. Интеграционный подход к оценке

- единой социально-профессиональной компетенции выпускников вузов // Высшее образование сегодня. 2008. № 5. С. 14-19.
7. Иванов В.И. и др. Интеграция знаний в системе повышения квалификации преподавателей высшей школы // Высшее образование в России. 2008. № 1. С. 112–116.
 8. Мартыненко О.О., Садон Е.В. Мониторинг формирования компетенции как важнейший инструмент управления образовательным процессом вуза // Университетское управление: практика и анализ. Екатеринбург. 2008. № 3. С. 42-56.
 9. Мосина П.В. Подходы к формированию компетентности будущего специалиста // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 1. С. 188–190
 10. Носков М.В. Шершнева В.А. Междисциплинарная интеграция в условиях компетентностного подхода // Высшее образование сегодня. 2008. № 9. С. 23-26.
 11. Слинкин С.В. Развитие вуза как культурно-образовательного центра // Высшее образование в России. 2009. № 3. С. 22–29.
 12. Соловьев В.П. Компетентностная модель выпускника // Высшее образование сегодня. 2007. № 9. С. 76-79.
 13. Филатова М., Волкова Л. Специальные компетенции и современное образование // Там же. № 1. С. 65-72
 14. Шестак Н.В., Шестак В.П. Компетентностный подход в дополнительном профессиональном образовании // Там же. 2009. № 3. С. 29-39.
 15. Ялалов Ф. Деятельностно — компетентностный подход к практико-ориентированному образованию // Там же. 2008. № 1. С. 89-92.

COMPETITIVENESS OF THE FUTURE EXPERT IN THE CONDITIONS OF THE LABOUR MARKET

V. Zvezdin

Perm State University, 15, Bukirev Str., Perm, 614990

In the article connection between professional education and competence on a labour market is analysed. There is a review of main kinds and models of competence, including competence of university teachers.

Key words: a labour market; competence; formation.

УДК 316.7

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАБОТНИКА И ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

О.К. Яковлева

Пермский государственный университет, 614990, ул. Букирева, 15
e-mail: yak125@yandex.ru

Обращение к теме характеристик современного российского работника продиктована необходимостью смоделировать систему менеджмента, адекватную российскому менталитету. В условиях перемен формируется работник нового типа, но по-прежнему характеристики его поведения двойственны и противоречивы: соотношение трудолюбия и лени, догматизма и стремления к новому, набожности и безбожия, «группизма» (коллективизма) и индивидуализма — всё это требует управления гибкого, маневренного, диалектичного.

Ключевые слова: производственное и трудовое поведение; культурные характеристики; национальные особенности.

Поведенческий подход, сформировавшийся в экономической теории, психологии и социологии одновременно, можно всё с большей уверенностью отнести к компетенции социологии. Конкретный анализ, предлагаемый социологами, позволяет рассматривать производственную организацию, фирму как сложную систему поведения людей с различными интересами, информированностью, степенью рациональности, в которой принимаемые решения не во всём и не всегда подчиняются логике максимизации. С точки зрения поведенческого подхода можно по-разному рассматривать производственное и трудовое поведение: последнее является ядром, активной частью ограниченного рамками производственно-технологических условий производственного. Таким образом, трудовое поведение — это в основном сознательно регулируемый комплекс действий и поступков работника, связанных с синхронизацией его

профессиональных возможностей и личностных интересов, с функциональным алгоритмом производственного процесса в конкретной социально-экономической организации [2. С.258-259].

Среди особенностей трудового поведения как наиболее значимые можно выделить:

- Функциональный алгоритм производственного процесса.
- Адаптационная направленность, как форма приспособления к условиям производственного процесса и факторам окружающей среды (в том числе социальному окружению).
- Проявление социальных стандартов, стереотипов и профессиональных установок, интериоризованных индивидом в процессе социализации.
- Отражение индивидуальных, характерологических черт личности работника.

К особенностям трудового поведения, несомненно, можно отнести и национальные культурные характеристики работника, которого, как и хозяина факторов производства, менеджера, следует считать актором трудового, производственного поведения.

Для менеджеров, чьей основной обязанностью является побуждение других к действию с целью достижения желаемого результата с точки зрения бизнеса, необходимо понимание национальных культурных ценностей, что способствовало бы выработке наиболее эффективных подходов к мотивированию и контролю персонала. Особенно это важно для работы в международной среде. Однако данный постулат современного международного управления стал очевидным для российского менеджмента далеко не сразу.

Существует бесчисленное множество концепций, позволяющих решать организационные и управленческие проблемы теоретически. Среди их авторов такие учёные, как А. Маслоу, Ф. Герцберг, Д. Макклеланд, В. Врум, Д. Макгрегор, Р. Лайкерг, Р. Блейк и Дж. Моутон и т.д. Однако многочисленные современные социологические исследования показывают, что идеи и теории об управлении и организации нередко экспортируются в другие страны без учета культуры, в которой они были развиты и успешно использованы на практике. Считаем такой подход поверхностным и наивным и сравниваем его с выступлениями журналистов и политологов, которые хотят экспортировать немецкий тип *Mitbestimmung* (участие в принятии решений) в Англию, шведскую рабочую реформу в Италию или форму частных предприятий США в Россию. Мы далеки от того, чтобы игнорировать опыт теорий и практик других стран, но мы за то, чтобы перенос идей через национальные границы осуществлялся с учетом «социального капитала» принимающих стран.

Многие исследователи полагают, что национальная культура в современном мире в русле процессов глобализации унифицируется, становится одинаковой для всех. Такой вывод делается на том основании, что люди одинаково одеваются, покупают одинаковые продукты, используют одинаковые модные слова (символы), смотрят одинаковые ТВ-шоу и фильмы (герои), проводят одинаково свободное время (ритуалы). Все это можно отнести к представлениям об искусственной культуре. Однако настоящая культура находится глубже и существенно влияет на поведение людей, что часто не учитывается.

На основании анализа национальных систем управления, известного как «исследование ИБМ», учёный Г. Хофштед по разработанным им межкультурным характеристикам ещё в 70-е гг. XX в. описал влияние национального менталитета на представление о характере организаций в 64 странах. Оно основано на анкетировании 116,000 менеджеров и сотрудников многонациональной корпорации в период 1967-1973 гг. В процессе опросов и анализа файлов кадровых служб использовалось двадцать иностранных языков. На окончательном этапе было выделено четыре группы относительно независимых переменных, позволяющих различать разные страны по таким критериям, как: дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм/коллективизм и преимущественно мужской или женственный стиль поведения; позднее к ним добавился пятый критерий — отношение ко времени. Они были «просчитаны» на основе формализованных процедур распределения ответов опрашиваемых менеджеров [3. С.315 — 330].

Эти пять критериев позволяют выделить значительное количество ключевых ценностей, отражающих ту или иную национальную культуру поведения, ту или иную систему ценностей, которые актуальны для международного менеджмента, но отличают одну культуру от другой. Сегодня описание национальных культур в соот-

ветствии с ключевыми ценностями широко используется и в практике международного менеджмента, и в обучении в школах бизнеса, и в теоретических изысканиях обществоведов. Среди зарубежных ученых, работающих в этой области и проводящих сравнительный анализ ценностей национальных культур, наряду с Хофшtedом, который считается патриархом, можно назвать Эдварда и Милдред Холлов, Ричарда Льюиса, Джека Скарбороу и мн. др. Обобщение их идей относительно главных ключевых ценностей различных наций можно представить следующим образом.

Обычно первой ключевой ценностью называется по традиции религиозное воззрение, оказывающее большое влияние на деловые качества работника. К настоящему времени о роли этого фактора сказано много. Как мы помним, в начале XX в. немец Макс Вебер связывал протестантизм с этическими нормами труда при капитализме, которые помогли выработать характерный для капитализма тип предпринимателя и работника. Применительно к Соединённым Штатам необязательно относиться к протестантской церкви, но, чтобы добиться успеха, нужно вести себя в соответствии с ценностями, выраженными в «Этике протестантского труда». Каждое религиозное направление, а не только протестантизм, вырабатывает свой этический кодекс, и с этим надо считаться.

Вторая ключевая ценность, отличающая одну культуру от другой, — это решение вопроса о том, что важнее в жизни — работа или жизнь. От того, какому фактору отдается предпочтение, зависят способы и методы мотивации и контроля над персоналом. Человек живет, чтобы работать, или работает, чтобы жить? Действительно ли работа заслуживает внимания и полезна сама по себе или это только необходимое зло, которое приходится терпеть только потому, что оно обеспечивает получение средств, необходимых для удовлетворения потребностей? Или каждый дей-

ствительно наслаждается работой и она является своеобразной формой досуга? Работа — прежде всего производительная или социальная деятельность? Жизнь — прежде всего возможность наслаждаться тем, чего достигли предыдущие поколения, или возможность совершать полезные человечеству действия? Какие усилия — прагматические, философские или эмоциональные — заслуживают наибольшего внимания? Если, оценивая работу и себя, вы получаете удовольствие от хорошо выполненного задания, имеется ли необходимость призывать к дисциплине, контролировать или мотивировать? Все, что необходимо, — это научить человека, как выполнить задачу, и объяснить, что от него требуется. Наиболее сложно мотивировать работника в тех культурах, где «работают для жизни» («being» cultures).

Третьей ключевой ценностью является сплоченность общества, которая обуславливает необходимость решения следующих вопросов. Люди предпочитают работать в одиночку или быть частью группы? Они стремятся максимизировать свое индивидуальное богатство и благосостояние и представляют жизнь как высококонкурентную игру «на ноль», где если не я, то победят другие, или они рассматривают человеческие отношения с точки зрения возможной победы своего собственного потенциала при сотрудничестве и содействии успеху группы? Они избегают зависимости от других и предпочитают, чтобы их оценивали по личным результатам, а не совместно с другими? Они чувствуют большее проявление лояльности к интересам группы, чем к персональным интересам, и считают естественным использовать что-либо совместно с членами группы? В одних культурах жертвовать индивидуальными интересами ради интересов группы является относительно новым, в других культурах это — норма. В целом, в первом случае менеджеры озабочены проблемой так называемого свободного наездника, решая проблему, что делать с членом группы, который «тянет одеяло на себя», и как за-

ставить людей работать вместе в группах. Во втором случае, в условиях коллективизма, такая проблема является невероятной или крайне редкой.

Четвертая ключевая культурная ценность — отношение к собственной судьбе: находится ли она в руках человека? Люди могут формировать среду, в которой они обитают, или же они должны подчиниться прихотям природы? Развивается ли история сама по себе или её делают люди? Люди более оптимистичны, изобретательны и активны, если верят, что они могут улучшить ситуацию в результате собственных действий и идей, и, следовательно, они будут больше заинтересованы разработкой планов, целей и бюджетов проектов, имеющих к ним непосредственное отношение. В противоположном случае они имеют тенденцию к пассивности и покорности, больше склонны к тому, чтобы принять то, что им уготовила судьба.

Пятой ценностью является отношение ко времени, которое во многом определяет целеустремленность, работоспособность, инициативность и способность работника к инновациям. В некоторых организациях люди стремятся использовать каждую свободную минуту и очень пунктуальны, а в других обращаются со временем весьма расточительно (что не было сделано сегодня, будет сделано завтра или в какое-нибудь другое время, а определение срока для выполнения какой-либо задачи является простой формальностью). В последнем случае временем наслаждаются, его скорее тратят, чем экономят. Все культуры имеют исторические корни, но в некоторых больший акцент делается на традиции и традиционные способы ведения бизнеса и будущее рассматривается всего лишь как продолжение прошлого. В других ставка делается на большую гибкость и адаптируемость и кажется, что жизнь протекает ради момента, немедленного возвращения вложенного времени, усилий и капитала. Третьи жертвуют сиюминутной отдачей ра-

ди отдаленных результатов. Те, кто очень ценит время, больше ориентируются на выполнение задачи и не имеют большого терпения для формирования дружественных рабочих отношений. Те, кто глубже укоренились в прошлом, более удобны в высокоструктурированных организациях, они продвигаются вперед осторожно и обдуманно. На процесс принятия решений такими работниками большое влияние оказывает наличие прецедентов. Люди с сильной ориентацией на будущее в конечном счете являются более сильными конкурентами, потому что они уделяют больше внимания потребностям людей, формируя активы и улучшая производственные навыки усердно и непрерывно, жертвуя немедленной прибылью в пользу формирования рыночных преимуществ в будущем.

Шестой, важной для мотивационного управления ценностью является предпочтительный стиль общения, в котором выбирается как главное содержание или форма. Высокодержательное общение предполагает исчерпывающую, прямую и непосредственную информацию. Там, где важна форма изложения, где слова дополняются, а порой изменяются тоном высказывания или выражением лица, человеку первой, содержательной культуры общения, очень трудно понимать, о чем идет речь. Первая, более открытая форма общения поощряется в германской, скандинавской, английской культурах. Вторая, более закрытая, где информацию легко понимают только люди посвященные, где в разговорах многое подразумевается, но не называется, характерна для Южной Европы, Китая, Японии и арабских стран.

Седьмой культурной нормой является степень отчужденности власти, которая определяется историческими, демографическими и социальными факторами. Уровень отчужденности власти — это тот уровень, до достижения которого люди соглашались с ее неравным распределением. В культуре, где власть сильно отчуждена, субъект

власти далек от объекта, люди чувствуют большую зависимость от тех, кто находится у власти, и ожидают от них руководства. В этом случае власть осуществляется деспотичным или патерналистским способом. Считается, что те, кто у власти, имеют право на это либо на основании права наследования, либо в результате решения вышестоящих субъектов. Организация, начиная с семьи, имеет иерархическую структуру, где принятие решения осуществляется централизованно. В культурах, где отчуждения меньше, люди полагают, что имеют сами право контроля и ожидают, что их боссы вовлекут их в принятие решения в консультативном или любом другом порядке. С молодыми людьми обращаются как с равными по мере наступления определенного момента. Взрослые ожидают, чтобы ими управляли таким же образом.

Менеджеры, которые ищут совета и участия у подчиненных, в культурах, где власть сильно отчуждена и базируется на автократии и патернализме, могут быть восприняты как слабые или неподходящие. Менеджеры, пробуя использовать жесткий стиль руководства в культуре, где власть имеет меньшую силу, не найдут понимания среди своих подчиненных.

Восьмой культурной нормой, важной для управления, считается мера допустимой неопределенности и неизвестного, в том числе нового. В рабочей обстановке в целях предотвращения конфликтов роли должны быть распределены, правила и процедуры детализированы и предписаны, команды должны быть точными, а отношения ясными. Необычные ситуации могут вызвать большое напряжение или паралич организации. Основные правила бюрократии, такие как типичные команды и формальности, имеют цель предотвратить неопределенности. Эта культура менее изобретательна и предприимчива, чем противоположная, которая является более восприимчивой и терпимой к экспериментам и новым идеям, но ее представители более прилежны и взы-

скательны к человеку в процессе выполнения работы. Защищенность — сильный мотивационный фактор. Здесь устойчивая заработная плата предпочтительнее по сравнению с оплатой по результатам труда.

Хофстед говорит о распределении отношения к неопределенности по странам в зависимости от их культурной ориентации и исторического наследия, полагая, что те страны, которые исторически были тесно связаны с Римской империей, т.е. страны романской языковой группы, имеют пониженный уровень допустимой неопределенности, из-за того что правление римлян было основано на римском праве, которое предполагало высокую регламентацию жизни, основанную на законах, правилах и инструкциях. Следует отметить, однако, что сам американский менеджмент шел от менее высокого допустимого уровня неопределенности в тейлористских методах управления к более высокому уровню в современных методах управления трудом с его вовлеченностью рядовых работников в управление, с групповыми формами организации труда и прочими новациями.

Девятая культурная норма, важная для современного бизнеса, — это соединение «мужских» (жесткость, агрессивность, решительность, конкурентоспособность) и «женских» (мягкость, компромиссность, заботливость, скромность) качеств и их разумное использование в зависимости от ситуации. Хотя этому пункту уделяется довольно много внимания, он представляется наименее убедительным и зависящим от личных взглядов ученых на конкретные факты культурной антропологии. Так, Хофстед — человек германской философской культуры, где исповедывался культ премудрой девы, которую русские философы и поэты называли Софией. Во многом по этой причине русским также вменяется «женственность» в качестве национальной ценности. Правда, как показали конкретные обследования поведения современных российских управ-

ленцев (об этом ниже), их стиль отличается как раз жесткостью.

Десятая культурная норма — степень относительности этики. Всегда ли правильно вести себя неизменным образом? Имеются ли абсолютные моральные принципы, которые все должны соблюдать, или стандарты должны зависеть от обстоятельств? Точнее, могут ли мои обязательства перед конкретным человеком (или клиентом?) заменять общие или универсальные общественные обязательства? Замкнутые культуры в большей степени принимают эти суждения. Люди с универсальными ценностями не могут перейти улицу на красный свет, если даже в поле их зрения нет транспортного средства.

Одиннадцатая норма выявляет тип ценности данной культуры по отношению к работе и бизнесу: отделенность от остальной жизни. В органических культурах (где бизнес — это неотъемлемая часть всей остальной жизни) все связано. Бизнес — лишь одна из форм социального взаимодействия. При его ведении большое значение придается дружбе, культурным запросам, семейным отношениям, широко обсуждаются посторонние темы, такие как политика, книги, искусство, спортивные состязания и т. д. Разговоры и переговоры проходят от общего к частному и являются очень продолжительными. Общие принципы и намерения представляют большую важность и интерес, чем подробности. Деловые отношения воспринимаются подобно дружбе, и поэтому легко устанавливаются личные отношения. Предполагается, что менеджеров должна интересовать личная жизнь их подчиненных. В Японии, например, они могут участвовать в заключении браков, да и свадьбы иногда проводятся в офисах компании. Менеджеры от механистических культур (в которых бизнес отделен от остальной жизни) предпочитают более формализованные отношения, дадут более точные команды и будут в большей степени заинтересованы в достижении целей.

Наконец, последней, двенадцатой культурной нормой, важной для международного менеджмента в связи с разработкой мотивационных систем, является вопрос о том, чем определяется в обществе статус личности: отношением к человеку или его достижениями. В тех культурах, в которых статус определяют достижениями человека, ожидают, что для него наиболее важным является соответствие этому статусу. Различие между формой и содержанием не является неправдоподобной аналогией. В культурах, где общественный статус определяется «приписыванием», менеджеры считают главенство и старшинство очень важными, ведут себя соответственно и ожидают того же самого от других. Надлежащее отношение и уважение нужно оказывать независимо от относительных возможностей или достижений. Получившим хорошее образование молодым менеджерам в этих культурах трудно добиться высокого социального статуса при помощи достижений, поскольку старшие менеджеры могут находить их достижения некорректными и непочтительными по отношению к общественному мнению. Такая форма социального статуса распространена в католицизме, буддизме, индуизме, исламских культурах, а достижения, свойственные универсальной этике, более распространены в протестантской культуре. Этому способствует этика протестантского труда, выросшая на противостоянии и церкви, и государству [З.С.396—399].

В рамках заявленной парадигмы и тех исследовательских вопросов, на которые необходимо ответить, важно рассмотреть социокультурные основания трудового поведения российского работника. Используя методологию Г.Хофстеда, но значительно позднее его, целый отряд экспертов исследовал основные особенности управления, связанного со спецификой культуры и «менталитета» русских. Они нашли, что русские очень сильны в своих потенциальных возможностях, но избегают неопределённости, живут одним днём и

очень слабы в предпринимательском риске и заботе о других. Развитый коллективизм и «женственность» культуры русских — другие характеристики, требующие и предпочтительных методов управления. В работе «Ценности и стереотипы поведения русской нации» культуролог Д.Скарбороу выделяет семь таких стереотипов:

1. К силам, повлиявшим на формирование русской культуры, можно отнести неплодородные почвы, суровые условия окружающей среды, существование государства как общинного крестьянского общества на протяжении долгого времени, крепостное право, в большей степени консервативная православная церковь, длительное угнетение и притеснение народа, длительные и чрезвычайные материальные лишения. Это основные факты, которые определили ведущие характерные черты русского народа, к которым относятся: руководящая роль власти, дух коллективизма, индивидуализм, но не западного типа, «женственность» культуры, боязнь неопределённости и фатализм, превалирование содержания над формой, строгая универсальная мораль.

2. Русские не только с готовностью принимают авторитет и практически вседозволенность кругов власти, но создаётся впечатление, что они ожидают и предпочитают видеть своё руководство таковым. Русские лидеры — абсолютисты, не идущие на компромиссы. Русских нельзя назвать законопослушными, потому что у них нет большого уважения и доверия к правительству, но они — *легкоуправляемый народ*.

3. Традиции коллективизма сформировали и закрепили *склонность к неприятию тех, кто стремится вперёд*. Индивидуальное поименованное было понятием чуждым.

4. В отличие от некоторых других культур, основанных на коллективизме, русские отнюдь не получили всех тех благ в жизни, которые даёт своим закрытое общество. У простого народа либо забирали большую часть того, что они

производили, либо устраняли любой стимул производить что-либо сверх необходимого для существования минимума. В результате концепция Дарвина о том, что выживает сильнейший, а дьявол забирает самого слабого, чётко отражает ментальность русского народа.

5. Из ценностей, которые в своё время активно формировались православием, пожалуй, наибольшую живучесть проявила ценность справедливости, которая сохранилась на генном уровне. Исторический произвол, правительственное беззаконие и коррупция значительно уменьшили степень уважения к гражданским законам в пользу естественного закона равенства и справедливости. Имея дело друг с другом или с государством, русские выступают с позиции общего для всех закона справедливости. Консенсус, общность интересов заменяют индивидуальные права и отношения. В России поиск социальной справедливости всегда являлся одной из основных тем литературы. Всеми разделяемая любовь к Родине делает патриотизм универсальным и главенствующим идеалом. Из-за приверженности принципам русские выглядят чрезвычайно жестокими и непреклонными. К девиантному, т.е. нестандартному, поведению, русские относятся нетерпимо.

6. В российской истории было не очень много реальных перемен, коммунисты по сути мало чем отличались от царей в своём отношении к рядовым гражданам. Поэтому с точки зрения обычных людей предсказуемость и стабильность предпочтительнее, нежели неопределённость и перемены. Русские ищут жёстких и твёрдых лидеров, чтобы те поддерживали порядок и связи с традициями и руководили ими в этом враждебном мире, обеспечивая жизнь, пусть на грани нищеты и страданий, и это несомненный факт. Устранение властью оппозиции — это очень старая традиция. Игнорирова-

ние, запрещение, ссылка и уничтожение диссидентов было в России всегда.

7. «Женственность» русской культуры заключается в том, что русские ценят тёплые, открытые, глубоко обязывающие и высокоэмоциональные человеческие отношения, вероятно, более, чем что-либо ещё. За неимением возможности обустроить своё материальное существование русские перенесли акцент на человеческие и духовные ценности и считают себя в этой области непревзойдёнными. Они известны удивительными взрывами энергии и желанием перемен, периодически сменяемыми вялостью и апатией, что, конечно, характеризует женский характер [4. С.385].

В приведённой трактовке ценностей, служащих основанием трудового поведения русского труженика, несомненно, есть резон, и многое из того, что выделяют западные эксперты, имеет место. Ведь и в трудах, исследующих основания национального характера, сделанных ещё во время жаркого спора западников и славянофилов, были выделены схожие характеристики. Так, западники (А.И.Герцен, П.Я.Чаадаев и др.) стремились к свободе, нарождающийся прагматизм и индивидуализм? предпринимательскую жилку считали признаком перехода к укрепляющейся ментальности западного, европейского типа, которую признавали как универсальную. Славянофилы и почвенники (А.С.Хомяков, К.С. Аксаков, И.В.Киреевский и др.) находили, что Россия имеет принципиально отличный от европейского путь развития, собственный образ мышления, основанный на самобытности, патриархальности, консерватизме, общинности и православии. Существует и концепция евразийства (Н.А.Бердяев, Н.С.Трубецкой, Ф.А.Степун и др.), которая не отрицает влияния на русскую культуру как Запада, так и Востока и служит основанием для создания синтетической культуры. Бердяев отмечал, что «противоречивость

русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента» [Там же.С.92].

- Ценностная картина российского труженика того времени, по мнению исследователей ИЭ РАН, может быть представлена следующим образом:
- Вторичность материально-экономических факторов по отношению к политике, государству, духовной жизни человека; высокая роль внеэкономических факторов успеха, моральных, духовных стимулов к труду.
- Традиции отношения к богатству, собственности в духе коллективизма и общинности, равенства и социальной справедливости.
- Соборность, понимаемая как «общенациональный, всеобщий, межкорпоративный, межконфессиональный способ выработки и утверждения общенациональных ценностей, достижения национального согласия».
- Особое, «сакральное», отношение к государству и его интересам как высшей ценности, наличие государственности «особого рода» — наднациональной, универсальной в культурном плане, которая никогда не была государственностью только русских; уникальность государственности, состоящая в совпадении в ней понятий цивилизации, общества, экономики.
- «Негативные» проявления в отношении людей к собственности, закону, дисциплине.
- Патриархальные пережитки в семейно-родственных, этнических, земляческих отношениях, препятствующие становлению гражданского общества, патернализм [3. С.18].

Эти факторы российской ментальности формировали отношение общей массы работников к труду и одновременно являлись их ожиданием в отношении того, каким путём пойдут реформы. После начала реформ прошло достаточно много времени, и исследования мотивов трудового поведения и ценностей, определяющих его направленность, вызывают интерес. Какой тип поведения современного работника становится доминирующим и повторяющимся? Какие особенности трудового действия и взаимодействия работников нужно учитывать российскому менеджеру, собственнику? Наконец, какие факторы воздействуют на трудовое поведение работника современного предприятия?

Фактор внешней среды, длительное время определявший неспособность русского труженика к равномерному, повторяющемуся труду, кажется давно перестал быть тотально воздействующим, и сейчас можно найти разнообразные виды деятельности, но предпочтения российского работника остались прежними — *работа периодами, резкие спады и подъёмы* (кстати, совпали они с изменениями содержания труда — всё больше монотонного, повторяющегося труда выполняется машинами). Зависимость эту в своё время использовали и закрепляли те, кто определял завершение работы к концу каких-либо сроков (план квартальный, годовой, «пятилетний, в четыре года»), событий (к юбилею страны, политических лидеров и т.д.). А работа в режиме великих строек, а как ответ кому-либо или чему-либо (например, Чемберлену...)? К сожалению, направленность развития современной российской экономики, режим и состояние неопределённости не способствуют появлению предприятий с устойчивым порядком, размеренностью, аккуратностью. В современной России и сейчас можно насчитать только два, от силы три десятка таких предприятий и большинство из них отно-

сятся к отраслям добычи и переработки природных ресурсов, которые находятся в сильных и опытных, но, отнюдь, не государственных руках и «погоды» не делают...

Русский труженик так и не стал индивидуалистом в «западном», европейском смысле этого слова: с трудом складывается его представление о стоимости себя как рабочей силы с учётом образования, квалификации, потенциала развития этих характеристик. Исследования показывают, что представления о своих трудовых качествах у российского работника явно завышены и базируются не на том, что «я это могу хорошо, лучше других», а на сравнении с доходами других (другие «получают», а я чем хуже...). До сих пор «получка» а не заработок лежит в основе его трудовых ценностных ориентаций. Отсюда и слабость его индивидуального ответа на вызовы рынка, его невысокая мобильность, отсутствие стремления вкладывать деньги в свою профессионализацию, образование. Сказывается, конечно, и веками выработанная привычка делать что-то сообща, совместным напором, в сжатые сроки и с использованием внутренних резервов и открываемых ресурсов — недаром выигрыш при умелом применении коллективных форм организации труда был колоссальным. Что касается сферы труда, то наиболее адекватными проявлениями коллективистских ориентаций являются: оказание бескорыстной помощи коллегам по работе, желание работать в коллективе, моральная ответственность за использование не только своего времени, но и времени коллег по работе, ориентация на сохранение коллектива в случае сокращения кадров и другие действия, совершаемые согласно установившимся групповым нормам. К числу наиболее распространённых форм проявления коллективизма в труде относят и ориентацию на хорошие отношения с коллегами по работе. Отражением же индивидуалистических ориентаций можно считать

оказание помощи, но за материальное вознаграждение, ориентацию на автономность в работе, моральную ответственность за использование только своего рабочего времени, ориентацию на получение более высокого заработка за счёт высвобождаемых коллег. Показательно, что такого рода отношения совершенно отличаются от солидаризма, распространённого на капиталистических предприятиях «стандартного» типа, выполняющего посредническую функцию, который, формируясь на основе личного интереса, корректирует индивидуальные начала в сторону общих и при котором личные интересы работника не ущемляются, не приносятся в жертву общему благу, а, напротив, получают возможность более полной реализации и вознаграждения. Можно сделать вывод: не развитые индивидуализм и солидаризм, но предпочитаемый, понятный и усвоенный коллективизм служит до сих пор для большинства наёмных работников основанием для продолжающихся, но в то же время новых трудовых отношений.

Справедливость действительно можно считать общественно значимой для русского человека проблемой. Понятие социальной справедливости вполне может рассматриваться как цель и инструмент политики российского государства, так как связана с проблемой защищённости человека. В рамках поставленной задачи мы предлагаем рассматривать справедливость как ценностную ориентацию сознания, которая предполагает прежде всего соответствие вознаграждения трудовому вкладу любого работника и связана с решением не только общесоциальных проблем, но и локальных (уровень предприятия, отрасли). Существование в течение длительного времени уравнилельных отношений позволило развиваться стереотипам ориентации работника на пусть небольшую, но гарантированную заработную плату вне зависимости от результатов деятельности предприятия. В

новых условиях работнику приходится корректировать свои притязания в оплате труда, учитывая положение и статус предприятия. При этом достаточно быстро выделились предприятия — лидеры, задающие тон в размерах оплаты труда (близость к использованию природных ресурсов позволила это сделать), и создавалась ситуация, когда размер оплаты труда рабочего стал определяться положением предприятия на рынке сбыта, а не конкретным трудом рабочего. Современный российский работник, таким образом, не связывает справедливость в оплате труда ни с уровнем своей квалификации, ни с образованием, ни с опытом работы. По мнению исследователей, справедливость в оплате труда находится в прямой зависимости только с удовлетворённостью трудом.

История трудовых отношений российского работника с хозяином (руководителем) убедительно показывает, что отношения эти строились на основе патернализма. Такого рода отношения строятся на личных, контактных взаимоотношениях, при которых в обмен на заданный хозяином положения характер трудового поведения, лояльность к его указаниям, возглавляемой им организации в целом, работник получает определённый набор жизненных благ и услуг. Такие отношения строились на вековой несвободе российского труженика от барина, хозяина (на первых заводах и мануфактурах работники были «приписными»), председателя колхоза, директора предприятия, различного рода партийных руководителей в советское время. Противоположными патерналистским можно считать партнёрские отношения, которые предполагают совместную деятельность руководителей (хозяина) и подчинённых, основанную на выполнении заранее оговорённых обязанностей, самостоятельности работника при их выполнении, невмешательство в жизнь работника. Основой партнёрских отношений является равноправное сотрудничество. Современ-

менный российский работник до сих пор высказывается, ориентируется, предпочитает патерналистские отношения: не оспаривает выполнения любых заданий руководства, не реализует своего права на обладание полной информацией о делах предприятия, не умеет грамотно строить договорные отношения и т.п. Особое значение имеет тот факт, что значимость работника поддерживается его положением на рынке труда, которое напрямую зависит от уровня квалификации, образования, обладания особыми знаниями, умениями, опытом, а именно эти характеристики российского работника стремительно изменяются в худшую сторону.

Проанализированный нами материал может быть дополнен ещё одной, но существенной подробностью, на которую, в частности, обращал внимание ещё А.С.Ахиезер [1.С.54]. По его мнению, трудовое и экономическое поведение российского работника при отсутствии в России развитых товарно-денежных отношений отличалось особым свойством неприятия денег, в основе которого лежит нестяжательство. Действительно, натуральный обмен длительное время был основным способом движения товаров. Несмотря на то что собственной чеканки деньги имели хождение ещё с XI в., развитие настоящих денежных отношений начинается только в конце XIX — начале XX в.: это кредиты, заем, залог имущества и т.д. Толком не разившись, они были заменены реди-стрибутивными механизмами и длительное время носили уравнительный характер. Социокультурные особенности в отношении к день-

гам можно проследить по структуре трат, особенностям сбережения, отношению к более богатым и более бедным. У большинства россиян сложилось «лёгкое» отношение к деньгам: их никогда не было много и всегда могли отобрать... Конечно, при таких обстоятельствах и понимание стоимости своего труда у российского работника находится в зачаточном состоянии.

Коренные перемены в отношениях собственности способствовали возникновению качественно новых типов организаций, предприятий, изменился характер трудовых отношений, постепенно формируется и новый тип работника, **работника наёмного**. Несомненно, под воздействием многих факторов происходит формирование его ценностных ориентаций, но при анализе особенностей трудового поведения нельзя не учитывать влияния национальных, исторически сложившихся, социокультурных традиций, во многом направленность этого поведения определяющих.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М.: Наука, 1993. Т.2.
2. Верховин В.И., Зубков В.И. Экономическая социология М.: Изд-во РУДН, 2005.
3. Управление персоналом в условиях социальной рыночной экономики / под науч. ред. Р.Марра, Г.Шмидта. М.: Изд-во МГУ, 1997.
4. Hofstede G. Culture's Consequences. Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Sage publications. Second edition. L., 2001.

NATIONAL AND CULTURAE CHARACTERISTICS OF AN EMPLOYEE AND PROBLEMS OF PERSONAL MANAGEMENT

О.К. Яковлева

Perm State University, 15, Bukirev Str., Perm, 614990

The actuality of the topic is connected with the necessity of making a model of personnel management which fits Russian mentality. In the process of social transition a new type of an employee appears, bolt stile charac-

teristics of his behaviour are contradictory and dual: correlation of diligence and laciness, dogmatism and innovating, devotion and godlessness. Collectivism and individualism require for new kind of management — flexible, dialectical, adjusted and adapted.

Keywords: industrial and labour behaviour; cultural characteristics; national features.

УДК 316 (091)

С.Н. ЮЖАКОВ И СУБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В.Г. Попов

Пермский государственный университет, 614099, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: agantip@psu.ru

Рассматривается отношение известного отечественного социолога С.Н.Южакова к субъективному методу в русской социологии.

Ключевые слова: история социологии; субъективная школа в русской социологии.

С.Н. Южаков (1849 — 1910) был всесторонне одаренным человеком, представителем российской прогрессивной интеллигенции второй половины XIX — начала XX в., внесшим значительный вклад в становление научной социологии. Это был писатель и публицист, известный ученый-социолог, экономист, общественный деятель, представитель либерального народничества.

Однако научное творчество С.Н.Южакова изучено не в полной мере, во многом односторонне: в контексте его либерально-народнического мировоззрения, критики им субъективного метода; в годы советской власти его труды практически не публиковались либо содержание его работ излагалось в переложении.

Публикации начались лишь с 90-х гг. XX в. Особо следует отметить монографическое издание «Социологические этюды» [1], опубликованное в 2008 г. в серии «Социальная мысль России», издаваемой по решению ученого со-

вета социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Это издание включает главный теоретико-социологический труд С.Н.Южакова, основные его статьи по исследованию социологической науки, различные рецензии и отзывы, библиографический список трудов ученого, снабженный научными комментариями. Все это открывает широкие возможности для новой, более объективной оценки творчества российского ученого, его современного прочтения, вклада в отечественную социологию. Заслуживает внимания и вступительная статья Н.К.Орловой к вышеназванному изданию, давшей обстоятельную системную оценку научного социологического творчества С.Н.Южакова и, по сути, приглашавшей читателей к внимательному изучению творчества Южакова с позиций современной действительности.

Творческая научная деятельность С.Н.Южакова начинается в начале 70-х гг. XIX в., когда в России активизировался процесс формирования социологии как самостоятель-

ной научной дисциплины, определения ее предмета, целей и задач для удовлетворения потребностей общества, разработки методов анализа социальной реальности, общей методологии создания теоретических направлений и научных школ.

Южаков, будучи приверженцем учений О.Конта (даже и тогда, когда влияние его существенно уменьшилось), довольно широко определял социологическую науку. В своем «Дневнике журналиста» (декабрь 1895 г.) он обозначил социологию как науку «...объединяющую, абстрактной, науки общего метода. Включение в свою область *всех* общественных явлений, их строения, отправлений и развития; пользование для исследования, анализа и синтеза...» [З. С.532]. Общество является предметом социологии. Обществом Южаков называет «общезитие активных особей, создавшее свою особую общественную среду или культуру и слившееся с нею в одно сложное тело. Короче говоря, общество есть активное культурное общезитие» [Там же. С.76].

С.Н.Южаков принадлежит к числу отечественных ученых, которые активно выступали за создание в России социологической теории — науки об обществе. Он ратовал за то, чтобы социология создавалась как единая, обособленная наука. Это, по его мнению, является ближайшей задачей российских обществоведов. «Я уверен в том, — отмечал он в 1873 г. в статье «Субъективный метод в социологии (разбор мнения гг.Миртова и Михайловского), — что именно нашему и ближайшим будущим поколениям предстоит либо создать эту науку, либо навсегда отказаться от мысли уловить общие законы социальной жизни в ее целом и ограничиться установлением частных законов, определением отношений отдельных областей, элементов общественной среды» [Там же. С. 224].

Ученый формулирует и основные задачи социологии, исследующей законы сочетания живых тел в общезитие; таковыми задачами, по его мнению, должны быть:

- 1) раскрытие и объяснение тех форм, в которых общекосмические законы сочетания и согласования проявляются в жизни общественной;
- 2) раскрытие и тех форм, в которых в общезитиях обнаруживаются специфические свойства живых единиц и органических молекул и специфические особенности в согласовании (координации) движения этих специфических единиц..., т.е. необходимость раскрытия влияния отличительных особенностей живых тел на законы, управляющие согласованием их движений, законы, в основании своем общие всему космосу;
- 3) раскрытие влияния индивидуальности составных единиц общезития на законы сочетаний и согласований, общие всему существу и всему живому;
- 4) раскрытие и тех особенностей сочетания единиц общезития и их движений, которые, прямо не вытекая ни из космического закона сочетаний и согласований, ни из его видоизменения в явлениях жизни и индивидуальности, вносятся самим специфическим общественным сочетанием и его продуктами, заключенными в тканях сочетающихся единиц и в отложениях в среде [Там же. С.292-293].

Сформулировав основные задачи социологии, Южаков, будучи сторонником идей О.Конта, признавал определенные им закономерности расположения наук во времени: «...явления каждого более частного отдела подчиняются законам более общих отделов». Он указал на необходимость учета важнейших

методологических положений при разработке научной теории: во-первых, что все истинное относительно явлений, как неорганических, так и органических, истинно и относительно явлений социальных; во-вторых, что общие законы жизни, сопровождающие жизнь повсюду, где она проявляется, верны и в положении к жизни общественной и, в — третьих, что законы физические и органические подвергаются при проявлении в обществе влиянию нового ряда условий и деятелей и потому эффекты их «имеют особый специфический характер» [Там же.С.52]. Социологическое исследование, подчеркивал ученый, может и должно учитывать эти положения, притом тем строже и неотступнее, чем сложнее материал, над которым приходится работать пытливости социолога. «Нет ни объективного, ни субъективного метода, а есть только один истинный, логический» [Там же. С.244].

Исходя из понимания задач социологии, ее предмета, на основе методологических подходов С.Н.Южаков вырабатывал свое отношение к социологической теории, ее значимым направлениям, прежде всего, к субъективной школе в социологии, основанной и развиваемой в отечественной социологической литературе П.Л.Лавровым и Н.К.Михайловским.

Задавая вопрос, что требует от социолога субъективная школа, он отвечал: это «сознательное введение в социологическое исследование нравственного элемента» [Там же.С.236].

Южаков определил и неизменную форму нравственности: нравственно то, что соответствует реальным или идеальным началам общественной: безнравственно все, что им противоречит... Нравственное мирозерцание личности есть та часть её общего мирозерцания, которая объемлет вопросы об основаниях общественной, о началах, которыми должна ру-

ководствоваться личность в ее отношениях к обществу; что нравственный идеал есть идеал общественности и что нравственное чувство заключается в наклонности личности поступать сообразно началам общественной [Там же].

Ученый отмечает, что социолог, исследуя то или иное общественное явление должен не только видеть изменение общественной среды, культуры, но и обращать внимание на создателей этой среды, ибо для общественной среды важно не само по себе ее процветание, сколько способы созидания ее личностями, так как от этого способа зависит ее прочность, степень и даже характер влияния на другие элементы общественной среды [Там же.С.227]. Определяя таким образом нравственное начало, его роль в исследовании, Южаков подчеркивает, что в этом случае речь идет о способе влияния на общественную среду. И здесь нет какого-то особенного метода, о котором бы говорили родоначальники субъективизма. Любое разногласие социологов нельзя рассматривать на методологическом уровне. С другой стороны, исследования какой-либо социологической проблемы, «не уясни в себе предварительно» значения личностей для общественной среды и среды для личностей или даже отвергая это значение..., крайне ошибочны [Там же.С.237]. То есть С. Н.Южаков признавал право субъективизма на существование, но не считал, что последний должен противостоять общенаучным приемам исследования. По его мнению, нравственная оценка является дополнением к общенаучным приемам, мало того, она необходима при усложнении самого материала.

Южаков настойчиво выступал за необходимость правильного выбора метода исследования. Он считал, что не может быть какого-либо ограничения исследования, его полноты, выделения либо объективного, либо субъек-

тивного методов, ибо это приводит к негативным последствиям. Ученый писал, что объективисты, например, обыкновенно игнорируют чрезвычайно важную теорему социологии, именно о личностях как равных факторах общественного процесса; субъективисты не только требуют признания этой теоремы, но и навязывают ее и все ее непосредственные последствия науке в верховный критерий истинности всех ее положений [Там же.С.244]. Те и другие – категоричные суждения. Глубоко ошибочны, требуют к себе конкретного дифференцированного подхода, учета многих системных факторов [Там же.С.245]. Субъективисты стараются доказать неприменимость объективного метода к социологическим исследованиям. Теоремы социологии они приняли за теоремы логики и доктрину, долженствующую влиять на содержание науки, объявили методологическим критерием, тем самым отрицая саму социологическую науку, и отождествили ее с политикой [Там же.С.252]. Хотя, отмечает Южаков, в ее основе лежит глубоко истинная идея о значении нравственной доктрины в социологии, но она внутренне входит в социологическую науку и не требует для этого субъективного метода. Игнорирование социологом этой теоремы, подчеркивал крупный российский социолог Н.И.Кареев, было бы ошибкой [1.С.71].

Сергей Николаевич был широко образованным ученым, обладал значительными методологическими познаниями. Он решительно выступал против какой-либо абсолютизации учеными выводов в проведенных исследованиях, категорических суждений, особенно недостаточно объективно доказанных. Эта черта ярко проявилась в его полемике с Лавровым и Михайловским.

С.Н.Южаков стоял за единство научного метода во всей области знания и стремился

снять имеющиеся в науке недоразумения. Он настойчиво само название «субъективная социология» заменял термином «этико-социологическое направление». По его мнению, это совсем не означает индифферентности в делах общественных. Отличительной чертой субъективного метода является «оценка относительной важности явлений на основании нравственного мировоззрения (идеала) исследователя и построение научной теории при помощи того же критерия» [3.С.235].

Естественно, Южаков при этом не считает, что субъективный метод противоречит общенаучному и его нельзя использовать объективно: просто нет никакого особого метода. Субъективный метод в исследовании нельзя рассматривать как верховный и единственный методологический критерий, одновременно принципы этики как чрезвычайно важной стороны общественного процесса не могут быть игнорируемы социологом. «Нравственный элемент не осложняет предвзятое мнение, а просто составляет его, но предвзятое мнение необходимо бывает при всяком исследовании ...» [Там же.С.243]. Этическая сторона, подчеркивает далее ученый, как бы она ни была важна, «все же это только одна из сторон процесса, а главное, что это теоремы *социологические*, а отнюдь не *логические*...». Поэтому они должны влиять на содержание заключений [Там же]. Ученый также отмечает, что условия высшей нравственности, словом, можно построить этику объективно» [Там же.С.243]. То есть «...начало общественности не требует какого-либо особого процесса мышления, какой-либо другой оценки, введение нравственного элемента в исследование может и должно держаться общенаучного метода, и притом тем строже, неотступнее, чем сложнее материал», над которым работает социолог [Там же. С.244]. Игнориро-

вание этого положения является опасным заблуждением. Отсюда и категорического вывода о неприменимости объективного метода к социологическим исследованиям делать нельзя.

При этом следует подчеркнуть, что Южаков, полемизируя с П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским, не дает в своих работах единого четкого определения субъективного метода в социологии, как, впрочем, и объективного.

Так, в приложении к первому тому «Социологических этюдов» он отмечает: «Собственно говоря, нет ни объективного, ни субъективного метода, а есть только один истинный, логический» [Там же. С.244]. Несколько ранее, анализируя «субъективную школу», он определяет субъективный метод как оценку «относительной важности явлений на основании нравственного мировоззрения (идеала) исследователя...» [Там же. С.234]. Это, по его мнению, отличительная черта метода в российской социологии.

Завершая полемику с родоначальниками субъективной школы в русской социологии, Южаков подчеркивал главное их требование: объективный метод, общенаучный во всех науках, не может быть с успехом применен к исследованию социологическому. Почему он неприменим в социологии?

П.Л.Лавров и Н.К. Михайловский объясняли это утверждение так:

1) События в истории не повторяются. Где нет повторяемости, там не может быть объективного метода. Южаков считает это недоразумением. Ибо «исторические явления не повторяются в том же смысле, как не повторяются все вообще явления природы, а равно допускают повторение. Повторение в том же смысле, в каком повторяется и социальный процесс» [Там же.С.230]. То есть

социальные явления как явления данного рода повторяются.

2) Приписывание введенному в социологическое исследование нравственному элементу слишком широкого безусловного, слишком категорического значения, идеального начала обществу — приписывание принципам этики верховного значения и единственно научного критерия.

Южаков отмечает, что это промах субъективистов. Такой эта сторона быть не может, применение этого вывода может привести к ложным заключениям. Ибо повторяемость в неизменной связи есть необходимый критерий индуктивного, но не дедуктивного и может привести к выводу, что индуктивное исследование общественных явлений неизбежно. При этом ученый замечает, « что приложение общенаучных приемов в истории гораздо труднее и сложнее, чем в других науках» [Там же.С.231]. Принцип этики, дополняет ученый, характеризует чрезвычайно важную сторону общественного процесса и потому не может быть игнорирован социологом, но «все же это только одна из сторон процесса, а главное, что это теорема социологическая, а отнюдь не логическая...» [Там же.С.243].

Наряду с указанными нами мировоззренческими позициями, С.Н.Южаков аргументированно критиковал П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского по целому ряду других социальных проблем, как-то: решающей роли в результатах социологического исследования свойств самих исследуемых явлений, свойств наших психических отправлениях, свойств природы нашего мыслящего аппарата, необходимости для социологов предвзятого мнения к началу исследования и др. [Там же.С.231-235]. Причиной многих промахов субъективистов Южаков считал их недостаточное знание мето-

дологических требований или вольное обращение с ними в социологической науке, что требует самостоятельного анализа.

Несмотря на наличие определенных различий в мировоззренческих позициях представителей субъективной школы (П.Л.Лавров и Н.К.Михайловский) и Южакова, у последнего имелись с ними и «точки соприкосновения»:

- понимание общих задач социологии, ее важнейших теоретических и методологических принципов и понятий в соответствии с позитивистским взглядом О.Конта;
- признание важности внимательного отношения к человеческой личности в смысле психологического объяснения общественных явлений, т.е. оценки этих явлений с этической точки зрения. Построение научной теории с помощью этого же критерия;
- понимание главного критерия социальной теории, которым является благо человеческой личности;
- интерес к проблемам происхождения и значения нравственности в общественной жизни;
- критическое отношение к теориям Дарвина, органицистов применительно к социологической науке;
- единое понимание важной теоремы социологии, что общество основано на личностях и что развитие общества совершается не иначе, как личностями, через личности и в личностях. Отсюда выводы исследователя — социолога должны определяться как свойствами исследуемых явлений, выявленными в результате анализа, так и свойствами исследующего субъекта;
- выделение из общего комплекса общественной жизни экономической ее стороны [2.С.72-74; С.68-72;3.С.664, 237].

Следует также отметить, что субъективизм русской школы социологии отличался не только направленностью на этические отношения к личности и обществу, но и признанием внутренней, психической, субъективной стороны в самой общественной жизни, т.е. требованием строить социологическую науку с помощью как этики, так и психологии [3.С.624].

Южаков, заключая политику с Лавровым и Михайловским, подчеркивал, что их мировоззренческая идея, которую они стараются доказать и утвердить в науке: неприменимость к социологии объективного метода, не выдерживает критики. Однако, по мнению С.Н.Южакова, это школа сыграла важную положительную роль в становлении отечественной социологической науки. В ее основании была заложена «...глубоко истинная идея о значении нравственной доктрины в социологии» [Там же.С.952].

Справедливость ряда критических замечаний С.Н.Южакова (по поводу взглядов П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского относительно субъективного метода признал в 1897 г. отечественный историк социологии Н.И.Кареев в своем «Введении в изучение социологии» [1.С.663-664]. Многие из них сохраняют актуальность и в современных условиях.

Список литературы

1. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
2. Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века): учеб. пособие / под ред. Е.И. Кукушкиной. М.: Высш. шк., 2004.
3. Южаков С.Н. Социологические этюды / вступ.ст. Н.К.Орловой; сост. Н.К.Орловой и В.Л.Рубанова. М.: Астрель, 2008.

S.N. YUZHAКOV AND SUBJECTIVE METHOD IN RUSSIAN SOCIOLOGY

V.G. Popov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The attitude of famous Russian sociologist S.N.Yazhakov to subjective method in sociology is examined in this article.

Key words: sociology history; subjective school in Russian sociology.

УДК 331.109

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АКТИВА ПЕРВИЧНЫХ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

И.А. Германов, Е.Б. Плотникова

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: soccntr@psu.ru

Рассматриваются основные направления трансформации рабочего движения в зарубежных странах, дается характеристика организационной политики российских профсоюзов. Анализируются механизмы воспроизводства традиционных практик деятельности профсоюза.

Ключевые слова: профсоюзное движение; профсоюзный аппарат; лидерство; профсоюзная деятельность.

Введение

Трансформация общественно-политической системы, рыночные преобразования в России коренным образом изменили систему регулирования социально-трудовых отношений. Если раньше главным работодателем было государство, то теперь основная доля рабочих мест сосредоточилась в частном секторе. Предприниматели, заинтересованные в максимизации прибыли, добиваются своей цели во многом за счет ухудшения условий найма трудящихся. Заработная плата работников остается на низком уровне, трудовые права граждан повсеместно нарушаются. Государство фактически встало на сторону частного капитала, с одной стороны, отстраняясь от прямого регулирования трудовых отношений и не создавая эффек-

тивных механизмов правовой защиты трудящихся, с другой — закрепляя в законодательстве нормы, препятствующие работникам самостоятельно отстаивать свои интересы.

В данной ситуации особую значимость приобретает деятельность профсоюзов — важнейшего института рыночной экономики, участвующего в регулировании социально-трудовых отношений. Поскольку российское трудовое законодательство обеспечивает работникам лишь минимальные гарантии, то уровень их зарплаты, качество условий труда, социальные гарантии в полной мере зависят от условий договоров и соглашений, заключаемых с работодателем. Деятельность профсоюзов, являющихся полномочными представителями работников, теоретически призвана устранить дисбаланс распределения власти между рабо-

© Германов И.А., Плотникова Е.Б., 2010

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 09-03-82305 а/У). Авторы выражают благодарность руководству и коллективу АПО «Региональный учебный центр профсоюзов» за содействие в проведении исследования.

тодателями и трудящимися, обеспечивая последним возможность заключения договоров на выгодных для них условиях, или, по крайней мере, оградить работников от чрезмерных посягательств на их интересы.

Однако состояние современного российского профсоюзного движения явно не отвечает рыночным реалиям¹. Лишившись большей части своих функций, входивших в компетенцию отечественных профсоюзов в советский период, они с трудом адаптируются к новым условиям. Центральные органы ФНПР выбрали линию так называемого конструктивного взаимодействия с властью, постепенно встраиваясь в привычную нишу официальной проправительственной организации. На уровне предприятий большинство профсоюзов заняты выстраиванием отношений с собственниками и менеджерами, их действия нацелены в большей степени на интересы компании как целого, нежели на защиту работников [2]. «Социальный диалог», участником которого стали профсоюзы, на всех уровнях носит преимущественно формальный характер, не обеспечивая реального улучшения положения работников. Организуемые профсоюзами коллективные действия не являются по-настоящему массовыми и протестными, поэтому являются скорее способом самопрезентации профсоюзного аппарата, чем реальной попыткой добиться своих требований.

С течением времени профсоюзы становятся все менее массовой общественной организацией. Численность ФНПР в сравнении с советским периодом сократилась более чем в два раза, а плотность профсоюзного членства —

почти в 2,5 раза². Если учесть, что значительную часть нынешних членов профсоюза составляют работники бюджетных организаций, учащиеся, студенты и неработающие пенсионеры, то картина «профсоюзного присутствия» на рабочих местах в частном секторе будет еще более удручающей.

Необходимо отметить, что процесс сокращения членской базы, ослабления влияния профсоюзов в политической и социально-трудовой сферах является общей тенденцией последних десятилетий для большинства индустриально развитых стран. Эти явления легли в основу выводов об «упадке профсоюзов», «закате рабочего движения», которые можно встретить в работах некоторых зарубежных специалистов. Однако с конца 1980-х многие профсоюзы предпринимают попытки переломить ситуацию. Сначала в США, а затем и в других странах профсоюзы последовательно реализовывали новые принципы деятельности. Данная политика получила название «обновление профсоюзов» (*union renewal, union revitalizing*). Ее суть состояла в переходе от традиционных практик деятельности (т.н. сервисной модели) к новой организационной модели. Ее характерными чертами являются: активизация рекрутинга новых членов (увеличение ресурсного обеспечения и расширение инструментария агитационных кампаний, расширение географии и социального состава рекрутируемых и др.); вовлечение рядовых членов в деятельность организации (стимулирование к приня-

¹ В данной статье речь пойдет об организациях, входящих в структуру ФНПР – крупнейшего в России профсоюзного объединения.

² В 1990 г. численность ФНПР составляла 54 млн. чел., доля членов профсоюза среди работающих – 70% [5. С. 86]. В 2008 г. численность организации сократилась до 24,9 млн. чел. (из них работающее население – 20,6 млн. чел.) [1]. С учетом данных Госкомстата о численности занятого населения России в 2008 г. (70,9 млн. чел.) плотность профсоюзного членства в этот период составила 29%.

тию на себя ответственности за защиту своих интересов и мобилизация к активным действиям, в т.ч. протестного характера), демократизация внутренней жизни организации (привлечение рядовых членов к выработке стратегии деятельности профсоюза, приведение в соответствие целей организации с интересами рядовых членов). Благодаря такому «обновлению» часть профсоюзов смогла привлечь новых членов, вернуть свой авторитет в среде работников и организовать масштабные коллективные акции, результатом которых стало реальное улучшение условий найма. Описанные организационные изменения рассматриваются специалистами в качестве ключевого фактора, обеспечившего рост численности американских и некоторых западноевропейских профсоюзов [5; 9].

В связи с этим возникает ряд вопросов. Способны ли к изменениям российские профсоюзы? Смогут ли они преодолеть внутренний кризис, восстановить свой авторитет и влияние или постепенно исчезнут? Станут ли они полноправными и независимыми участниками регулирования трудовых отношений или вернуться к прежним традициям, полностью интегрировавшись в государственно-административную систему? И самое главное — что может стать источником возможного обновления?

Изменение ситуации в российских профсоюзах предполагается за счет отказа от избранной ими стратегии «соглашательских отношений» с властью и работодателями, активизации работы на низовом уровне и широкого вовлечения работников в профсоюзную деятельность. Однако решение этой задачи требует от профсоюзов пересмотра внутренней организационной политики, прежде всего связанной с формированием актива первичных организаций

¹. Обращение к исследованию механизмов формирования актива «первичек» обусловлено, главным образом, местом и ролью лидеров и активистов профсоюзного движения низового уровня внутри профсоюзной структуры в целом. «Первички» являются держателями основных ресурсов профсоюзов: членской базы и финансов. Лидеры профсоюза на предприятиях и в организациях являются, по сути, основными субъектами, благодаря которым воспроизводится практика профсоюзной деятельности, а также осуществляется взаимодействие внутри профсоюзной системы управления (посредничество между рядовыми членами профсоюза и вышестоящими профсоюзными органами). Ключевая роль лидеров низового уровня в процессах обновления профсоюзов подтверждается и результатами международных исследований. Хотя первоначальный импульс к изменениям исходил от центральных профсоюзных органов и международных профсоюзов, но основной объем работы по внедрению новшеств осуществлялся на уровне компаний лидерами низовых организаций [6].

Методика исследования

Исследование практик вовлечения и подготовки профсоюзных лидеров и активистов, а также влияния этих изменений на деятельность профсоюзов на низовом уровне в нашем проекте

¹ К профсоюзному активу мы относим членов организации, за которыми формально закреплены те или иные профсоюзные функции. Состав группы и специализация ее членов может быть различной. В наиболее полном виде она включает: руководство профсоюзного комитета (председатель, заместители) и его аппарат (специалисты по правовой, культурно-массовой работе, охране труда и т.д.), руководителей профсоюзных организаций подразделений (председатели цеховых комитетов, профгруппорги), членов комиссий, создаваемых при профсоюзном комитете (по информационной работе, организационно-массовой, по работе с молодежью, жилищно-бытовым вопросам и т.д.).

было основано на использовании методов неформализованного интервью и анализа документов. В экспертных интервью участвовали представители краевого совета профсоюзов и территориальных комитетов отраслевых профсоюзов: строительства и строительных материалов, ГМПР, электропрофсоюза, оборонной промышленности (8 информантов). Кроме того, были проведены экспертные интервью с лидерами первичных профсоюзных организаций (6 интервью), а также глубинные интервью с активистами (27 интервью). В путеводители были включены вопросы, направленные на освещение следующих тем: общая оценка проблем, связанных с комплектованием и деятельностью профсоюзного актива; механизм формирования и обновления социального состава группы (процедуры выдвижения и приобретения статуса, ротации профсоюзных активистов); мотивация деятельности профактива и используемые стимулы привлечения к профсоюзной работе; организация процесса обучения (с точки зрения формы и содержания, эффективности), а также роль обучения в изменении традиционной модели деятельности профсоюзов; основные направления работы профактива на низовом уровне.

В круг анализируемых источников были включены официальные документы профсоюзных органов различного уровня (резюльюции съездов, пленумов и конференций, постановления, программы деятельности и т.д.), а также материалы профсоюзной прессы («Солидарность», «Вестник ФНПР», «Справочник председателя профкома», «Профсоюзы и экономика», «Профсоюзный курьер» и др.).

Механизмы формирования и обновления социального состава профсоюзного актива

Большинство состава профсоюзного актива (за исключением специалистов, включенных в ап-

парат профкома) являются выборными работниками, поэтому процедура их «вхождения» в группу закреплена в официальных документах (уставе, положении о первичной профсоюзной организации). С формальной точки зрения эти процедуры в полной мере соответствуют демократическим принципам построения общественных организаций: выдвижение и избрание кандидатуры происходит на общем собрании членов профсоюза организации в целом или отдельного структурного подразделения, избрание осуществляется на определенный срок, при этом предусматривается возможность досрочного прекращения полномочий избранного лица по требованию соответствующего собрания.

Представляется, что в подавляющем большинстве случаев требования официальных документов соблюдаются в полном объеме. Однако это лишь внешняя сторона, в недостаточной степени характеризующая механизм формирования анализируемой группы. Реально роль рядовых членов профсоюза в формировании профактива обычно весьма ограничена. Подбор подходящих людей чаще всего осуществляется профсоюзным работником, освобождающим свое место в профсоюзной структуре (в случае выхода на пенсию или перехода на другую работу), либо вышестоящим профсоюзным руководителем. Первоначально определяется круг потенциальных кандидатов. Собранный эмпирический материал позволяет выделить ряд критериев выбора: возможность совмещения профсоюзной должности с основной работой, наличие опыта работы с людьми, общественной деятельности (например, организация культурно-массовых мероприятий), решения социальных проблем коллектива (например, работа в комиссии по жилищным вопросам), личные качества (например, честность,

принципиальность, коммуникабельность), возраст кандидата (прослеживается тенденция к выбору молодежи).

Затем происходит многоэтапная процедура согласования: с самим кандидатом (получение согласия на профсоюзную работу), коллективом (оценка предварительной реакции на кандидатуры) и с руководителем соответствующего подразделения. Мнение последнего имеет во многом определяющее значение и для самого кандидата (аргументы: признание статуса, перспектива отсутствия противодействия в профсоюзной работе со стороны руководителя), и для коллектива. Значительная роль менеджеров в процессах формирования профсоюзного актива подтверждается также тем, что зачастую они сами принимают непосредственное участие в подборе и продвижении кандидатур на профсоюзные должности. В связи с этим для некоторых активистов процедура вхождения в группу ассоциируется с «назначением».

На последнем этапе согласованная кандидатура выносится на голосование собрания членов профсоюза. В большинстве обследованных случаев выборы профактивистов происходили на безальтернативной основе, поэтому собранию отводилась по сути формальная роль. Предложенные собранию кандидатуры чаще всего утверждались или единогласно, или подавляющим большинством голосов.

Вот как описывают свое избрание информанты:

«Инициатором был прежний предцехком. Она уходила, подыскивала кандидатуру. Обратилась ко мне. Было голосование на нашем общем собрании коллектива... Выступал предыдущий председатель, выступал мой руководитель. Люди высказывались. Почему-то я была единственная [кандидатура]... Выбрали меня... назначили в июле месяце» (Оксана, председатель цехового комитета).

«Инициатор — это сам руководитель организации. Он предложил мне выдвинуть свою кандидатуру. То есть собрали несколько человек, как это положено по закону... Все поддержали...» (Марина, председатель профкома).

«Я — предцехкома. Назначили в ноябре... Инициатором был, конечно, главный метролог. Мне неудобно даже говорить, что меня выдвинули, у нас очень маленький отдел... Выбор-то небольшой был. За меня вот и проголосовали... Других кандидатур не было» (Роза, председатель цехового комитета).

На основании собранных материалов можно сделать вывод, что процесс формирования актива профсоюзных организаций находится под контролем субъектов (менеджеров и профсоюзных лидеров), являющихся носителями традиционных представлений о профсоюзной деятельности. Роль рядовых членов профсоюза довольно незначительна. Соответственно потенциал обновления организаций за счет вхождения в актив людей — представителей новой идеологии профсоюзного движения не высок.

Мотивация профсоюзной деятельности

Профсоюзная работа, как и любая другая социальная деятельность, обуславливается обычно комплексом разнообразных мотивов. Для начала рассмотрим экономические стимулы. Формально подавляющая часть актива осуществляет свою работу «на общественных началах». Число «освобожденных» работников (т.е. не совмещающих работу в профсоюзе с иной профессиональной деятельностью и получающих официальное вознаграждение за свой труд) невелико, и сосредоточены они в основном в аппарате организации (председатель профкома, его заместитель, бухгалтер)¹. Однако это не оз-

¹ По данным статистической отчетности ФНПР за 2008 г. на 201 тыс. первичных профсоюзных орга-

начает, что большинство профсоюзного актива выполняет свою работу абсолютно бескорыстно. Помимо регулярных поощрений (их размер и периодичность зависят от финансовых возможностей организации) профактив получает привилегированный доступ к материальной помощи, предоставляемой профсоюзом, и иным услугам, распределением которых занимается профком (оздоровление, детские путевки, места в общежитии и т.п.). Очевидно, что размер получаемого материального вознаграждения (в финансовой и нефинансовой форме) невелик и не может в полной мере определять готовность к профсоюзной работе. Однако материальное вознаграждение играет важную роль в активизации некоторых направлений профсоюзной работы. Например, введение практики материального поощрения за привлечение новых членов профсоюза обычно положительно сказывается на общих результатах рекрутинга.

Социальные мотивы профсоюзной деятельности довольно разнообразны. В интервью многие информанты отмечали, что их решение заняться профсоюзной работой было обусловлено дефицитом общения, интересом к новым видам деятельности, потребностью организовать свое свободное время, расширить кругозор и т.п. Для некоторых профсоюзная работа становится способом повышения своего статуса, усиления власти и повышения авторитета за счет возможностей прямого доступа к менеджерам различного уровня. Для других — возможность «засветиться», «проявить себя», т.е. создать благоприятные перспективы для движения по основной работе.

Часть активистов, приступая к профсоюзной работе, не руководствовалась никакими внутренними мотивами. В некоторых случаях можно говорить о том, что принятое решение носило вынужденный характер:

«Ну... я понимала, что в данный момент у нас и некого было поставить. Все равно надо было выбирать. Надо было что-то делать, помогать. Вот и решила. Уговаривали долго» (Роза, председатель цехового комитета).

«Я не хотела этим заниматься. Я просто пошла навстречу, меня попросили, я не могла отказать...» (Татьяна, председатель профкома).

«Меня практически поставили перед фактом, объяснили, что мы уже на пенсии, нам пора уходить, ты моложе, больше некого. Я говорю, ладно, раз некого... И я особо не желал, скажем так» (Сергей, председатель профкома).

Таким образом, мы видим, что мотивация профсоюзных активистов также не способствует обновлению организации. Осознания социальной несправедливости, потребности действовать в защиту индивидуальных и групповых интересов, желания изменить принципы и направления работы профсоюза в суждениях обследованной группы практически не прослеживалось.

Обучение профсоюзного актива и его роль в обновлении организации

Обобщение зарубежного опыта показывает, что обучение сыграло важную роль в процессах обновления профсоюзов. Оно помогло членам профсоюза и его лидерам осознать кризис рабочего движения, преодолеть традиционные стереотипы восприятия профсоюза как организации, предоставляющей услуги, уполномоченной решать проблемы работников без их личного участия [4]. Благодаря созданию специализированных образовательных центров (Институт органайзинга в США, Организационной

низаций приходится всего 450 освобожденных председателей первичек, что составляет 0,22% [1].

академии в Великобритании) и массовому обучению профактивистов была создана социальная база, позволившая внести изменения внутри профсоюзного движения.

В России также признается важность профсоюзного обучения. Недостаток знаний лидеров традиционно считается одной из причин слабости отечественных профсоюзов. Действительно, в сложившейся системе регулирования трудовых отношений профсоюзным представителям противостоят квалифицированные специалисты, нанятые работодателем. Поэтому успех диалога во многом зависит от экономической и правовой компетенции профактива, наличия у них основ психологических знаний, владения навыками ведения переговоров др. Потребность в соответствующем обучении неоднократно озвучивалась на профсоюзных форумах различного уровня, фиксируется результатами социологических опросов, отражается в экспертных мнениях и т.д.

Однако в реальности оказывается, что профсоюзное обучение пока не стало приоритетной задачей организаций. На образовательные цели выделяется около 3% профсоюзного бюджета. По официальным данным в целом по ФНПР за 2008 г. различными формами обучения было охвачено 55% профсоюзного актива (около 1,8 млн. чел.), однако в подавляющем большинстве случаев это были краткосрочные семинары [1], которые не позволяют осуществлять систематизированную подготовку профсоюзных лидеров.

Страдает и организация образовательного процесса. Экономия средств привела к тому, что обучение сосредоточено преимущественно не в специализированных образовательных центрах профсоюзов, а в территориальных комитетах профсоюзов и непосредственно в первичных организациях. Исследователи отмеча-

ют, что в данной ситуации тематика и качество обучения на каждой ступени зависят от кругозора и квалификации человека, ответственного за обучение, от его представлений о том, как должен быть организован этот процесс и чему нужно учить профсоюзного работника [3. С. 271]. Содержание и качество такого обучения вызывают обоснованные сомнения и у экспертов:

«Большинство обкомов в принципе обучением не занимается, а говорят, что они обучают сами. Хотя, как правило, это бывает так: они приехали [в первичку], рассказали, что они сделали... Записали: обучение. Но это не обучающее мероприятие! Это информационный семинар» (руководитель центра профсоюзного обучения).

Наблюдения за процессом обучения дают повод усомниться в актуализированной потребности в знаниях, необходимых для профсоюзной работы. Речь не идет об отрицании объективной необходимости обучения профактива. Мы лишь констатируем, что на уровне индивидуальных мотиваций потребность в знаниях прослеживается слабо. Приведем лишь несколько наблюдений в подтверждение данной позиции.

В интервью с профсоюзными работниками неоднократно отмечались организационные сложности в обучении профактива, связанные с несогласием менеджеров освобождать работников на период обучения от основной работы. На вопрос, почему нельзя организовать курсы в нерабочее время, следовал ответ: «Никто не соберется». Тем не менее в некоторых организациях нашли способ мотивировать профактив к участию в обучении в свободное от работы время. Но на данный момент это скорее исключение, чем правило. В большинстве случаев активисты выражают согласие учиться тогда, когда обучение не требует от них затрат личного времени.

Отдельного замечания заслуживают т.н. выездные семинары, проведение которых обычно сопровождается разнообразной «культурной» программой. Вот впечатления преподавателя, ставшего участником одного из таких семинаров:

«Это был семинар для молодежного профактива. Мое выступление было запланировано на утро второго дня семинара. Организаторы предупредили, что могут быть опоздавшие, поскольку ночь для многих прошла слишком бурно. Действительно, к назначенному времени в аудитории находилось около десяти человек (из пятидесяти!). Оказалось, что часть людей уже уехала, другие завтракают, третьи — еще не встали. Потребовалось вмешательство организаторов, чтобы хоть как-то заполнить аудиторию (ходили как в пионерлагере, выдергивали людей из номеров). По лицам большинства присутствующих было видно, что время семинара они используют для восстановления сил перед очередным туром спортивных состязаний, который был запланирован после моих занятий».

В содержании обучения преобладают традиционные темы, ориентированные на усвоение основ экономических и правовых знаний, на приобретение навыков проведения коллективных переговоров, ведения организационной, финансовой, ревизионной работы. Относительно новыми являются темы мотивации профсоюзного членства и молодежной политики профсоюзов. Однако в тематике предлагаемых учебными центрами занятий отсутствует обобщение опыта забастовочной деятельности и других протестных действий, предпринимаемых отдельными профсоюзами, отсутствует информация о методах организованного давления на работодателя, т.е. сюжетов, которые свидетельствовали бы об изменении бюрократической ориентации в деятельности профсоюзов.

Таким образом, ограниченный приток в профсоюзный актив работников, придерживающихся альтернативных взглядов на деятельность профсоюза; мотивы действующих лидеров и активистов, далекие от целей коллективной борьбы за свои права; комплекс проблем, связанных с обучением профактива, — все это является существенным барьером на пути обновления внутренней организации и политики профсоюзов. Закономерной реакцией работников на традиционные практики деятельности профсоюза является пассивность и равнодушие, что не рождает стимулов к их изменению. Таким образом формируется замкнутый круг, который требует скорейшего разрыва.

Список литературы

1. Информация о сводной статистической отчетности по профсоюзному членству и профсоюзным органам за 2008 год. URL: http://fnpr.org.ru/pic/3-13%201_1241613661.doc (дата обращения: 5.12.2009).
2. Козина И. Постсоветские профсоюзы // Отечественные записки. 2007. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=38&article=1505> (дата обращения: 10.08.2009).
3. Металина Т. Кого и как учат в профсоюзе? / Профсоюзное пространство в современной России / под ред. В. Борисова, С. Кларка. М.: ИСИТО, 2001. С. 265–281.
4. Breaking the iron Law of Oligarchy: Union Revitalizing in the American Labor Movement // The American Journal of Sociology. 2000. Vol. 106, № 2. P. 303–349.
5. Clarke, S., Ashwin, S. Russian Trade Unions and Industrial Relations in Transition. Basingstoke and New York: Palgrave, 2002.
6. Ebbinghaus B., Visser J. When Institutions Matter: Union Growth and Decline in Western Europe, 1950–1995. Mannheim, 1998.
7. Fiorito J. Union Renewal and the Organizing Model in the United Kingdom // Labor Studies Journal. 2004. Vol. 29, № 2. P. 21–53.
8. Frazee V. Trade union Membership is Declining Globally // Workforce. 1998. Vol. 77. Issue 1.
9. Heery E., Kelly J., Waddington J. Union Revitali-

THE PROBLEM OF FORMATION OF TRADE UNION ACTIVISTS
IN PRIMARY ORGANIZATIONS

I. Germanov, E. Plotnikova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article is about main line of transformation labor movement in foreign countries. The author characterizes the organizational policy of Russian trade unions. The mechanisms of reproduction traditional practices of trade unions are analyzed.

Keywords: union movement; union staff; leadership; trade union activity.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле.

Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка».

В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7-10] — на несколько работ. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются.

Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках.

К статье прилагается информация об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты.

К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 2 (2)

Редактор *Л.А. Богданова*

Корректор *Л.Н. Семицетова*

Компьютерная верстка *Д.Г. Трунов*

Макет обложки *Н.С. Щеколова*

Подписано в печать 24.05.2010

Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 21,4. Уч.-изд.л. 13,06

Тираж 500 экз. Заказ .

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15